

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ**

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

**РОССИЯ
И
МУСУЛЬМАНСКИЙ МИР**

2016 – 4 (286)

Научно-информационный бюллетень

Издается с 1992 года

**Москва
2016**

**Центр научно-информационных исследований
глобальных и региональных проблем**

Редакционная коллегия:

А.Г. Бельский – автор проекта и основатель бюллетеня, *Е.Л. Дмитриева* – главный редактор, *О.П. Бибикина* – канд. ист. наук, первый зам. главного редактора, *А.В. Гордон* – д-р ист. наук, *Д.Б. Малышева* – д-р полит. наук, *А.В. Малашенко* – д-р ист. наук, *А.Ш. Ниязи* – канд. ист. наук, зам. главного редактора, *В.Н. Сченснович* – отв. секретарь.

Ответственные за выпуск бюллетеня на английском языке: *Е.С. Хазанов* – отв. редактор, *Н.В. Гинесина* – вед. редактор.

Россия и мусульманский мир: Научно-информационный бюллетень / РАН. ИНИОН. Центр науч.-информ. исслед. глобальных и региональных проблем. – М., 2016. – № 4 (286). – 188 с.

Тексты, представленные в бюллетене, даны в авторской редакции.

*Издано при поддержке Российского фонда содействия
образованию и науке*

СОДЕРЖАНИЕ

СОВРЕМЕННАЯ РОССИЯ: ИДЕОЛОГИЯ, ПОЛИТИКА, КУЛЬТУРА И РЕЛИГИЯ

<i>Т. Пархалина.</i> Атака на Париж и будущее отношений Россия – Запад	5
<i>Ш. Кашаф.</i> Конструирование национальной идентичности в немусульманских полициях: Роль исламских религиозных институтов	10

МЕСТО И РОЛЬ ИСЛАМА В РЕГИОНАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ, ЗАКАВКАЗЬЯ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

<i>Ф. Асадуллин.</i> Ислам в общественном пространстве московского мегаполиса XXI в.	28
<i>Б. Бгажноков.</i> Позитивные и негативные факторы малых многоэтничных обществ (по материалам исследований в Кабардино-Балкарии)	44
<i>О. Шевченко.</i> Ксенофобия как фактор угрозы национальной безопасности государств и политической стабильности в Черноморско-Каспийском регионе	59
<i>Е. ИONOва.</i> Таджики-иранские отношения сегодня	69
<i>В. Тян.</i> Трансформация этнополитики власти стран постсоветского пространства: Формы, тренды, динамика.....	75

ИСЛАМ В СТРАНАХ ДАЛЬНОГО ЗАРУБЕЖЬЯ

- А. Цуркан.* Российская военная операция в Сирии: Перспективы российско-американского сотрудничества и возможные последствия борьбы с исламским радикализмом 90
- Е. Елькина.* Гидрополитика в бассейне Нила 105
- Б. Долгов.* Ислам во Франции: Мусульмане и светская республика 115
- А. Вавилов, Ю. Зинин, А. Казанцев, А. Крылов, А. Орлов, А. Федорченко, А. Чечевишников, А. Ярлыканов.* Исламское государство: Феномен, эволюция, перспективы (начало) 132

МУСУЛЬМАНСКИЙ МИР: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ФИЛОСОФСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

- Р. Гайнутдин (Гайнутдинов).* Мусульманская мысль после Мусы Бигиева: В поисках синтеза коранического откровения и современных трендов 161
- И. Бекмирзаев.* Социально значимые законодательные акты мусульманских религиозно-правовых школ X–XIII вв. (Краткий обзор). 170

КОНФЛИКТУ ЦИВИЛИЗАЦИЙ – **НЕТ!**
ДИАЛОГУ И КУЛЬТУРНОМУ ОБМЕНУ
МЕЖДУ ЦИВИЛИЗАЦИЯМИ – **ДА!**

**СОВРЕМЕННАЯ РОССИЯ: ИДЕОЛОГИЯ,
ПОЛИТИКА, КУЛЬТУРА И РЕЛИГИЯ**

Т. Пархалина,

заместитель директора ИНИОН РАН, президент
Ассоциации Евро-Атлантического сотрудничества

**АТАКА НА ПАРИЖ И БУДУЩЕЕ
ОТНОШЕНИЙ РОССИЯ – ЗАПАД**

Террористическая атака на столицу Франции вечером 13 ноября 2015 г. может ознаменовать начало нового этапа в отношениях между Россией и Евро-Атлантикой, обострившихся почти до состояния холодной войны в связи с отношениями и вокруг Украины. Однако может не означает должно.

К 2013 г. фактор «неинтегрированности» России в евроатлантическую систему стал играть настолько серьезную роль, что уже в 2014–2015 гг. многие эксперты и политики заговорили о сломе системы европейской безопасности, которая сложилась в основном вокруг двух институтов – НАТО и ЕС и в которую Россия была интегрирована лишь опосредованно, что вызывало большие озабоченности со стороны ее политического класса и общества. Эти озабоченности конвертировались порою в непредсказуемые, с точки зрения Запада, действия и дважды даже привели к выходу из территориального статус-кво, обусловленного распадом Советского Союза (Грузия – 2008 г., Украина – 2014 г.).

2014–2015 годы характеризовались тем, что европейские институты были не в состоянии адекватно отвечать на обозначившиеся вызовы, а Россия и Запад начали играть по худшим правилам биполярной конфронтации, поддерживая те силы в третьей стране, которые декларировали приверженность либо Западу, либо России, результатом чего явилась гражданская война в Украине. При этом обе стороны не готовы признать собственную ответственность за развитие кризиса – Запад стремится обнулить все, что было до крымского референдума, а Россия уже ни при каких

условиях не отдаст Крым. Руководители и России, и Запада избежали определения кризиса как новой холодной войны, но при этом логика их действий неизбежно приводила обе стороны к противостоянию, сравнимому с периодом 1970–1980-х годов.

Кризис вокруг Украины далек до завершения, но после начала российской операции в Сирии и чудовищных терактов в Париже изменились приоритеты на шкале международной повестки дня: на первое место вышла борьба с терроризмом. Развитие ситуации до 13 ноября позволяет сделать следующие выгоды:

– информационная война, ведущаяся тремя сторонами – Украиной, Россией, Западом, – настолько разнuzданна, отвратительна и зачастую ложна, что приводит к переформатированию массового сознания в такой степени, что международное сообщество уже сейчас должно задуматься о подготовке своеобразного «кодекса поведения» в освещении конфликтных ситуаций;

– Россия не может быть исключена из дискуссии о судьбах постсоветского пространства; Россия, Европа и США должны сотрудничать, а не соперничать в этом регионе;

– очевидно, что та система безопасности Евро-Атлантики, которая явилась результатом окончания первой версии холодной войны и в которую Россия так и не была полностью интегрирована, не сможет более существовать на прежних основах – ни институционально, ни по существу, поскольку в настоящее время наблюдается тенденция движения к конфронтационной модели (и со стороны Запада, и со стороны России), к парадигме взаимного сдерживания, а это прямой вызов как для самих главных игроков (России и Евро-Атлантики), так и для их партнеров, которые не готовы одобрить ни российскую, ни западную позиции;

– кризис показал, что те международные институты, которые были созданы в том числе и для того, чтобы обеспечить безопасность, а также не перекрывать каналы для диалога, не действуют: к ним следует отнести прежде всего Совет Россия – НАТО, который создавался как всепогодный форум, но также ОБСЕ, оставшаяся единственным институтом, который пытается что-то сделать, но не работает в полном объеме;

– позиция России в вопросе сирийского урегулирования является продолжением политики в Украине в том смысле, что Россия предпринимает попытку выйти из «украинской ловушки» через «сирийскую дверь». Военно-воздушная операция России в Сирии дает Кремлю возможность без потери лица продемонст-

ривать свою силу, на самом деле постепенно высвобождаясь из украинского капкана.

Обращает на себя внимание тот факт, что начало сирийской операции совпало с серьезными договоренностями в рамках Минска-2, с согласием ополченцев ЛНР и ДНР на перенос выборов на февраль 2016 г., с достаточно устойчивым прекращением огня на юго-востоке Украины.

Развитие событий на Ближнем Востоке вовсе не означает, что наличие общего врага (ИГ) и борьба с ним неизбежно приведут к примирению России и Запада, цели которых все-таки различны. Для России геополитические интересы связаны с возвратом в регион в качестве ключевого игрока, что дает дополнительные возможности участия в послевоенном урегулировании; политические – с поддержкой режима Б. Асада и дела сирийской государственности, экономические – с недопущением срыва планов РФ по созданию южного экспортного маршрута уже в обход украинского транзита. Для Запада, прежде всего США, в экономическом смысле имеет значение то, что силы сирийской оппозиции и боевики ИГ захватили почти все месторождения углеводородов в Сирии, от которых проложены трубопроводы к заводам на западе страны, где контроль осуществляет правительство САР. Демпинговая нефть, поступающая на мировые рынки, обрушивает цену на нефть и газ, от чего прежде всего страдает экономика России, находящаяся на нефтяной игле.

Нельзя исключить, что чудовищные террористические атаки ИГ на Париж могут привести к переформированию международной повестки дня в сторону объединения усилий по борьбе с Исламским государством. Вместе с тем нельзя не обратить внимание, что сразу после трагедии, даже несмотря на изменение повестки дня заседания «Большой-20» в Анталии, ряд экспертов высказали мнение, что объединение усилий России и США невозможно. Однако обращает на себя внимание тот факт, что президент США Б. Обама на различных международных площадках начал говорить о позитивной роли России на Венских переговорах по Сирии, да и в целом изменил риторику. В Европе все чаще слышны призывы о снятии санкций с РФ и о необходимости совместных действий против ИГ. Много будет зависеть от того, как сложится союз между Россией и Францией, президент которой намеренно не хочет опираться на поддержку НАТО, понимая, что это будет в штыхы встречено Москвой, но пытается активировать ст. 42.7 Лисса-

бонского договора ЕС, предусматривающего помощь и содействие государству – жертве агрессии или нападения, но не военные действия.

В данном контексте нельзя не упомянуть, что в «челночную» дипломатию г-на Оланда по созданию Международной коалиции вмешалась трагическая история со сбитым российским бомбардировщиком в небе над Сирией. После гибели СУ-24, сбитого турецким истребителем F-16, Россия усилила военную активность. В результате, по данным МО РФ, за два месяца было уничтожено 11 нефтеперерабатывающих комплексов, 23 комплекса перекачки нефти, 1080 автоцистерн с нефтью¹, а доходы так называемого ИГ от незаконно добываемой нефти сократились на 50%². На российской базе под Латакией появился зенитно-ракетный комплекс С-400.

Совет НАТО, созданный по просьбе турецкой стороны сразу после трагического инцидента с российским бомбардировщиком, не только не активировал ст. 5 Вашингтонского договора, предполагающую коллективные действия по защите одного из своих членов в случае нападения на него, но даже и ст. 4, предполагающую чрезвычайные консультации. НАТО по сути отстранилась от ситуации, предложив решать турецко-российские разногласия на уровне двусторонних отношений, а ряд государств-членов Альянса даже требовали осуждения Турции.

В противостоянии с Турцией российская сторона пытается добиться признания со стороны мирового сообщества, что Россия является жертвой и максимально расширить свои позиции на Ближнем Востоке.

У России и международной коалиции под руководством США (куда входят 65 стран) есть одна точка совпадения интересов. Все считают, что для эффективной борьбы с ИГ следует применить наземные войска, но никто не хочет, чтобы это были собственные войсковые подразделения, памятуя о плачевном опыте Ирака и Афганистана. Поэтому в случае, если лояльные Дамаску войска будут интегрированы в международную коалицию, координация с ними будет осуществляться через Москву и тогда роль России возрастет.

Трудно предположить, что несмотря на частично разделяемые интересы по борьбе с международным терроризмом Россия

---

¹ Независимая газета, 2 декабря 2015 г. – С. 2.

² Там же.

и Запад в ближайшие годы смогут выйти даже на тот уровень взаимоотношений, которые они имели до 2014 г. Слишком различны их интересы, слишком высоко недоверие, а в ряде случаев даже непринятие друг друга, слишком велик ценностный разрыв, обуславливающий внутривнутриполитическое развитие России и стран Евро-Атлантики.

Да и не закончившийся украинский кризис, внимание с которого было действительно переключено и который уже вызывал феномен усталости как на Западе, так и в России, не позволяет окончательно забыть о тех противоречиях, которые проявились в 2014–2015 гг.

В определенной степени Украина находится под контролем Запада, при этом последний явно не доволен, как Киев ведет себя в рамках Минских соглашений и по финансово-экономическим вопросам. Европейские столицы явно раздражены степенью коррумпированности и низким профессиональным уровнем украинских элит, а также неэффективностью реформ. Раздражение вызывает также то, что и Украина, и Россия обвиняют друг друга в нарушении мирных соглашений, однако тот факт, что Россия согласилась реструктуризировать украинский долг и что под ее давлением ЛНР и ДНР пошли на перенос выборов, явно выбивают козыри из рук киевских политиков.

Известно, что особенную неудовлетворенность политикой Киева высказывают в Париже. Одновременно дипломатия президента Ф. Олланда по формированию антитеррористической коалиции с участием России позволяет делать предположения о возникновении новой «Антанты». Плюс к этому необходимо помнить, что сдерживание, в парадигме которого обе стороны – Россия и Запад, – уже существует, не может продолжаться бесконечно долго и неизбежно будет дополнено разрядкой, поскольку цивилизованный мир столкнулся со сверхопасной новой угрозой, ответить на которую можно лишь объединив усилия. Но готовность к разрядке это – результат компромисса, когда стороны не просто осознают необходимость изменений, но и готовы на практические действия с учетом интересов друг друга.

*«Европейская безопасность:
События, оценки, прогнозы»,
ИНИОН РАН, М., 2015 г.,
вып. 39 (55), декабрь 2015, с. 2–4.*

Ш. Кашаф,

руководитель Департамента образования,
науки и культуры Духовного управления
мусульман Российской Федерации
(Московский исламский институт)

КОНСТРУИРОВАНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В НЕМУСУЛЬМАНСКИХ ПОЛИТИЯХ: РОЛЬ ИСЛАМСКИХ РЕЛИГИОЗНЫХ ИНСТИТУТОВ*

В фокусе современной идеологии национального развития России сегодня находится достижение внутренней гармонии российской нации, которая конструируется как содержательная совокупность лиц, соединяемых историческими, языковыми, религиозными и культурными связями, духовно-нравственными ориентирами, стремлением к ценностной интеграции и национальной идентичностью. В литературе многоуровневый политический феномен и теоретический конструкт «национальная идентичность» подразумевается как «идентичность национально-государственного сообщества и коллективное самосознание его граждан как членов такого сообщества»¹.

Рефлексия на вызовы и бифуркацию идентичности в различных общностях может также развиваться по пути выбора альтернатив. Или двигаться в направлении резкого усиления (возрождения) значимости представлений об этнической, религиозно-конфессиональной, цивилизационной и других моделях идентичности, по которым, собственно, приходится наиболее ощутимые и заметные удары эпохи всемирной экономической, политической, культурной и религиозной интеграции и унификации. Или же – в сторону актуализации национальной гражданской идентификации,

---

* Автор присоединяется к словам благодарности Организационного комитета X Международного мусульманского форума в адрес главного редактора научно-информационного бюллетеня «Россия и мусульманский мир» Е.Л. Дмитриевой, главного редактора общенационального научно-политического журнала «Власть» А.О. Лапшина, главного редактора международного журнала «Коммуникология» Ф.И. Шаркова за оказанную мероприятию информационную поддержку.

¹ Семененко И.С. Национальная идентичность // Политическая идентичность и политика идентичности: В 2 т. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН). Т. 1: Идентичность как категория политической науки: Словарь терминов и понятий [отв. ред. И.С. Семененко]. – С. 80.

в рамках которой, по уточнению А.В. Костиной, «личностная коммуникация заменяется на опосредованную, а реальная общность – кровная, территориальная, религиозная, психологическая – на воображаемую»¹. Не случайно особо кризисные периоды драматических разрывов социальных связей, приводящие к размыванию коллективной идентичности в ее значимых для национального сообщества измерениях, современные исследователи истолковывают именно в категориях вызовов развитию национального сообщества².

О том, насколько для мусульманских политий оказывается важным вопрос сохранения и укрепления своей идентичности, свидетельствует то, что Президент Ирана Хасан Роухани начал свою речь на 68-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН (17 сентября 2013 г., Нью-Йорк) фразой: «Наш мир является миром, полным страхов и надежд: страха перед войной и враждебными региональными и международными отношениями; страха перед смертоносными столкновениями религиозных, племенных и национальных идентичностей...»³ Говоря о страхах, с которыми сталкивается общество, иранский политик, конечно же, в своих обобщениях не замыкается в пределах исламского мира. Он рассуждает об угрозах для многих, кто сегодня уступает по своим возможностям Западу.

Заявление иранского лидера Х. Роухани в ООН вполне согласуется с дискурсом президента России В.В. Путина, который на X конференции международного клуба «Валдай» (19 сентября 2013 г., Новгородская обл.) подтвердил актуальность практически для всех стран и народов поиска новых стратегических подходов к сохранению своей идентичности, особенно в условиях осуществления попыток Западом возвратиться к однополярной унифицированной модели мира, размывающей национальный суверенитет. В.В. Путин связывает возникающие вызовы с внешнеполитическими и моральными аспектами событий, происходящих в мировом пространстве. При этом он апеллирует к тем значимым рели-

---

¹ Костина А.В. Кризис современной идентичности и доминирующие стратегии идентификации в границах этноса, нации, массы (окончание) // Знание. Понимание. Умение. – 2010. – № 1. – С. 188.

² Семененко И.С. Дилеммы национальной идентичности: политические риски и социальные приобретения // Полис (Политические исследования). – 2009. – № 6. – С. 10.

³ Цит. по: Раванди-Фадаи Л.М. К вопросу о положении национальных и религиозных меньшинств // ИРАН: История и современность (под ред. Л.М. Кулагиной, Н.М. Мамедовой). – М.: ИВ РАН; Центр стратегической конъюнктуры, 2014. – С. 272.

гиозным константам, которые еще несколько лет назад были не свойственны для политического дискурса российского президента. «Такому однополярному, унифицированному миру, – поясняет В. Путин, – не нужны суверенные государства, ему нужны вассалы. В историческом смысле это отказ от своего лица, от данного Богом, природой многообразия мира»¹.

Как явствует из выступления главы российского государства В.В. Путина на заседании международного дискуссионного клуба «Валдай» (19 сентября 2013 г., Новгородская обл.), многие евроатлантические страны своим отрицанием нравственных начал и любой традиционной идентичности – национальной, культурной, религиозной, – а также отказом от фундирующих ценностей, постулируемых христианством и другими мировыми религиями, приблизились к той черте, за которой неизбежно наступает утрата человеческого достоинства, глубокий демографический и нравственный кризис. Этого всего может избежать Россия, всегда стремившаяся в своей модели государства-цивилизации следовать гибким подходам при учете национальной и религиозной специфики народонаселения страны. Именно из модели государства-цивилизации проистекают особенности российского государственного устройства, как утверждает В. Путин, делающий в своей валдайской речи акцент на том, что христианство, ислам, буддизм, иудаизм, другие религиозные деноминации являются неотъемлемой частью идентичности и исторического наследия страны в современной жизни россиян.

Соединение мусульманского компонента вместе с другими конфессиональными идентификациями России в президентском дискурсе несколько не является натяжкой: на территории многонационального и многоконфессионального государства проживает наибольшее число мусульман среди стран Европы. Официальные лица России постоянно говорят о духовной, культурной и цивилизационной близости с мусульманским миром, для которого она является «органичной частью»². Президент РФ В. Путин стал пер-

---

¹ Выступление Владимира Путина на заседании клуба «Валдай» // Российская газета. 2013. 19 сент.

² См.: Выступление на встрече с постоянными представителями стран – членов Лиги арабских государств. – Президент России. Официальный сайт. – 2009 г. – 23 июня. Доступ: <http://www.kremlin.ru/transcripts/4804> (Проверено 10.01.2014); Прямая линия с Владимиром Путиным. – Президент России. Официальный сайт. 2014 г. 17 апреля. URL: <http://www.Hemlin.ru/news/20796> (Дата обращения: 10.01.2014.)

вым, кто официально признал, что Россия – это и мусульманская страна. В декабре 2005 г., выступая на заседании парламента Чеченской Республики он заявил, что страна всегда была самым верным и последовательным защитником ислама. В октябре 2013 г. в речи Путина на торжественном собрании в Уфе, посвященном 225-летию Центрального духовного управления мусульман России, ислам упоминается как «яркий элемент российского культурного кода»¹. Это находит отражение во внутренней и внешней политике страны, сказывается на ее двусторонних отношениях с мусульманскими государствами, а также на участии в делах Организации Исламского сотрудничества, где с 2005 г. по просьбе В.В. Путина Российской Федерации предоставлен статус наблюдателя.

В сменившихся декорациях постсекулярной эпохи включение религиозного фактора в последние объяснительные и прогностические политические модели, связанные с кризисом пересмотра основ национальной идентичности, все чаще оказывается категорически неприемлемым. «В нашу “постполитическую” эпоху, – пишет Славой Жижек, – когда политика в собственном смысле слова постепенно заменяется экспертным социальным администрированием, единственным источником конфликтов становятся культурные (религиозные) или естественные (этнические) противоречия»². Последствиями такого сдвига политического в пространство идентичности становится значительное переосмысление возрастающей политической роли религиозных акторов³.

Еще одна важная тенденция последнего времени, зафиксированная специалистами Института социологии РАН по результатам проведенного в ноябре 2014 г. общенационального исследования «Российское общество в контексте новых реалий», – устойчивый рост признания в общественном мнении россиян «приемлемости новых форм присутствия религиозного фактора в обществе путем выхода религиозных организаций за собственно “церковные

---

¹ Выступление на торжественном собрании, посвященном 225-летию Центрального Духовного управления мусульман. – Президент России. Официальный сайт. – 2013 г. – 22 окт. URL: <http://www.kremlin.ru/transcripts/19473> (Дата обращения: 10.01.2014.)

² Жижек С. Некоторые политически некорректные размышления о насилии во Франции и не только. – Логос. – 2006. – № 2. – С. 13.

³ Харкевич М.В., Касаткин П.И. Биополитика и религия в эпоху постмодерна. – Вестник МГИМО-Университета, 2011. – № 6. – С. 221.

пространства”», не замещающих при этом форм сугубо светской организации общества¹.

Интенсификации интеллектуально-религиозной рефлексии, по нашему мнению, усиленно способствует и отчетливо обозначившийся в российском обществе консервативно-традиционалистский поворот. И представители традиционных российских конфессий не преминули использовать открывшиеся для них дополнительные возможности артикуляции в публичном пространстве результатов собственных духовно-нравственных, социально-культурных и интеллектуальных исканий.

Между тем с «передовой» нациестроительства уже практически ретировались многие: партии, которые, как замечает Л.В. Поляков, в нашем случае «всего лишь симулякры подлинной, ценностно-рациональной партийности», ставшие таковыми «не по злому умыслу, а по причине слишком юной для этого демократии и ввиду еще не переваренной “советской оскомины” от “партийности” как таковой»², а также расколота надвое интеллигенция, которая по причине своей неоднородности образовала в процессе «развода» два элитных фрагмента (по А. Салмину). Первый – функциональный – ориентирован «на интеллектуальное обеспечение практического действия, предпринимаемого элитами политическими, на предвидение последствий действия, его легитимацию (или делигитимацию) и проч., и второй – рефлексивный, – представители которого «не ориентированы на непосредственное практическое действие с определенным результатом, а свободно экспериментируют во всем пространстве культуры»³.

Ожидать, что отечественный бизнес окажется в состоянии генерировать моральные ценности, на основе которых могла бы основываться политическая нация, также не приходится. Во-первых, «олигархические структуры сейчас живут не со своим народом», во-вторых, им «сделана настолько мощная прививка

---

¹ Российское общество в контексте новых реалий (тезисы о главном): Информационно-аналитическое резюме по итогам общенационального исследования. 2015. С. 10. URL: http://www.isras.ru/files/File/publ/resume_isras_28.01.2015.pdf (Дата обращения: 01.02.2015.)

² Поляков Л.В. Теория nation-building Святослава Каспэ // Полис. Политические исследования. – 2012. – № 2. – С 188.

³ Примаков Е.М. Вызовы и альтернативы многополярного мира: Роль России / Е.М. Примаков; Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова. Ф-т политологии; Отв. ред. П.А. Цыганков и И.И. Кузнецов; Авт. вступит. ст. А.Ю. Шутов; Сост. А.В. Топычканов. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2014. – С. 50.

против внутривластной активности, в особенности выходящей на федеральный уровень»¹, что оправдаться от превентивных мер удастся не скоро.

Отводя церкви – этому социальному актору, постоянно находящемуся на самых высоких строчках в рейтингах доверия общественным институтам, – высокое место среди участников российского нациестроительства, Святослав Каспэ говорит о совершенно особом положении Русской православной церкви, делающим именно ее вторым после государства необходимым участником nation-building².

Несомненно, сегодня РПЦ, занимающая доминирующее положение среди других российских институционализованных конфессий, все больше и больше входит в политический процесс на положении субъекта политического целеполагания, гораздо отчетливее и масштабнее иных артикулирует свою позицию в публичной сфере. Традиционный ислам в России, который не располагает жестко институционализованной иерархичной структурой, в последние годы тоже выражает свою обеспокоенность выявляющейся в крайне обостренной форме проблемой поиска путей сохранения собственной национальной, религиозной идентичности и традиционных социальных институтов. И голос лидеров мусульманского сообщества все чаще звучит в унисон с позицией православных иерархов.

Об абсолютной совместимости позиций двух ведущих авраамических традиций в России по многим принципиальным вопросам, которые были заявлены в программах XXIII Международных Рождественских образовательных чтений «Князь Владимир. Цивилизационный выбор Руси» (21 января 2015 г., Москва) и X Международного мусульманского форума (10–12 декабря 2014 г., Москва), свидетельствуют ключевые тезисы докладов главных выступающих на пленарных заседаниях, прежде всего глав Русской православной церкви (РПЦ) Кирилла и Духовного управления мусульман Российской Федерации (ДУМ РФ) Равиля Гайнутдина.

В понимании патриарха Кирилла Россия оказывается сегодня перед лицом мировоззренческой дилеммы: поступиться своим духовным суверенитетом, отказаться от собственной националь-

---

¹ Каспэ С.И. Политическая теология и nation-building: Общие положения, российский случай. – М.: РОССПЭН, 2012. – С. 100.

² Каспэ С.И. Указ. соч. – С. 103.

ной и культурной идентичности в обмен на снятие введенных против нее санкций и сохранение дальнейших возможностей потреблять материальные блага, либо сохранить верность российским идеалам и ценностям. Глава РПЦ не видит никакой иной возможной альтернативы, кроме как сберечь «благословенное духовное единство наших народов», не поддастся «соблазну свернуть с этого пути»¹.

Муфтий шейх Равиль Гайнутдин, вскрывая ценностную и цивилизационную природу фундаментального вызова, говорит об особой его опасности не только для России, но и для большинства народов и стран, разочаровавшихся в идее глобализации, которая препятствует гармоничному сосуществованию культур и традиций в политически монополярном мире. Императивы лидера российских мусульман требуют противопоставить «идеологическое, а в случае реальной угрозы безопасности личности, семье, Родине – и физическое противодействие» ультралиберализму, который сегодня нападает на традиционные ценности россиян с «присущим ему индивидуализмом, эгоцентризмом, гедонизмом, ориентацией на материальный мир, проповедничество стяжательства и обогащение во имя личных целей, стиранием культурного разнообразия, унификацией человечества, наконец, кризисом духовности»².

Публичный дискурс значимых представителей двух наиболее многочисленных ветвей мировых религий – православия и ислама – создает прочную объединительную основу, на которой выстраивается защита российской нации, скрепляемая союзом традиционных для России конфессий. Не случайно оба события, обращенные к актуальным вопросам глобальных вызовов, привлекли к себе внимание высшей политической элиты страны. Пожелания успешной работы его участникам выразили В.В. Путин и руководитель администрации президента С.Б. Иванов. Бесспорно, внимание фигур самого высокого федерального уровня, направивших приветствия, соответственно, в адрес организаторов

---

¹ Доклад Святейшего Патриарха Кирилла на открытии XXIII Международных Рождественских образовательных чтений. 2015. – Официальный сайт Московского патриархата. 21 января. URL: <http://www.patriarchia.m/db/text/2957820.html> (Дата обращения: 24.01.2015.)

² Муфтий Равиль Гайнутдин: Ислам есть смирение собственной воли перед волей Аллаха. 2014. – Мусульмане России. Официальный сайт Духовного управления мусульман Российской Федерации. 10 декабря. URL: <http://www.dumrf.ru/upravlenie/speeches/8803> (Дата обращения: 10.01.2015.)

Рождественских чтений¹ и международной встречи мусульман², изначально задало координаты политического восприятия и явилось знаковым для предстоящих религиозно-общественных форумов Русского мира и российского мусульманства.

Мы полагаем, что общность России и мусульманского мира сегодня поддерживается не только их культурной близостью, но и теми вызовами, которые практически одновременно открылись им со стороны Запада. И в этом смысле содержательный эмпирический материал для анализа предоставляет юбилейный Международный мусульманский форум (ММФ), на котором, по экспертным оценкам, «представители различных конфессий продемонстрировали общность подходов к укреплению независимости России, взаимодействию культур и формированию национально-государственной идентичности страны»³.

Сам факт проведения в российской столице столь крупного религиозно-общественного форума, каким явился задуманный мусульманскими и сугубо светскими организациями, включая Комиссию Российской Федерации по делам ЮНЕСКО, МГУ имени М.В. Ломоносова, СПбГУ и др.⁴, как представительная международная дискуссионная площадка, органично вписывается в комплекс основных направлений в области международного сотрудничества, заданных принятой Указом Президента РФ от 19 декабря 2012 г. № 1666 Стратегией государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 г. Так, согласно указанному документу, приоритетными задачами

---

¹ Приветствие Президента РФ В.В. Путина участникам XXIII Международных Рождественских чтений. – Официальный сайт Московского патриархата. 21.01.2015 г. URL: <http://www.patriarchia.m/db/text/2958464.html> (Дата обращения: 24.01.2015.)

² Сергей Иванов. Результаты X Международного мусульманского форума послужат укреплению мира. – Мусульмане России. Официальный сайт Духовного управления мусульман Российской Федерации. 2014.17 дек. URL: <http://dumrf.ru/upravlenie/documents/8828> (Дата обращения: 10.01.2014.)

³ Комаровский В.С. Формирование национально-государственной идентичности России: Вызовы и риски // Власть. – 2015. – № 5. – С. 25.

⁴ Соорганизаторами мероприятия выступили: Духовное управление мусульман Российской Федерации, Совет муфтиев России, Комиссия Российской Федерации по делам ЮНЕСКО, Институт стран Азии и Африки МГУ им. М.В. Ломоносова, Восточный факультет СПбГУ, Всемирный союз мусульманских ученых, Министерство по делам религии Турецкой Республики, Международный университет «Аль-Мустафа», Московский исламский институт, Фонд поддержки исламской науки, культуры, образования, Издательский дом «Медина».

в области национальной политики являются: «использование ресурса общественной дипломатии... как средства установления межцивилизационного диалога»; наращивание сотрудничества с международными организациями в целях недопущения различных форм дискриминации, в том числе по признакам религиозной принадлежности; обеспечение во взаимодействии с ними отношений партнерства, направленных на «поддержание инициатив институтов гражданского общества во взаимодействии с Русской православной церковью и другими традиционными конфессиями страны в сфере национальной политики»¹.

Среди прибывших на форум крупнейших мусульманских богословов (суннитского и шиитского толка), авторитетных исламоведов и верховных муфтиев ряда стран евразийского континента (более 500 участников из 21 страны мира) были и представители тех государств, кто не поддержал санкционный режим США и Евросоюза, введенный в 2014 г. против России из-за ее позиции по Крыму и Украине. На эту политическую подоплеку обратил особое внимание председатель Комитета по образованию Государственной думы Российской Федерации В.А. Никонов, отметивший в своем выступлении на пленарном заседании форума, что «ни одно исламское государство не присоединилось к санкциям, которые Вашингтон накладывает на Россию»².

Сложившаяся дискуссия участников ММФ вокруг вызовов национальной идентичности России, вступившей в экономическое, политическое и ценностно-цивилизационное противостояние с западноевропейскими государствами, однозначно не могла не превратиться в важный политический компонент повестки форума. Присутствовавшие на мероприятии аналитики в своих работах утверждают: «Конфронтация России со странами Запада носит, несомненно, не случайный характер и свидетельствует, прежде всего, о том, что евро-атлантическая цивилизация продолжает отказываться признать нашу страну равным партнером, сколько бы

---

¹ Указ Президента РФ от 19.12.2012 № 1666 «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года». – Президент России. Официальный сайт. 2012. 19 дек. URL: <http://text.document.kremlin.ru/SESSION/PILOT/main.htm> (Дата обращения: 10.01.2015.)

² Выступление Вячеслава Никонова на X Международном мусульманском форуме. – Мусульмане России. Официальный сайт Духовного управления мусульман Российской Федерации. 2015. 26 января. URL: <http://dumrf.ru/upravlenie/speeches/8915> (Дата обращения: 10.02.2015.)

наша страна ни оказала ей помощи в различных регионах мира»¹. Эту свою мысль историк и эксперт по мусульманскому сообществу А.Ю. Хабутдинов² подкрепляет апелляцией к актуальному как никогда прецедентному тексту выдающегося крымско-татарского мыслителя Исмаила Гаспринского³ «Русско-восточное соглашение» (1896), в котором содержится весьма критичный взгляд насчет целей Запада. «Действуя то против России, то против мусульман, – писал И. Гаспринский, – европейцы в том и другом случае извлекают выгоду и идут вперед... Если же посмотреть, с какой бессердечностью Европа угнетает весь Восток экономически, делаясь зверем каждый раз, когда дело коснется пенса, сантима или пфеннига, то становится очевидным, что Востоку нечего ждать добра от Запада»⁴.

Как известно, возвращению многонационального и многоконфессионального народа Крымского полуострова вместе с более чем 300-тысячным крымско-татарским населением под юрисдикцию России и в ее идентификационное пространство стало возможным в результате проведения в марте 2014 г. референдума на территории Республики Крым. Вызванные Крымской весной перемены были настолько стремительны, что радикально многое изменили и для мусульманской общины Крыма. А это 11% населения полуострова, особая роль в ней принадлежит крымским татарам⁵.

Интересы мусульман Крымского полуострова представляет Духовное управление мусульман Крыма (ДУМК), объединяющее

---

¹ Хабутдинов А.Ю. Всего один месяц март: Россия и Крым // Медина аль-Ислам. – 2014. – № 149. – 16 мая.

² В рамках работы ММФ А.Ю. Хабутдинов, являющийся председателем Экспертного совета Федерального ресурсного центра по развитию исламского и исламоведческого образования при Казанском федеральном университете, возглавлял Программный комитет, в работе которого принимал также участие и автор статьи в качестве ответственного секретаря.

³ Гаспринский Исмаил Мустафович (1851–1914). Основоположник пантюркизма, главный идеолог татарского движения обновленчества – джадидизма, публицист, издатель первой татарской газеты «Терджеман» (Переводчик), один из организаторов первой мусульманской партии «Иттифак аль-муслимин».

⁴ Гаспринский И. Русско-восточное соглашение. Мысли, заметки и пожелания Исмаила Гаспринского // Исмаил бей Гаспринский. Россия и Восток. – Казань: Фонд Диен, Татарское кн. изд-во, 1995. – С. 62.

⁵ Бугай Н.Ф. Формирование национального и конфессионального состава населения Республики Крым: Общество, политика // Голос минувшего. Кубанский исторический журнал. – 2014. – № 1–2. – С. 88.

сегодня подавляющее большинство мусульманских общин на территории нового субъекта России (по последним данным – более 350)¹. По словам его руководителей, в переломный для крымско-татарского народа момент принятия очередного судьбоносного решения в их жизни, связанный с крымским плебисцитом и присоединением к России, им также пришлось встретить противодействие со стороны активизировавших свою деятельность представителей различного рода сект, радикальных псевдоисламских течений в Крыму, людей с конфликтным мышлением, сохранявших критичность и подозрительность в отношении России.

Опрошенные нами в ходе мероприятия руководители мусульманских религиозных организаций, имамы, представители мусульманских общественных организаций и СМИ в большинстве своем считают, что присоединение Крыма к Российской Федерации повлияет на позиции мусульманской уммы страны в целом. Они также находят эффективными дискурсивные коммуникации председателя Совета муфтиев России Р. Гайнутдина и президента Республики Татарстан Р.И. Минниханова, состоявшиеся в ходе официальных визитов на полуостров. В преддверии и по окончании крымского плебисцита они были максимально включены в тяжелейшие интеллектуальные и политические диалоги со своими братьями по вере, истории, культуре.

Как мы помним, спичрайтеры В.В. Путина, трудившиеся над текстом президентского выступления на Валдайском форуме в 2013 г., предпочли усилить ценностную апелляцию главы государства к прошлому и историческому коду России концептом «цветущая сложность», имплицитно закладывая возможность для дальнейшего развития президентского дискурса различными политическими и общественными силами. Терминологическая новация русского философа и консервативно-религиозного мыслителя Константина Леонтьева, использованная Владимиром Путиным для ёмкой и образной передачи имеющегося идентификационного многообразия российской нации, не ускользнула от внимания Рауля Гайнутдина и его политических консультантов.

За коллективную самоидентификацию национального сообщества, и прежде всего за духовные основы мусульман как неотъемлемой части российской нации, также активно выступают структуры, возглавляемые Р. Гайнутдином – прежде всего Духов-

---

¹ Официальный сайт Духовного управления мусульман Крыма. 2014. 11 дек. Доступ: <http://qmdi.org/index.php/ru/muftiyat> (Дата обращения: 10.01.2015.)

ное управление мусульман Российской Федерации, созданное в 2014 г. на базе ДУМ Европейской части России, и Совет муфтиев России. Не в положении альтернативной силы светскому государству, но в роли равноположенного ему и РПЦ субъекта складывающейся российской идентичности, понимаемой одним из главных разработчиков идеологических концепций ДУМ РФ Дамира Мухетдинова, имеющего в этой организации статус первого заместителя ее председателя, как симбиоз приверженности многополярности, традиционным ценностям, традиционному мультикультурализму и умеренному консерватизму.

«Это обозначает, – пишет Д. Мухетдинов в программной статье “Российское мусульманство: призыв к осмыслению и контекстуализации”, напечатанной специально к юбилейному X Международному мусульманскому форуму (ММФ) в журнале “Минарет ислама”, – демонополизацию “русской идеи” со стороны православия, вывод традиционного ислама из медийного подполья, создание позитивного облика российского мусульманства и других религий»¹. Как далее развивает свою мысль процитированный автор, при этих условиях российские мусульмане смогут ощутить себя актором конструирования российской (евразийской) идентичности, направить свой созидательный потенциал на дальнейшее укрепление патриотизма, гражданственности и демократизма, полноценно включиться в контекст национальной и общероссийской культуры, наконец снизить возможные радикалистские устремления, нагнетаемые внешними геополитическими конкурентами России.

Следует отметить, что настойчивые попытки интегрировать идеологию умеренного консерватизма в совмещаемые матрицы российской и евразийской идентичностей – тренд, который характерен в последнее время как для региональных исследователей Татарстана (все чаще называемого местными политическими элитами «мусульманской республикой»²), актуализировавших научное переосмысление консервативных направлений, исторически не противоречивых мусульманской умме в Российской империи³, так

---

¹ Мухетдинов Д.В. Российское мусульманство: Призыв к осмыслению и контекстуализации // Минарет ислама. – 2014. – № 3–4. – С. 27.

² Президент Минниханов объявил Татарстан мусульманской республикой. – ИА REGNUM. Сайт. 2012.2 мая. URL: <http://www.regnum.m/news/polit/1S26S91.html> (Дата обращения: 10.01.2015.)

³ Сулейманов Р. Русский и татарский консерватизм в России в начале XX века: История, взаимовлияния, современное прочтение. – Этнорелигиозные

и для немусульманских аналитиков-неоевразийцев, связывающих модель коллективной идентичности, ориентированную на цивилизационную матрицу, с терпимостью к «своим» российским иноплеменникам и исламу вплоть до создания православно-исламского союза, либо делая упор на ислам как на идеологическую основу¹.

Анализируя прозвучавшие на ММФ касательно умеренного консерватизма мусульман основные тезисы Р. Гайнутдина, позиционировавшегося в официальных материалах мероприятия не только как глава двух крупнейших централизованных мусульманских организаций страны – СМР и ДУМ РФ, – но и как член Совета по взаимодействию с религиозными объединениями при Президенте РФ (что также подчеркивало имеющееся у него и его идеологической команды со-мыслие с неоевразийскими новациями кремлевской элиты), можно выделить три основных момента, к которым сводится репрезентируемый исламским лидером «здоровый консерватизм будущей евразийской идентичности». Это 1) защита традиционных ценностей, нравственных норм, принципов духовности, постулируемых мировыми религиями; 2) продуцирование взаимообогащающего культурного обмена между людьми разных религий и этносов; 3) гармоничное сочетание современного образа жизни человека с религиозной практикой (для приверженцев традиции умеренного ислама такую возможность предоставляет парадигма «срединного пути»)².

Идеологам умеренного консерватизма по версии ДУМ РФ импонирует то, что В. Путин, как и классические евразийцы, провозглашает применимым в Евразийском союзе принцип цивилизационного плюрализма и многообразия, что он «выступает за многополярность, за неадекватность универсализации западных ценностей без учета специфики каждой культурной ойкумены»³. Крайне приемлемой для них выглядит цивилизационная и полити-

---

исследования в Поволжье. Сайт. [Электрон. ресурс]. 2012. 8 июня. URL: <http://www.kazan-center.ru/osnovnye-razdely/16/291> (Дата обращения: 10.01.2015.)

¹ См. об этом: Кинева Т.С. Трансформация идейного ядра евразийства (от «классической» к неоевразийской интерпретации) // Вестник БИСТ. – 2009. – № 1. – С. 100.

² Муфтий Равиль Гайнутдин. Ислам есть смирение собственной воли перед волей Аллаха. 2014. – Мусульмане России. Официальный сайт Духовного управления мусульман Российской Федерации. 10 дек. URL: <http://www.dumrf.ru/upravlenie/speeches/8803> (Дата обращения: 10.01.2015.)

³ Мухетдинов Д. Российское мусульманство: призыв к осмыслению и контекстуализации // Минарет ислама. – 2014. – № 5–4. – С. 10–11.

ческая рамка, задаваемая президентом и позволяющая сделать так, что в создаваемом Евразийском объединении «каждый сохранит свое лицо, свою самобытность и политическую субъектность»¹, а главное – будут открыты широкие возможности для действия четырех традиционных конфессий, функционирующих при этом в формате светского общества.

Актуализированные консервативные устремления мусульманских активистов ДУМ РФ, находящиеся в тесной увязке с ценностными, традиционалистскими и социально-политическими перспективами евразийской интеграции, в более развернутой форме оказываются представленными в целом ряде публичных символических актов. К ним, несомненно, следует отнести и ММФ, получивший высокую оценку администрации президента².

В значительной степени подтвердились и связывавшиеся с ММФ экспертные ожидания знаковости этого события, о чем весьма пронизательно высказался в своем приветственном письме участникам мероприятия академик, дипломат и бывший премьер-министр России Е.М. Примаков. Под его патронажем в свое время (2006) была создана группа стратегического видения «Россия – исламский мир», продолжающая и сегодня осуществлять ряд важных крупных проектов при участии общественных, государственных и духовных лидеров. Поднятые на форуме темы обсуждения, в чем и не сомневался Е. Примаков, оказались весьма важными для мирового сообщества³. Такая констатация отчасти дезавуирует критические оценки некоторых исследователей⁴ по поводу результатов международной деятельности российских муфтиятов в Новейшее время.

---

¹ Выступление Владимира Путина на заседании клуба «Валдай». 2013. – Российская газета. 19 сент.

² Муфтий Равиль Гайнутдин встретился с зам. руководителя Управления внутренней политики АП Михаилом Белоусовым. – Мусульмане России. Официальный сайт Духовного управления мусульман Российской Федерации. 2014. 25 дек. URL: <http://www.dumrf.ru/regions/77/event/8867> (Дата обращения: 10.02.2015.)

³ Приветствие академика Е. Примакова X Международному мусульманскому форуму. – Мусульмане России. Официальный сайт Духовного управления мусульман Российской Федерации. 2014. 17 дек. URL: [Lhttp://dumrf.ru/upravlenie/documents/8827](http://dumrf.ru/upravlenie/documents/8827) (Дата обращения: 10.01.2014.)

⁴ Силантьев Р.А. Международная политика российских муфтиятов в Новейший период // Вестник Московского государственного лингвистического университета. – 2014. – № 2. – С. 173–182.

В условиях сегодняшних реалий идейно-цивилизационного и геополитического противостояния РФ с западноевропейскими странами крайне значимой воспринимается высказанная на форуме министром по делам религии Турецкой Республики доктором Мехметом Гёрмезом оценка многовекового опыта России. По мнению главного муфтия Турции, это наследие достойно изучения всей Европой. Перефразируя мысль Гёрмеза, можно сказать, что если земли России стали именно той территорией, где «ислам сформировал основы права, нормы и принципы гармоничного сосуществования религий», то Екатерина II явилась той дальновидной государственной правительницей, при которой заложенные «законодательные основы правового мирного сосуществования людей, придерживающихся разных религиозных воззрений мусульман, христиан и иудеев», – позволили столетиями продолжать здесь формировать учения, моральные ценности и правовые традиции мирного проживания народов и религий¹.

Еще несколько лет назад характерные для мусульманского духовенства политическая индифферентность и обезличенность как субъекта политики² за последние годы существенно трансформировались. Теперь мусульманские религиозные акторы в полную силу стремятся участвовать в процессах «политико-культурного синтеза» и выработки политических смыслов в рамках дискурсивного конструирования цивилизационной идентичности – российской и евразийской. Считается, что этот вид идентичности «задается именно причастностью к религиям, идеологиям, социальным практикам и культурным стилям, составляющим стержень “сакральной вертикали”»³.

Таким образом, солидаризируясь с некоторыми экспертами мусульманского сообщества, можно сделать вывод о том, что сегодня влиятельными религиозными центрами, мусульманскими лидерами тюркского мира СНГ и Евразии, арабских стран и Ирана, Юго-Восточной и Средней Азии признается особая роль

---

¹ Выступление министра Мехмета Гёрмеза на X Международном мусульманском форуме. – Мусульмане России. Официальный сайт Духовного управления мусульман Российской Федерации. 2015. 12 февр. URL: <http://www.dumrf.ru/upravlenie/speeches/8977> (Дата обращения: 13.02.2014.)

² Мухаметшин Р.М. Становление конфессиональной политики в России: Опыт Татарстана // Политическая экспертиза: Политэкс. 2010. Т. 6. № 2. – С. 63–64.

³ Малинова О.Ю. Российская идентичность между идеями нации и цивилизации // Вестник Института Кеннана в России. – 2012. – Вып. 22. – С. 50.

мусульманства России, «вокруг которой Запад тщательно выстраивает кольцо изоляции»¹.

Российские муфтияты, иницируя из Москвы создание новой парадигмы внутриисламского и межконфессионального диалога, формализуемого рамками создаваемой организации ММФ, стремятся направить его во благо устойчивого развития всего российского общества, российской нации, укрепления суверенитета и национальной идентичности России, а также на пользу всех ее партнеров на Евразийском пространстве.

Новая международная мусульманская дискуссионная площадка (к ее юридическому оформлению в виде самостоятельной организации со штаб-квартирой в Москве уже приступил избранный на форуме секретариат во главе с Д. Мухетдиновым) будет открыта для представителей всех религиозных номинаций, структур гражданского общества и органов государственной власти. По мнению председателя ДУМ РФ Р. Гайнутдина, это позволит решать и такую важную задачу, как содействие «складывающемуся геополитическому союзу по оси “Москва – Анкара – Тегеран” и придание плодотворного взаимодействия с народами евразийских стран самой России, совершающей “разворот на Восток”»².

Подводя итог сказанному, следует зафиксировать, что ответ на специфический глобальный вызов национальной идентичности России, исторически развивавшейся как государство-цивилизация, предполагает наличие у нее стратегии и собственной политики идентичности. Проведение такой сбалансированной политики сегодня уже трудно мыслится без активного участия религиозных институтов, представляющих как православное, так и мусульманское сообщество, учитывая, что большинство населения по вероисповеданию и этнокультуре идентифицирует себя с этническими православными (89–92%) и мусульманами (6–9%), в сумме составляющими 97–98% жителей страны³.

---

¹ Мухаметов Р. 2015. Рождественское послание Гайнутдина. Проповедь для элиты и общества. – Ансар. Сайт. 2015. 23 янв. URL: – <http://www.ansar.ru/analytics/2015/01/23/57184> (Дата обращения: 28.01.2015.)

² Ахметова Д. 2014. Муфтий Равиль Гайнутдин: В 2014 г. Россия сделала свой цивилизационный выбор. Совет муфтиев России. Официальный сайт. 2014. 31 декабря. URL: <http://www.muslim.m/articles/95/6315> (Дата обращения: 10.01.2015.)

³ Якунин В.И., Сулакшин С.С., Симонов В.В. и др. Социальное партнерство религиозных организаций и государства. – М.: Научный эксперт. 2009. – С. 31.

Российское мусульманство предлагает свой вариант решения глобальных угроз, не имеющий ничего общего с радикальным исламом, экстремистские формы демонстрации которого у всех на виду. Тем ценнее оказываются, пусть пока и менее заметные, проявления этого умеренно консервативного ответа в виде интеллектуальной полемики и умонастроений мусульман.

Литература

1. Бугай Н.Ф. Формирование национального и конфессионального состава населения Республики Крым: общество, политика // Голос минувшего. Кубанский исторический журнал. – 2014. – № 1–2. – С. 74–93.
2. Гаспринский И. Русско-восточное соглашение. Мысли, заметки и пожелания Исмаила Гаспринского // Исмаил бей Гаспринский. Россия и Восток. – Казань: Фонд Жиен, Татарское книжное изд-во. 1993. – С. 59–78.
3. Жижек С. Некоторые политически некорректные размышления о насилии во Франции и не только // Логос. – 2006. – № 2. – С. 3–25.
4. Каспэ С.И. Политическая теология и nation-building: общие положения, российский случай. – М.: РОССПЭН, 2012. – 191 с.
5. Кинева Т.С. Трансформация идейного ядра евразийства (от «классической» к неоевразийской интерпретации) // Вестник ВИСТ. – 2009. – № 1. – С. 90–102.
6. Комаровский В.С. Формирование национально-государственной идентичности России: вызовы и риски // Власть. – 2015. – № 3. – С. 20–27.
7. Костина А. В. Кризис современной идентичности и доминирующие стратегии идентификации в границах этноса, нации, массы (окончание) // Знание. Понимание. Умение. – 2010. – № 1. – С. 187–194.
8. Малинова О.Ю. Российская идентичность между идеями нации и цивилизации // Вестник Института Кеннана в России. – 2012. – Вып. 22. – С. 48–56.
9. Мухаметшин Р.М. Становление конфессиональной политики в России: опыт Татарстана // Политическая экспертиза: Политэкс. – 2010. – Т. 6. – № 2. – С. 58–73.
10. Мухетдинов Д.В. Российское мусульманство: призыв к осмыслению и контекстуализации // Минарет ислама. – 2014. – № 3–4. – С. 4–28.
11. Поляков Л.В. Теория nation-building Святослава Каспэ // Полис. Политические исследования. – 2012. – № 2. – С. 186–189.
12. Примаков Е.М. Вызовы и альтернативы многополярного мира: роль России (отв. ред. П.А. Цыганков, И.И. Кузнецов). – М.: Изд-во Московского ун-та, 2014. – 320 с.
13. Раванди-Фадаи Л.М. К вопросу о положении национальных и религиозных меньшинств // ИРАН: история и современность (под ред. Л.М. Кулагиной, Н.М. Мамаедовой). – М.: ИВ РАН; Центр стратегической конъюнктуры, 2014. – С. 271–274.
14. Российское общество в контексте новых реалий (тезисы о главном): Информационно-аналитическое резюме по итогам общенационального исследова-

- ния. 2015. URL: http://www.isras.ru/files/File/publ/resume_isras_28.01.2015.pdf (Дата обращения: 01.02.2015.)
15. Салмин А.М. Российская интеллектуальная элита и постсоветская власть // Решение есть всегда! Сборник трудов фонда ИНДЕМ. – М.: ИН-ДЕМ. 2001. – С. 18–72.
  16. Семенов И.С. Национальная идентичность // Политическая идентичность и политика идентичности: В 2 т. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН). Т. 1: Идентичность как категория политической науки: словарь терминов и понятий [отв. ред. И.С. Семенов]. 2012. – С. 80–85.
  17. Силантьев Р.А. Международная политика российских муфтиятов в новейший период // Вестник Московского государственного лингвистического университета. – 2014. – № 2. – С. 173–182.
  18. Хабутдинов А.Ю. Всего один месяц март: Россия и Крым // Медина аль-Ислам. – 2014. – № 149. – 16 мая.
  19. Харкевич М.В., Касаткин П.И. Биополитика и религия в эпоху постмодерна // Вестник МГИМО(У). – 2011. – № 6. – С. 217–222.
  20. Якунин В.К., Сулакшин С.С., Симонов В.В. и др. Социальное партнерство религиозных организаций и государства. – М.: Научный эксперт, 2009. – 232 с.

*«Ислам в современном мире: Внутригосударственный
и международно-политический аспекты»,
М., 2015 г., т. 11, № 1, с. 103–118.*

МЕСТО И РОЛЬ ИСЛАМА В РЕГИОНАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ, ЗАКАВКАЗЬЯ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Ф. Асадуллин,

кандидат исторических наук
(Институт востоковедения РАН)

ИСЛАМ В ОБЩЕСТВЕННОМ ПРОСТРАНСТВЕ МОСКОВСКОГО МЕГАПОЛИСА XXI в. *

Наступивший век характеризуется глобальными интеграционными процессами, интенсивность которых наиболее заметно проявляется в жизни населения больших городов. Их оборотной стороной является стремление ученых найти гипотетическую формулу определения оптимальных пропорций соотношения в городском пространстве исторически автохтонного («титального») населения и все увеличивающегося за последние годы потока «новых горожан» из числа мигрантов. Постепенно обживая практически все доступные уголки больших городов мира и своим пассивным напором раз за разом влияя на привычный образ жизни его коренных жителей, они таким образом «корректируют» историко-цивилизационные характеристики принимающего социума, делая его, по мнению одних, все более притягательно открытым и космополитичным, по мнению других – закладывая мину неминуемой деструкции в традиционной структуре общества¹.

Интенсивное развитие Москвы, постоянный рост ее жителей, расширение городской территории вокруг столицы и, соответственно, рынка труда привели в начале XXI в. к образованию Московской городской агломерации – крупнейшей не только в России, но и в Европе, с численностью постоянного населения около 15 млн человек. Являясь самым густонаселенным мегаполисом Европы, Москва испытывает острые вызовы процесса урбани-

---

* Из книги: «Мир ислама в общественно-культурном пространстве Москвы: Опыт прошлого и современность». – М., 2015. – С. 171–184.

¹ Брук Д. История городов будущего / Пер. с англ. – М.: Strelka Press, 2014.

зации из-за значительно возросшего в последние годы притока населения за счет миграции из других городов России и сопредельных государств. Около 35% общего миграционного потока в Российскую Федерацию приходится на Москву и Московскую область¹. Сегодня москвичи, обоснованно проявляя заботу о своем городе и будущем своих детей, через СМИ, телевидение и общественные организации все чаще ставят вопрос об улучшении качества жизни не только за счет улучшения экологии или работы транспорта, но и требуя снижения перенаселенности Москвы.

Порядка 10% совокупного московского населения составляют представители мусульманских народов, для которых ислам и его обрядовая практика являются главным этнокультурным маркером их идентичности. Это население, гетерогенное в плане социального положения и экономических возможностей, в разной степени инкорпорировано в реалии современной московской жизни. Если для большинства московских мусульман такой проблемы не существует, то для трудовых мигрантов из Центральной Азии и их единоверцев с Северного Кавказа, родившихся, например, в кишлаках Ферганской долины или горных аулах, проблема социальной и культурной адаптации является одной из главных². Для многих из них, впервые оказавшихся в многонациональном мегаполисе, остро стоит вопрос как безболезненного «вживания» в новую общественную среду, так и сохранения в новых непривычных городских условиях исконно национальной и религиозной идентичности. Поэтому, как показывает опыт, представители этих народов, часто выходяцы из сельских районов, стремятся сохранить тесные земляческие связи, вступая в экзогамные браки только в исключительных случаях. Это прежде всего касается мигрантов из центральноазиатских государств. Общеизвестно, что сегодня именно на приезжих узбеках, киргизах и таджиках в Москве и области в основном держится система ЖКХ, новостройки, мелкая и розничная торговля, точки общепита, общественный транспорт, а также сфера услуг (ремонт и уборка дорог и жилых помещений, парикмахерские и т.д.). В последнее время в медицинских учреж-

---

¹ Коммерсантъ. 27 ноября 2014 г.

² Основным источником миграции в РФ являются государства Средней Азии. В 2012 г. 47% трудовых патентов были приобретены гражданами Узбекистана, 22 – Таджикистана, около 9% – Киргизии, что в совокупности дает более двух третей миграционного потока. При этом 87% приезжих составляют мужчины, в основном молодые (Независимая газета. 31.07.2014.)

дениях и различных бизнес- и государственных структурах столицы наблюдается также приток специалистов с дипломами узбекских, таджикских или киргизских высших учебных заведений. «Динамика численности отдельных этнических групп показывает, что в столице постсоветской России наблюдается планомерное сокращение евреев, украинцев, белорусов, – отмечает эксперт Сети этнологического мониторинга О. Кульбачевская. – В то же время, численность народов Кавказа и Средней Азии растет. Здесь также надо иметь в виду и неучтенных нелегальных мигрантов, среди которых выходцы с Кавказа и Средней Азии составляют существенную часть»¹. Среди нелегальных трудовых мигрантов, число которых в 4–8 раз превышает официально зарегистрированных, характерна высокая безработица и социальная неустроенность, что нередко ведет к их люмпенизации и криминализации. Не является секретом существование неофициальной мигрантской трудовой биржи на площади «трех вокзалов» (Комсомольская площадь) или на окраине Москвы – в Перловке, где до недавнего времени вербовалась дешевая рабочая сила. Мэр Москвы С.С. Собянин во время встречи с журналистами, отмечая возросшее число мигрантов из центральноазиатских государств, заявил, что в столице «уже существуют районы, где число русскоговорящего населения всего 25%»². Иллюстрацией этих слов может служить национальный состав населения Южного и Северного Бутова: из 200 тыс. жителей этих районов почти треть по неофициальным данным являются этническими мусульманами, представляющими южные регионы России и Центральной Азии³.

Следствием изменения национального состава Москвы и свободным развитием в городском пространстве духовных и этнокультурных традиций является рост религиозности среди московского населения. В столице соотношение религиозного и нерелигиозного населения на 2008 г. составляло 6:1, что позволило Москве занять одно из лидирующих мест среди других субъектов Российской Федерации в плане происходящего в обществе процесса десекуляризации⁴.

---

¹ Кульбачевская О. Особенности межэтнических отношений в российской столице // Вестник российской нации. – 2012. – № 4–5. – С. 94–195.

² Независимая газета. 06.06.2011.

³ Комсомольская правда. 15.11.2007.

⁴ Многонациональная культура Москвы. – М., 2009. – С. 38.

Безусловной проблемой компактного проживания мусульманских этносов столицы является естественная для большого города конкуренция ее граждан за «место под солнцем» и сложная диалектика взаимоотношений между «новыми» и «старыми» мусульманскими этносами, азиатами и кавказцами, светскими и практикующими мусульманами и, наконец, наиболее актуальная, коренным русским населением. Корни этих возникающих нередко конфликтов имеют разную природу: историческую, религиозно-догматическую, национально-бытовую или экономическую. Нередко их обусловленность связана с местом рождения и исхода того или иного этноса, сложной историей взаимоотношений региональных соседей, например, азербайджанцев и дагестанцев, киргизов и узбеков. Городская криминальная хроника может дать немало примеров участившихся межнациональных стычек (нередко с использованием оружия), когда причиной конфликта становятся горячий южный темперамент их участников и, как следствие, бытовые ссоры – «возникшие внезапно неприязненные отношения». К сказанному надо добавить, что городская среда с ее ускоренным ритмом жизни и эмоциональными перегрузками, безусловно, является сильнейшим мутагенным фактором, пагубно влияющим на психическое здоровье всех жителей мегаполиса. Среди современного поколения москвичей отмечается все больше психически неустойчивых людей, что также таит в себе угрозу вспышек немотивированной агрессии к людям иной расы и религии.

Проблема миграции сегодня остается одной из главных «болевых точек» московского общества, что подтверждают участившиеся случаи конфликтов на межнациональной почве. На Матвеевском рынке подобное столкновение закончилось избиением полицейского выходцем из Дагестана. В Западном Бирюлеве причиной возникших беспорядков стало убийство москвича Егора Щербакова от рук уроженца Азербайджана Орхана Зейналова, что привело к погрому овощной базы и стычкам местного населения с мигрантами. Комментируя сложившуюся ситуацию, посол Азербайджана в России Полад Бюль-Бюль Оглы, выражая тревогу своих московских соотечественников, отметил: «Эти бытовые случаи были, есть и будут, и возводить их в ранг политики и истерии против какого-то народа – это бумеранг»¹. Мигрантофобия в значительной степени подпитывается укорен-

---

¹ Цит. по НГ-Политика. 21.04.2015.

нившейся ранее в российском обществе исламофобией, что в принципе является острой социальной проблемой всех больших городов, испытывающих приток избыточного пришлого населения. Москва, как и Санкт-Петербург, а также европейские города-миллионники представляют собой открытые полиэтничные и поликонфессиональные общества, переживающие бурный экономический и демографический рост. В этом городском пространстве соседствуют и часто пересекаются интересы представителей разных культур и религиозных традиций. Попытки искусственного ограничения проявлений религиозности мусульман со стороны власти при явном дефиците мусульманских храмов еще несколько лет назад приводили к обратному результату – открытию «альтернативных» мечетей, так называемых неофициальных «этно-мусалля» (земляческих молелен)¹ и демонстрации религиозного энтузиазма и рвения среди мусульманской молодежи. Это было особенно заметно в дни пятничных и праздничных богослужений. Сегодня наблюдающийся бурный рост проявлений исламской религиозной идентичности (особенно в дни праздников Курбан-байрам и Ураза-байрам) заставляет городские власти принимать адекватные меры по упорядочению и организации массовых религиозных мероприятий. Для этого помимо четырех мечетей религиозные церемонии проходят в специально отведенных местах в Сокольниках, Южном административном округе и в Чертаново, а также в близлежащих подмосковных городах.

Но и этого количества мечетей и выделенных площадок уже недостаточно. Для сравнения: в столице Китая при сопоставимом числе мусульман сегодня насчитывается около 70 больших и малых мусульманских храмов и исламских центров. Лучший способ интегрировать ислам в привычный общественный ландшафт города и одновременно лучшая профилактика экстремизма на религиозной почве и молодежного радикализма – это, на наш взгляд, визуализация ислама в городской среде через создание под контролем московских властей и московского муфтията необходимой исламской инфраструктуры. Европейский опыт в этой

---

¹ По неофициальным данным, в Москве на оптовых рынках и местах компактного проживания мусульман-мигрантов действует около двух десятков узбеко-таджикских, афганских, бенгальских, арабо-сирийских мусалля – молельных помещений. См. об этом: Макаров А. Кому нужны этномечети в Москве? // Ислам минбаре, № 10 (191) 2011. По многолетней практике полуденные и пятничные богослужения проходят в большинстве посольств арабо-мусульманских государств, аккредитованных в Москве.

области, пусть и не дающий гарантированный положительный эффект, показывает, что происходящая в городах исламизация мигрантских сообществ – это, прежде всего, «констатация невозможности интеграции»¹. Евразийская Москва, имеющая многовековую историю тесного исламо-христианского взаимодействия (если быть точным, русско-татарского), находится в лучшем положении. Скорейшее завершение реконструкции Московской Соборной мечети, площадь которой, и соответственно ее вместимость, будет многократно увеличена, – это важный, хотя и не единственный шаг в этом направлении.

Рассуждая о проблемах, связанных с процессами социализации мигрантов и поиском путей и коммуникации с принимающим обществом, важно отметить опыт татарской общины, который может быть во многом показательным для новых мусульманских этносов, обживающих Москву и Подмоскovie. Процесс поиска равновесия между собственной традиционной культурой и верой, с одной стороны, и новой окружающей действительностью – с другой, долог и тернист, но его альтернативой может быть только постоянно продуцируемая с обеих сторон взаимная настороженность и рецидивы нетерпимости.

Московские татары, демонстрируя свои заложенные ходом истории интеграционные возможности, тест на эту культурную совместимость с русским этносом, как мы видели в предыдущих главах книги, прошли достаточно сложным эволюционным путем, но в итоге сохранив свой язык, веру и обычаи. В этом большая заслуга касимовских и нижегородских татар, которые в массе оказались главными хранителями татарского языка и культуры, сформировав основной контингент как городского мусульманского населения, так и прихожан московских мечетей вплоть до последнего десятилетия XX в. Вместе с этим надо сказать, что реально существующая сегодня угроза возникновения в скором времени «параллельного общества» из поколения детей мусульман-мигрантов, оказавшихся из-за социальных барьеров и бытовых предубеждений, как и их отцы, в роли обслуживающего класса, волнует многих экспертов. Можно согласиться с рядом известных ученых, отстаивающих перспективность в этом вопросе идеи межкультурной гибридизации новых и коренных резидентов современных мегаполисов.

---

¹ См.: Латион С. Мусульманская молодежь Европы: на пути к общей идентичности? // Ислам в Европе и в России. – М., 2009. – С. 120–121.

Анализируя ситуацию с мусульманской диаспорой на Западе, член-корреспондент РАН В.В. Наумкин отмечает: «Победа гибридной культуры способна снизить уровень конфликтности, в том числе и между мусульманами и немусульманами на Западе»¹. Агентами интеграционного сближения национальных культур могут быть как многообразные проявления городской действительности и культурного досуга горожан (деятельность детских учреждений, культурных и учебных заведений, музейные выставки, просветительские акции Московского дома национальностей), так и открытая демонстрация богатства всех национальных и религиозных традиций, представленных в городском пространстве. Заметим, что право на культурное многообразие людей разных национальностей, согласно действующей Стратегии государственной национальной политики страны, является краеугольным камнем развития современного общества. Так, например, хиджаб в постперестроечной Москве и в целом России часто воспринимался как вызов устоявшимся представлениям нормативного общественного поведения. Сегодня хиджаб – это принятый значительной частью общества дресс-код верующей мусульманки, открытая и легальная возможность самовыражения веры в демократическом обществе. Острая реакция москвичей на появление в общественном месте девушки в платке уходит в прошлое. Более того, среди религиозно ориентированных людей (православных и иудеев) открытое ношение мусульманского платка чаще всего встречает поддержку и одобрение.

Важным фактором гармонизации межнациональных отношений остается и демонстрация многонационального характера российской истории и культуры. В современной Москве действуют 84 землячества и национально-культурные автономии проживающих в столице народов и народностей. Признавая факт значительной роли представителей мусульманской интеллигенции в истории страны, в Москве в мае 2011 г., недалеко от «Дома Асадуллаева», был открыт памятник Габдулле Тукаю, в августе 2012 г. на одноименной улице был открыт монумент Герою Советского Союза Мусе Джалилю, в июне 2013 г. – памятник Расулу Гамзатову, что вызвало положительный отклик среди старейшин татарской и дагестанской общин. Имена Петра Апакова, Мусы Джалиля, Ахмада Кадырова и уже упоминавшихся известных

---

¹ Наумкин В.В. Ближний Восток в мировой политике и культуре. Избранные статьи, лекции, доклады 2009–2011 гг. – М., 2011. – С 136.

мусульманских деятелей присвоены ряду московских улиц, что также лишний раз подчеркивает яркую полиэтническую палитру Москвы.

Важным аспектом корректировки демографической и национальной политики в столице являются регулярные переписи населения, которые являются главным источником информации о численности и национальном составе населения. Однако, согласно независимым социологическим опросам в Москве, последнюю перепись 2010 г. проигнорировали около трети жителей, поэтому ее результаты вряд ли могут служить надежным источником получения объективной информации и тем более принятия взвешенных государственных решений по этой проблеме¹. Возможно, лучшим выходом из этой ситуации могло бы стать самостоятельное заполнение гражданами, зарегистрированными в Москве, опросных листов на порталах государственных услуг с использованием номера соцстрахования (СНИЛС).

Современная Москва – впервые в своей новейшей истории – столкнулась с феноменом функционирования мигрантских сетей, о чем свидетельствуют действующие в столице формальные и неформальные объединения узбеков, таджиков, узбеков из Таджикистана, киргизов, уйгуров и т.д. С 2005 г. в столице выходит газета «Голос таджикистанцев» – орган Общероссийского общественного движения «Таджикские трудовые мигранты», с перерывами издается российская газета для мигрантов «Узбегим». На страницах «Голоса таджикистанцев» можно найти много материалов о том, с какими трудностями и лишениями приходится сталкиваться трудящимся мигрантам в столице. Выступая на рабочем заседании Координационного совета движения «Таджикские трудовые мигранты», его председатель Каромат Шарипов остро критикует нечистоплотность руководства ряда клиринговых компаний, которые паразитируют на посреднической деятельности, продавая по коммерческим ценам фальшивые миграционные документы. Вскрываются также многочисленные факты вымогательства денег у мигрантов со стороны полицейских, наделенных неограниченными правами при проверке документов². Газета много места уделяет проблеме «параллельных браков», которые заключают 50% женатых таджиков России, что дает возможность получить разрешительные документы для проживания и работы в Москве. Чтобы

---

¹ Независимая газета. 21.04.2015.

² Голос таджикистанцев. – 2014. – № 75. – С. 3.

заклучить реальный либо фиктивный брак с россиянкой, мигранты на родине уговаривают своих жен дать им развод, обещая через некоторое время забрать к себе (вместе с тем, по мнению редакции газеты, 30% таджикской трудящейся молодежи вступили в брак не на родине, а в России).

Явно рассчитывая на реакцию московских властей и правоохранительных органов, руководство движения «Таджикские трудовые мигранты» приводит список 500 соотечественников, ушедших из жизни по разным (нередко трагическим) обстоятельствам с апреля 2013 г. по апрель 2014 т. только по ЦАО Москвы, и сообщает: «Мы низко склоняем головы перед трудовым подвигом своих соотечественников, отправляющихся в вынужденную миграцию не в поисках “красивой жизни”, а только с одной целью – дать возможность выжить тем, кто остался на родине – в Таджикистане»¹.

В 2013 г. стало выходить информационно-аналитическое издание «Российские киргизы» – орган общероссийской общественной организации «Кыргызский Конгресс». По инициативе этого Конгресса формируются пилотные проекты, направленные на социальную поддержку, образовательные и бизнес-программы для киргизской диаспоры в России. Поскольку с конца 2012 г. тестирование по русскому языку для трудовых мигрантов, желающих работать в сфере ЖКХ, розничной торговли или бытового обслуживания, стало обязательным, Межрегиональное общественное движение трудовых мигрантов Киргизстана и Центра межрегионального и международного сотрудничества «Диалог культур» с мая 2013 г. на базе одной из московских библиотек открыли бесплатные курсы русского языка для приезжих в Россию из ближнего зарубежья. С 2015 г. такое требование должно распространиться на все категории мигрантов, которые, помимо русского языка, обязаны будут сдавать экзамен по истории и основам законодательства России².

Интерес к исламу и его традициям среди простых москвичей и столичной интеллигенции, сталкивающихся с выходцами из мусульманского Востока (как людьми рабочих профессий, так и дипломированными специалистами) каждый день в разных жизненных ситуациях, имеет все более осмысленный и дифференци-

---

¹ www.tagmigrant.com (апрель 2014). Российские киргизы. – 2013. – № 4. – С. 6.

² Российские киргизы. – 2013. – № 4. – С 6.

рованный характер. Это продиктовано часто желанием получить собственное представление о религии и ее последователях, которые в последние годы, находясь под пристальным вниманием СМИ, становятся (пусть даже не прямо, а косвенно) объектом телевизионных репортажей об этнической преступности или аналитических программ Владимира Соловьёва о будущем западной цивилизации и «эндогенном радикализме», присущем, якобы, исламу и представителям мусульманских народов. Среди московской интеллигенции немало этнических русских или украинцев, чей путь к пониманию ислама или принятию его в качестве веры продиктован эволюцией их материалистического либо религиозного (монотеистического) мировоззрения, богоискательством в духе учения о. Александра Меня, развитием экуменических идей Второго Ватиканского собора (1965) и т.д. Слова Велимира Хлебникова из поэмы «Хаджи-Тархан»: «Ах, мусульмане те же русские. И русским может быть ислам...» – дают ключ и частично проясняют корни этого явления. Известный издатель Ю.А. Михайлов, пытаясь соединить ислам и русское культурное и историческое наследие, полагает, что настала «пора понимать ислам», и в своем манифесте признается: «Ислам – религия интеллектуального выбора»¹.

Анализируя эту проблему в глобальном общецивилизационном контексте, архиепископ Пражских и Чешских земель Христофор, участвовавший в работе Мирового общественного форума «Диалог цивилизаций» в 2004 г. на о. Родос, охарактеризовал ее таким образом: «Общемировой тенденцией является растущая склонность к исламу»². В обращении от 14 апреля 2008 г. к 138 крупнейшим мусульманским деятелям планеты Патриарх Московский и всея Руси Алексей II, отметив значительную активизацию доктринального диалога Русской православной церкви с исламом, подчеркнул, что «в современном глобализирующемся мире мы вынуждены больше общаться и совместно строить общественную жизнь», чтобы противостоять напору антирелигиозного сознания и попыткам утвердить «новую мораль», «вступающим в противоречие с нравственными нормами традиционных религий». «Перед лицом этих вызовов, – подчеркнул патриарх, – нам надо быть

---

¹ Михайлов Ю.Л. Пора понимать Коран. – М., 2007; Он же. Ислам – религия интеллектуального выбора. – М., 2011.

² Вестник Мирового Общественного Форума «Диалог цивилизаций». 2004. – № 2. – С. 69.

вместе»¹. Заметный общественный резонанс в России и странах СНГ имели прозвучавшие в 2013–2014 гг. проповеди православно-го священника протоиерея Димитрия Смирнова и его оригинальные комментарии о мусульманах и исламе, в которых он с симпатией говорил о трудящихся мигрантах и их искренней вере в Аллаха. Аудитория просмотров этих проповедей достигла сотен тысяч человек.

Московская веротерпимость, о которой хорошо знали еще в средневековой Западной Европе со времен Петра I, и сегодня благодаря заботе глав традиционных религий и политике московских властей в целом остается одной из главных характеристик общественной жизни столицы. Правонарушения, совершаемые этническими мусульманами или направленные против них и членов их семей, как правило, имеют не столько религиозную подоплеку, а, как мы отмечали ранее, связаны с характером сосуществования и острого соперничества (коммерческого, экономического или связанного с бытовыми условиями) разных этнических групп в условиях мегаполиса. Инциденты на почве религиозной нетерпимости возникают в исключительных случаях, имея часто сугубо бытовой или провокационный характер, играющий на руку националистам разных мастей. Антиисламские лозунги, которые звучали во время проходившего в Москве 4 ноября 2014 г. «Русского марша», не остались без внимания общественности и правоохранительных органов; против организаторов марша было возбуждено уголовное дело по ст. 282 УК РФ (разжигание межнациональной розни). В январе 2014 г. была раскрыта неонацистская группировка «14/88», несовершеннолетние члены которой нападали на лиц неславянской внешности, избивали их, а исповедовавших ислам заставляли на словах отречься от веры, при этом публично сжигая Коран². Вместе с тем в Подмосковье, где за последние годы из-за роста мусульманского населения количество зарегистрированных религиозных организаций достигло более 30, работа правоохранительных органов часто становится предметом критики со стороны верующих. Например, в Сергиевом Посаде в октябре 2005 г. во время пятничного богослужения было совершено нападение на молельный дом и были нанесены телесные увечья председателю местной мусульманской общины Арслану Садриеву; в июле

---

¹ <http://portal-credo.ru/site/print.php?act=news&id=61936>

² Независимая газета. 14.05.2015.

2006 г. неизвестными была взорвана мечеть в подмосковном городе Яхроме. Эти преступления остались нераскрытыми.

Сегодня можно констатировать, что «московский» ислам представляет значительный и динамично развивающийся сегмент общественно-религиозной и культурной жизни не только московского региона, но всей России¹. История мусульманской общины Москвы, в которой как в капле воды отражена история российского ислама в целом, показывает его сложную и порой трагическую судьбу. Религия, которой была уготована почетная, фактически официальная роль в начале XIV в. в эпоху Золотой Орды, стала после покорения Казани Иваном Грозным гонимой; позднее, начиная с правления Екатерины II, терпимой и, наконец, уже в наше время вновь обрела статус государственной религии как неотъемлемой части исторического наследия народов России. Сосредоточением исламской жизни столицы сегодня является имеющий большой опыт институционального взаимодействия с государством Московский муфтият (действующий на базе Соборной мечети), который за короткий исторический срок фактически стал авторитетным духовным органом, объединяющим мусульманские общины Российской Федерации. Сегодня эту деятельность обеспечивают руководимые муфтием Равилем Гайнутдином две официальные религиозные структуры – Совет муфтиев России и Духовное управление мусульман России. С именем муфтия Равиля Гайнутдина связаны, как мы уже отмечали, все наиболее важные и значительные достижения духовного возрождения в России и странах СНГ. Его личный пример сегодня стал ориентиром для многих этнических мусульман, особенно молодежи, обретших в исламе твердые духовные и мировоззренческие принципы². Заметна роль в этом процессе других общественных, молодежных, национальных и иных организаций – Фонда Марджани, Ассоциации культурно-просветительских

---

¹ Показателем возросшего значения ислама в Москве является заявка инициативной группы мусульман на 100-тысячный митинг на проспекте Сахарова, который планировалось провести 25 января 2015 г. в знак протеста против карикатур на Пророка Мухаммада в журнале «Charlie Hebdo» и попыток их тиражирования в российских СМИ. Ранее подобная акция, собравшая около миллиона мусульман, прошла в Грозном. Отказ московских властей был мотивирован тем, что за активистами «нет ни какой-либо весомой структуры, чтобы проводить такие митинги». Совет муфтиев России ошибкой организаторов митинга назвал несогласованность этой инициативы с религиозными структурами Москвы (Коммерсантъ. 19 января 2015 г.).

² Российская газета. 27 августа 2012 г. № 195.

общественных объединений «Собрание», Конгресса народов Кавказа, Фонда содействия развитию карачаево-балкарской молодежи «Эльбрусид», культурно-образовательного фонда «Надежда», благотворительного фонда «Закят», Центра «Духовная традиция и современность». Традиционно в организации культурно-религиозной жизни московских мусульман большое место принадлежит посольствам арабо-мусульманских государств, а также различным национальным землячествам.

Современная Москва – это огромный мегаполис, мусульманская составляющая которого, по прогнозам ученых, в условиях глобализации будет изменяться в сторону ее количественного роста, а также ее значения в социально-экономических процессах, культурной трансформации городского пространства. Уже сегодня российская столица с учетом быстро развивающихся национальных диаспор из Азербайджана, республик Северного Кавказа, центральноазиатских и других исламских государств (Египет, Сирия, Ливан, Пакистан, Турция) является самым крупным мусульманским городом России, насчитывающим более 3 млн человек, этнически и духовно связанных с исламом¹.

Характеризуя современное мусульманское сообщество, можно сказать, что в нем сегодня представлен практически весь этноконфессиональный спектр ислама как мировой религии – от исмаилизма и других шиитских деноминаций до традиционных для России ханафизма и шафиизма в салафитской либо иной версии, а также многообразия действующих полуполюгально суфийских тарикатов, включая магрибинские или другие экзотические его ответвления. Плюрализм исламского вероучения дает возможность проявить свои индивидуальные предпочтения многим неофитам, которые, стремясь найти свое место в религии Аллаха, позиционируют себя то адептами совершенно нетипичных для мусульманского сообщества России правовых школ маликизма или ханбализма, то мюридами ордена Тиджания или мусульманской эзотерики в духе Рене Генона. По прогнозам ученых, роль

---

¹ Согласно статистическим данным, азербайджанцы составляют 14% (т.е. около 1 млн 680 тыс. человек) московского населения, опережая татар и башкир, составляющих приблизительно 10% (т.е. более 1 млн человек). Далее следуют таджики, узбеки, казахи и киргизы – 5%, чеченцы, дагестанцы, ингуши – 4%), что также практически приближает к 1 млн человек (журнал «РБК». № 11. 2007). См. об этом также: Статистический материал к слушаниям ОП РФ (осень 2009 г.). В 2014 г. в Москве была зарегистрирована община цыганских мусульман, численность которой колеблется от 7 до 20 тыс. человек.

мусульман в общественном пространстве столицы, несмотря на вспышки исламофобии и этнической дискриминации, также возникающие (например, в связи с планами строительства новых мечетей) административные барьеры, будет динамично меняться.

Согласно авторам опубликованного в июле 2014 г. доклада Института национальной стратегии (ИСР) «Социальные риски иммиграции», Россия «должна готовиться к резкому увеличению миграции со стороны Средней Азии»¹. Отметим, что Москва как динамично растущий многонациональный город в этом смысле не исключение; аналогичные процессы с разной степенью интенсивности и остроты происходят во всех крупных мировых центрах – Нью-Йорке, Берлине, Лондоне и Париже. На улицах этих мегаполисов иммигрантов сегодня можно встретить не меньше, чем коренных жителей. 37% населения Нью-Йорка являются иммигрантами². Современный Берлин, например, по оценкам некоторых экспертов, является третьим по численности «турецким» городом после Стамбула и Анкары. В миллионном Брюсселе каждый четвертый житель этнический мусульманин. Пригород Парижа Монтрей, являющийся фактически социально и культурно изолированной территорией, сегодня практически полностью заселен живущими по законам ислама выходцами из Мали и Западной Сахары. Вспомним другой пригород Парижа – Клиши су-Буа, где в 2005 г. из-за неблагоприятной социальной обстановки вспыхнули беспорядки и столкновения между населяющей район безработной молодежью и полицией. Угрозы появления подобных парижским этническим гетто в Москве сегодня не наблюдается, но в Подмосковье, где в новых урбанизированных территориях разворачивается бурное строительство дешевого жилья (например, в городе Одинцово), по оценкам экспертов, «диаспорами выкупаются целые этажи и закрываются железной дверью, за которой царят свои правила и порядки»³. (Подобные факты отмечались в 90-е годы, когда из-за военных действий в Чечне состоятельные вайнахи в Москве, например, в ЗАО, район Крылатское, выкупали на этаже все квартиры с целью расселить на одной лестничной площадке всех близких родственников.)

---

¹ Независимая газета. 13 июля 2014.

² New York (City), New York // Census Bureau [http://quickfacts.census.gov/qfd/states/36/3651000.html]

³ Интервью с руководителем Центра городской антропологии КБ «Стрелка» М. Алексеевским // «Российская газета» (275). 3.03.2014.

Важным каналом адаптации и интеграции мигрантов может стать деятельность открытого весной 2015 г. многофункционального миграционного центра, созданного в деревне Сахарово в Новой Москве. Сегодня это единственное место в Москве, где наряду со сдачей экзамена по русскому языку, истории и основам законодательства можно оформить все необходимые трудовым мигрантам документы для легального пребывания в России.

Экстраполируя имеющийся европейский опыт, можно заключить, что проблема «параллельного общества» у нас может обостриться тогда, когда в жизнь вступит поколение детей мигрантов. «Будут ли они российскими гражданами, как они будут себя ощущать и не возникнет ли между ними и коренным населением стена, подобная той, которая уже разделяет европейские общества, – отмечает В.В. Наумкин, – от этого во многом будет зависеть спокойствие наших граждан в ближайшей перспективе. Длительный исторический опыт сосуществования различных этнических и конфессиональных групп в российском обществе позволяет надеяться на благополучный исход. Однако наша неспособность покончить с раковой опухолью агрессивного национализма, особенно в среде молодежи, внушает тревогу...»¹

Для того чтобы Москва стала, как отмечают ученые-урбанисты – *livable city* – «городом удобным для жизни», необходимо наряду с обычными для большого города хозяйственно-экономическими и социальными вопросами отрегулировать проблему нелегальной миграции и – как следствие – избыточного населения, что позволит уровень межнациональных и межконфессиональных отношений привести в соответствие с интересами жителей московского мегаполиса и общей стратегией развития столицы на ближайшие годы. По словам академика Е.М. Примакова, иммиграция должна быть «заключена в жесткие законодательные и исполнительные рамки», чтобы люди, «проработавшие в России, не только оставаясь в нашей стране, но и уезжая на родину, оставались нашими преданными, искренними друзьями»². Вместе с тем важно не закрывать глаза на возросшее значение исламского

---

¹ Наумкин В.В. Арабский мир, ислам и Россия: Прошлое и настоящее. Избранные главы, статьи, лекции, доклады. – М., 2013. – С. 81.

² Выступление академика Е.М. Примакова на заседании «Меркурий-клуба». – «Проблемы совершенствования и применения государственной политики в отношении иммиграции в России». 12 марта 2014 г.

фактора в стране и мире¹, а на деле через федеральные и городские социальные и культурные программы расширять представления россиян об исламе как неотъемлемой части исторического наследия народов многонационального российского государства. Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 г., принятая 19 декабря 2012 г. Указом Президента РФ № 1666, создает объективные условия для повышения сплоченности российского многонационального общества и сохранения этнокультурной самобытности народов России. Сегодня, исходя из сложившихся в городском пространстве тенденций, можно констатировать, что прогнозирование будущего облика как российской столицы, так и государства в целом без учета возросшего этномусульманского фактора представляется невозможным.

Сказанные в середине XIX в. Александром Герценом слова о двойственном характере России, которой «суждено стать великим караван-сараям цивилизации между Европой и Азией», в отношении современной Москвы выглядят достаточно точной и объективной оценкой происходящих на наших глазах стремительных перемен и значительных изменений в жизни столицы. Каким будет будущее московского мегаполиса, зависит от суммы многих факторов, но главной определяющей его чертой, на наш взгляд, останется тесное продолжающее взаимодействие разных, обусловленных предыдущим ходом истории, этнокультурных традиций, лежащих в основании многонациональной Москвы.

Асадуллин Ф.А. «Мир ислама в общественно-культурном пространстве Москвы: Опыт прошлого и современность», М., 2015 г., с. 171–184.

---

¹ Согласно прогнозу американской социологической службы Pew Research Center Religion & Public Life, к 2050 г. число последователей ислама увеличится на 73%, с 1 млрд 600 млн до 2 млрд 761 млн человек и впервые в истории практически сравняется с количеством христиан в мире (Независимая газета. 08.04.2015).

Б. Бгажноков,

доктор исторических наук, зав.отделом археологии
и этнологии (Кабардино-Балкарский институт
гуманитарных исследований)

ПОЗИТИВНЫЕ И НЕГАТИВНЫЕ ФАКТОРЫ МАЛЫХ МНОГОЭТНИЧНЫХ ОБЩЕСТВ

**(по материалам исследований
в Кабардино-Балкарии)***

I

Кабардино-Балкария – небольшая территория в составе РФ, малое, многокультурное общество и государство с высокой плотностью населения, с четко обозначившейся в постсоветский период экономической и культурной отсталостью.

В общем списке регионов РФ Кабардино-Балкария неизменно в зоне самых худших¹. В рейтинге социально-экономического положения субъектов она занимала 75-е место по итогам 2011 г., 78-е место – по итогам 2012 г., 77-е место – по итогам 2013 г. В 2014 г., прибавив одну позицию, оказалась на 76-м месте. Аналогичным образом распределяются места республики в рейтинге регионов по качеству жизни – 77-е место в 2013 г. Особенно низкими являются показатели экономического развития и развития малого бизнеса. По этим показателям в 2013 г. Кабардино-Балкария находилась на 79-м месте в общем списке субъектов РФ. А по доле прибыльных предприятий – на 65-м месте.

В зоне неблагополучных регионов РФ республика остается не только по уровню социально-экономического положения и качеству жизни, но в еще большей степени по уровню социального самочувствия и самоуважения населения. В рейтинге социального самочувствия субъектов РФ за 2013 г. Кабардино-Балкария была на 78-м месте.

В то же время перед республикой встает объективно множество других проблем, только косвенно связанных с экономикой.

---

* Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований. Проект N 13–06–00666 «Методика выявления и анализа факторов, сдерживающих устойчивое развитие Северокавказского региона (на примере Кабардино-Балкарии)».

¹ Подробно см.: Бгажноков Б.Х. Системный кризис малых территорий // Вестник КБИГИ. – Нальчик, 2014. – № 3.

Среди них – ограниченность природных ресурсов, скученность населения, необходимость примирения национальных интересов и преодоления этнического фашизма, проблемы интеграции в общероссийское и мировое социокультурное пространство. Отчетливо дают о себе знать аномическое разделение труда, кадровый голод при избытке специалистов с высшим образованием, более чем скромное государственное субсидирование политики мультикультурализма, слабая вовлеченность бизнеса в обеспечение экономического и культурного роста и развития общества.

Спасают положение трудолюбие и хорошо отработанные традиции толерантного сознания и поведения местного, в том числе и русского населения, традиционно развитое сельское хозяйство, высокая культура земледелия и скотоводства. Можно назвать, кроме того, массу других преимуществ, которыми располагают жители республики: хороший климат, красота и обозримость территории, сравнительно развитая инфраструктура, высокая общая грамотность населения. При крайне низком уровне экономического развития и доходов населения в республике прекрасные экологические и климатические условия (9-е место в рейтинге регионов по качеству жизни), схожие с условиями Швейцарии.

Достаточно высоки показатели здоровья и уровня образования населения (17-я позиция). Обращают на себя внимание и другие, сравнительно хорошие показатели: жилищные условия (39-е место), более или менее развитая транспортная инфраструктура и освоенность территории (40-е место).

Особого внимания заслуживает большой авторитет традиционных принципов и норм этической рационализации и организации жизненной среды. Отметим в данной связи, что в малом обществе, в отличие от большого, отношения спрессованы, преобладают более тесные, повторяющиеся контакты, при которых собственное бытие воспринимается как неотъемлемая часть бытия других людей. Человек жестче привязан к социальному окружению, строже контролирует и отслеживает свои действия и складывающееся о нем мнение.

Высоко мотивирован и постоянно задействован в этих условиях как внутренний, так и внешний локус контроля. Отсюда известный кабардинский афоризм: «Подумай, прежде чем сказать, оглянись, прежде чем сесть». Тем самым подчеркивается исключительная ценность развитого социального внимания, тесного взаимодействия внутреннего и внешнего контроля. В узком спектре типовых, повторяющихся встреч и ситуаций малого общества

люди воспринимают друг друга с учетом благоприятного или неблагоприятного опыта общения в прошлом. Поэтому много внимания уделяется тому, чтобы произвести на людей хорошее впечатление, обеспечивая тем самым перспективу приятных и полезных контактов в будущем. При прочих равных условиях в малом обществе человек больше заботится о своей репутации и самопрезентации.

В силу этих причин у народов Кабардино-Балкарии большое развитие получила культура эмпатии. Сформировался своего рода культ добрых дел – псапа. В трудную минуту человек находит сочувствие, понимание и помощь со стороны не только близких родственников, друзей, но и людей из дальнего окружения, малознакомых, даже незнакомых.

В повседневном быту простые жители Кабардино-Балкарии приветливы, вежливы, готовы услужить, уступить, прийти на помощь. Исторически сложившиеся почтительность, благожелательность, благодарность местного населения улучшают общую ситуацию в республике, выравнивают отношения, компенсируют некоторые слабые стороны малого общества.

Великодушие, помощь и благодарность, как свидетельствуют данные социологов и психологов, снижают негативные эмоции и уменьшают депрессию. Положительно сказывается это даже на демографической ситуации: при наличии доверия, крепких и позитивных социальных связей – дружеских, родственных, служебных – смертность сокращается более чем в три раза. И в самом деле, уровень смертности в Кабардино-Балкарии сравнительно низкий.

Поддерживается вместе с тем привязанность и любовь к республике, к родному краю. Рано или поздно приходит понимание, что гражданский патриотизм – бесценный социальный капитал и высокое нравственное чувство. Уроженцы Кабардино-Балкарии, по разным причинам покидающие республику, болеют за нее душой, мечтают вернуться обратно, принести пользу своей малой родине.

II

Все сказанное действительно имеет место и оказывает благотворное влияние на состояние кабардино-балкарского общества. Вместе с тем приходится признать, что в полной мере воспользоваться преимуществами малого общества в Кабардино-

Балкарии не удалось. Наибольшее распространение получили его слабые стороны. Поэтому особенно важно показать, почему и как именно действуют и проявляются слабые стороны малого общества, какое влияние оказывают они на ситуацию в республике.

Заметим с самого начала, что малые общества и в том числе малые общества в больших странах испытывают трудности самоорганизации и развития уже в силу малого размера социального поля и складывающегося на этой почве партикуляристского характера ролей, стандартов мышления и поведения. В узком пространстве небольших республик и областей, где практически все прямо или косвенно связаны друг с другом родственными или другими узами, где их пути многократно пересекаются, обычно гораздо трудней действовать самостоятельно, сохранять и отстаивать свое мнение, независимость своих суждений. Гораздо сложнее быть самим собой и реализовать себя как личность. Трудно даже за пределами групп регулярного взаимодействия (родственники, соседи, сослуживцы и др.) избежать частых и не всегда приятных, удобных контактов и тесного общения с одними и теми же не всегда приятными людьми.

Невозможно плохо отозваться о ком-либо и затем никогда с ним не встречаться или не сталкиваться, не соприкоснуться с его сторонниками, друзьями, родственниками. Трудно из-за каких-либо разногласий уйти с одной работы и устроиться на другую, более престижную или равноценную. Наряду с этим, часто руководитель учреждения не смеет, не решается уволить нерадивого работника, сознавая, что может вызвать недовольствие его покровителей, родственников, друзей.

Заметным сдерживающим развитие фактором становится малый размер общества на фоне аномии и сравнительно большой плотности населения. Возникающая на этой почве высокая конкуренция, скрытая и открытая борьба за рабочие места и должности соединяется с завышенными притязаниями и ожиданиями, иждивенческими и патерналистскими настроениями. Порождает склоки, зависть, нездоровое (невротическое) соперничество. Отсюда противостояние различных групп населения, династических, местных (территориальных) и этнических кланов. Обычным явлением становится хорошо отработанная система дезинформации, запуска ксенофобски окрашенных коллективных писем, просьб и предложений, анонимных жалоб и доносов, бессмыслен-

ных споров и разбирательств. И это еще больше расшатывает устои кабардино-балкарского общества.

Даже религию и религиозную культуру местного населения удалось расколоть – на культуру традиционного ислама, тесно связанного с обычаями и традициями местных народов, и культуру чистого ислама, якобы полностью отрицающую эту связь. И этот раскол все больше и больше дает о себе знать в умонастроениях, в поведении, даже во внешнем облике людей. В течение 2009–2015 гг. в Кабардино-Балкарии произошло несколько сотен взрывов, обстрелов, терактов¹. Режим КТО (контртеррористической операции), перестрелки и боестолкновения в различных городах, селах и районах республики стали повседневной реальностью.

Погибли с обеих сторон тысячи молодых людей. По оценке, озвученной весной 2011 г. в Общественной палате РФ, Кабардино-Балкария охвачена «тлеющей гражданской войной». О том же заявил недавно один из членов общественной палаты КБР М. Хоконов. По его словам, это «латентная гражданская война». И ее необходимо рассматривать не только как терроризм в чистом виде, а как нечто более глубокое. В таком же духе высказываются шокированные происходящим простые жители республики.

В еще большей степени обеспокоены конфликтной ситуацией и состоянием религиозной культуры в Кабардино-Балкарии и на Северном Кавказе священнослужители, социологи, этнологи. По их мнению, жесткий и прямолинейный курс на борьбу с терроризмом, без общественного диалога, без проведения действенных реформ, нацеленных на искоренение причин насилия и экстремизма, «вызывает ответную реакцию», «постоянно воспроизводит замкнутый круг насилия». И в самом деле, есть достаточно жесткая связь терроризма с общей ситуацией в регионах Северного Кавказа. Но не столько даже с экономической отсталостью, сколько с системным кризисом, с низким социальным самочувствием и выученной беспомощностью населения. Правильно сказано, что «начало терроризма не там, где реальная бедность, а там, где создают ощущение бедности, несправедливости и безысходности»².

Большим препятствием для устойчивого развития малых многонациональных территорий, подобных Кабардино-Балкарии,

---

¹ Кабардино-Балкария: Хроника взрывов, обстрелов и терактов [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.kavkas-uzel.ru/blogs/1927>

² Тишков В.А. Социально-культурный аспект феномена терроризма // Социальные и психологические проблемы борьбы с терроризмом. – М., 2002.

является, кроме того, более чем скромное государственное субсидирование культуры, науки, образования, воспитания, инициатив и проектов социальной, культурной самоорганизации. Все более ощутимыми становятся трудности, связанные с содержанием громоздкого аппарата управления, большого штата контролирующих, проверяющих органов, работников правоохранительной сферы. Экономическая отсталость идет рука об руку с аномическим разделением труда. Рабочие места и должности распределяются не по способностям и реальным заслугам, а по некоторым другим соображениям. Принимаются во внимание наряду с деловыми качествами и даже в большей степени такие характеристики, как связь с каким-либо кланом, нити родства, характер и масштабы знакомств и др. Учитываются, кроме того, распространенные о человеке слухи, а также некоторые личные качества: исполнительность, послушание, и др.

Ощущается обусловленная аномическим разделением труда нехватка специалистов в различных сферах деятельности при излишке дипломированных, но не опытных и недостаточно грамотных работников. Прямо связано с этим архаичное, унаследованное от советских времен бюрократическое продвижение по службе с учетом работы в партийных органах, комсомоле, профсоюзе.

Ощутимые проблемы и препятствия для стабильности и устойчивого развития республики создает практика замены каждым новым руководителем учреждения подчиненного ему персонала. В малом обществе при сравнительно малом числе высококвалифицированных специалистов такие замены приводят нередко к сбоям в работе коллектива, снижают его производительность, ухудшают психологический климат. Это понимают все, но не все и в полной мере учитывают в своей работе. Тотчас после смены руководства на всех сколько-нибудь значимых постах старые кадры заменяются новыми людьми. Господствует мнение, что новые назначенцы «не станут вставлять палки в колеса» и будут лучше работать лишь потому, что являются членами или сторонниками победившего клана. Что, конечно, не всегда соответствует действительности. Кроме того, нередко практика такого рода замен заставляет работника думать и заботиться не только и даже не столько об эффективности своего труда, сколько о том, чтобы сохранить место при вероятном следующем руководителе.

Вместо пользы многие такого рода замены приносят вред еще и потому, что в малом обществе в условиях хронического

кадрового голода большого (и хорошего) выбора у работодателей нет. Убедившись в том, что произведенная замена оказалась неудачной, лихорадочно ищут новую замену. И столь же поспешно и необдуманно подыскивают «теплое» и престижное место для освобождаемого работника – чтобы не обидеть своего (реального или мнимого) сторонника. И так до бесконечности. Препятствующая устойчивому развитию общества «кадровая чехарда» – неотъемлемое свойство большинства малых обществ РФ.

Наряду с этим, в элите кабардино-балкарского общества некоторые «избранные», «неприкасаемые» лица, опираясь на силу и мощь своих референтных групп и кланов, неоправданно долго сохраняют свои должности и влияние, оказывая, как правило, тормозящее влияние на развитие общества, на продвижение новых кадров. Особенно касается это номенклатуры и функционеров старого советского образца. Они востребованы и в самом преклонном возрасте, после того, как давно сложили свои полномочия министров, депутатов, высших полицейских и других чинов. Под их эгидой создаются обычно разного рода «комитеты», «советы старейшин» и другие, как правило, опекаемые властью объединения, многие из которых способны только расшатать ситуацию в республике или затормозить ее социально-экономическое и культурное развитие. Из их числа набирается основной костяк «Общественной палаты», «Народного фронта», «Международной черкесской ассоциации» и др.

Конечно, подобных проблем хватает и в большом обществе. Но в малых, экономически и культурно ослабленных обществах они проявляются особенно остро и болезненно. Поэтому при каждом новом назначении люди ищут связь этого назначенца с высшим руководством и господствующими кланами, кропотливо, без усталости изучая его происхождение, родственные и дружеские связи, карьерный рост, биографию в целом. Но не только из простого любопытства, а для выстраивания новых отношений с изменившейся социальной реальностью. Такая, как принято говорить, «управляемая близость» сковывает действия чиновников, препятствует исполнению функциональных обязанностей, реализации в полной мере лучших творческих планов и возможностей. Как правило, в малом обществе человека оценивают не столько по его личным достоинствам, сколько по силе и авторитету группы, которую он представляет, по степени лояльности к сложившемуся, пусть даже неудобному, устаревшему, но привычному укладу жизни. Династические, территориальные, этнические и другие

кланы, соперничая, и тесно взаимодействуя друг с другом, определяют всю политику в республике, навязывая обществу свое, не всегда верное видение ситуации и субъективное, эгоистическое представление о задачах, стоящих перед республикой.

Налицо, одним словом, все признаки социальной энтропии. Она, как известно, является показателем беспорядка, нестабильности в обществе, мерой его отклонения от нормального состояния и устойчивого развития социальной системы. Не будучи знакомым со всеми хитросплетениями сложившихся на этой почве отношений, с распределением сил и влияний между кланами и внутри кланов, трудно взаимодействовать с социальным окружением и понять, как вести себя в каждом конкретном случае. В малом и ослабленном обществе при недостатке подобной информации многократно возрастает вероятность испортить хорошо сложившиеся личные и деловые отношения, навредить репутации или карьере. Степень неопределенности, одним словом, очень велика и держит людей в постоянном напряжении. Невозможно даже представить, почему некоторые люди и группы пользуются официальным признанием и всеми связанными с этим благами и привилегиями, а другие, подчас, превосходящие их по опыту, по профессиональным и человеческим качествам, остаются в тени или не у дел.

Но для жителей малых обществ и территорий особых вопросов в данной связи уже почти не возникает. Население в большинстве своем смирилось, согласилось с тотальным искривлением сознания априори. Согласилось как с неизбежным злом и всеобщим правилом жизни. Что, собственно, и является одним из признаков социальной и моральной патологии. Как нечто привычное и вполне нормальное воспринимается в этих условиях громадная дистанция между доходами богатых и бедных слоев населения, прямо связанная с этим коррупция во всех сферах государства и общества.

Наблюдая за этим, впору задуматься о худших сценариях развития событий. О том, как будут жить и поведут себя в этих условиях новые поколения жителей Кабардино-Балкарии. Сейчас уже выросло и активно включилось в сложную жизнь республики поколение плохо воспитанных и образованных молодых людей, получивших низкую общекультурную и профессиональную подготовку в семье, в дошкольных, средних, средних специальных и высших учебных заведениях Кабардино-Балкарии. Для республики, в которой, по словам главы Рособрандзора С. Кравцова,

«Единый государственный экзамен превращен в предмет бизнеса», в этом нет ничего неожиданного. Как нет ничего неожиданного и в том, что по итогам 2013/14 уч. г. в общероссийском рейтинге качества образования республика оказалась в тройке самых худших.

С таким положением в сфере воспитания и образования, в духовно-нравственной атмосфере республики прямо связан отбор на престижную работу молодых людей, представляющих наиболее влиятельные кланы. Людей в большинстве своем амбициозных, циничных, с ограниченным кругозором, с жадной жаждой успеха и продвижения любой ценой, невзирая на мораль, законы, авторитет традиционных ценностей и норм. В то же время кадровой политикой такого рода обусловлен отток трудоспособного населения, в ходе которого значительная, как правило, не худшая, часть населения регулярно перемещается в большие города и другие регионы. Применения своим силам и способностям в Кабардино-Балкарии многие люди не находят и потому вынужденно, не без сожаления покидают ее, в надежде на то, что их возможности будут востребованы в большом обществе.

Но желание вырваться в большое общество имеет и некоторые другие основания, связанные с тем, что здесь отношения людей более свободны и обезличены. В условиях больших городов и регионов они быстрее и чаще вовлекаются в разнообразные новые связи, сравнительно легко забывая о неприятностях, нанесенных обидах. Широта и разнообразие повседневных контактов позволяет легко отвлекаться и забывать о них. И в самом деле, как правило, в большом обществе уменьшается значение родственных, этнических, территориальных и других частных связей, теряет силу острота чувств, разъедающих малое общество. Таких, как ревность, зависть, ненависть, месть. «В занятиях, связанных в большом государстве с крупными интересами, эти субъективные стороны сами собой отмирают, и создается привычка исходить из всеобщих интересов, воззрений и дел», – писал в данной связи Г. Гегель¹. Но миграционная убыль, в известной мере даже полезная для больших обществ (с большим, неисчерпаемым человеческим капиталом), для малых и ослабленных территорий оборачивается заметным снижением силы населения. Что, собственно, и имеем мы в Кабардино-Балкарии.

Между тем все больше и больше дает о себе знать экономическая отсталость, нехватка средств, необходимых для удовлетво-

---

¹ Гегель Г. Философия права. – М., 1990. – С. 335.

рения элементарных запросов общества. Тяжелой ношей для маленькой республики становится содержание бюджетников, аппарата различных бюрократических организаций и ведомств, строительство и ремонт дорог и жилья, выдача пособий по бедности и безработице и т.д. Решить в полной мере существующие финансовые проблемы за счет внутренних резервов не удастся. И прежде всего потому, что в силу указанных выше причин в республике не действуют эффективные формы управления и самоорганизации общества, механизмы здоровой конкуренции, призванные выдвинуть по-настоящему грамотных и талантливых профессионалов, мастеров своего дела. Нет или не достаёт ярких личностей, признанных авторитетов.

Не спасают положение и чиновники, назначаемые федеральным центром. Чаще всего они плохо ориентируются в проблемах Кабардино-Балкарии, не проявляют должного внимания, интереса и уважения к истории, богатым культурным традициям местного населения. Не будучи в то же время активными проводниками, пропагандистами общероссийского самосознания и патриотизма, чаще всего эти чиновники окунаются с головой в повседневную жизнь и разборки местных кланов, принимают безоговорочно сложившиеся в их среде правила игры. Этим объясняется крайне низкий авторитет таких назначенцев, отсутствие ощутимой поддержки со стороны простых жителей Кабардино-Балкарии. Одновременно и неизбежно это ведет к охлаждению традиционно теплых и дружеских внутринациональных и межнациональных отношений, препятствует сплочению кабардино-балкарского общества и, как следствие, – к оттоку трудоспособного, прежде всего русского, населения.

Острым и актуальным становится в этих условиях широко обсуждаемый черкесский вопрос. В основе своей это вопрос о выживании и развитии разделенного адыгского народа, о сохранении целостности и суверенности его языка и культуры¹. Но кризис этничности связан у кабардинцев и у других адыгских народов не только с последствиями военных и политических катаклизмов, с геноцидом и депортацией в период Кавказской войны, с беспрецедентной фальсификацией черкесской истории. Он связан также и с нынешним состоянием нравов, с катастрофическим снижением

---

¹ Боров А.Х. Черкесский вопрос как историко-политический феномен. – Нальчик, 2012; Тишков В.А. Махаджирство и черкесский вопрос [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://kavpolit.com/muxadzhistvo-i-cherkesskij-vopros/>

уровня критической грамотности, национального самосознания, политической и общей культуры адыгского населения. С низким уровнем государственного мышления и поведения.

Поэтому внутри черкесского вопроса необходимо рассмотреть и исследовать не только его исторический дискурс, обусловленный событиями прошлого, перипетиями их правильной или неправильной интерпретации, проблемами признания и непризнания геноцида. Важно обратить внимание и на современный нравственно-экологический дискурс данного вопроса. Отчетливо проступают в нем черты усталости, растерянности населения, экономической, политической и общекультурной дезориентации. И как следствие этого – симптомы беспрецедентного рассогласования и «рассеяния культуры». Но, однако, под этим или каким-либо другим предлогом нельзя ставить под сомнение само существование черкесского вопроса¹. Такие попытки еще больше дезориентируют и расшатывают кабардино-балкарское общество, вызывают брожение в многомиллионном черкесском сообществе.

То же самое касается не столь широко известного и обсуждаемого, но не менее острого и важного балкарского вопроса. При всем разнообразии его толкований², с точки зрения самих балкарцев, он сводится к их воссоединению, к обретению большей самостоятельности, к воссозданию социально-политической и культурной автономии Балкарии путем выделения из состава КБР. Следует отметить в данной связи, что присоединение Балкарского округа Горской ССР к Кабардинской автономной области признавалось нецелесообразным (с точки зрения балкарских представителей и лидеров – М. Энеева, А. Гемуева) еще в начале января 1922 г. и подкреплялось следующими соображениями:

«1. Балкария представляет совершенно отдельную народность с самостоятельным языком, особыми условиями быта, характера и т.д.

2. В хозяйственном отношении Балкария имеет свои особенности. В Балкарии господствует скотоводческое хозяйство, тогда как в Кабарде преобладает земледелие.

---

¹ Думанов Х.М. Черкесской проблемы в России не существует [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://kabdino-balkaria.kavkaz-uzel.ru/articles/177179/>; Матвеев В.А. Черкесский вопрос: Современные интерпретации и реалии эпохи. – М., 2011.

² Боров А. Депортация и реабилитация балкарского народа как проблема общественно-политической жизни Кабардино-Балкарии // Исторический вестник. – Нальчик, 2006. – Вып. IV.

3. Балкария испокон веков была в полной зависимости от Кабарды экономически и политически, что является одной из причин ее отсталости в хозяйственном и культурном отношении. Слияние с Кабардой до уничтожения экономического господства Кабарды вследствие ее многоземелья и при наличии национально-го неравенства означает продолжение старой политики»¹.

Прошло уже почти 100 лет с этого времени, но в этой общей картине, осложненной депортацией 1944 г., мало что изменилось. А главное, мало что изменилось в настроениях балкарских элит. И это понятно. Несмотря на воссоздание автономии и реабилитацию балкарского народа, Кабардино-Балкария не состоялась как государство в составе РФ, объединенное общей культурой и едиными интересами. Главным образом в этом повинны управлявшие республикой партийно-советские лидеры. Вместо того чтобы развивать и поднимать балкарские населенные пункты и районы до уровня кабардинских, они пошли по самому простому и ложному пути: передачи балкарцам этнических территорий кабардинцев и планомерного расселения балкарцев в кабардинских населенных пунктах. Вместо ожидаемого резкого подъема хозяйства и культуры балкарцев в конечном итоге это привело к прямо противоположному результату – к взаимному торможению социально-экономического и культурного развития народов республики, к системному кризису территории.

Между тем ситуация сама по себе не располагала к такому повороту событий. Полстолетия назад, как и в начале 1920-х годов прошлого века, Кабардино-Балкария была территорией с прекрасными стартовыми условиями, с трудолюбивым и предприимчивым населением, с большим потенциалом модернизации и устойчивого развития. Теперь приходится только сожалеть о том, что инициированное из лучших побуждений, но плохо продуманное и организованное возрастание объема и многообразия контактов между кабардинцами и балкарцами привело к возрастанию поводов для возникновения конфликтов. То есть произошло то, о чем предупреждали в свое время М. Энеев и А. Гемуев. Даже хуже того. Экономическое и общекультурное развитие республики в целом, не поднявшись до уровня развития предгорных и равнинных (традиционно кабардино-русских) территорий, опустилось до крайне низкого уровня горных (традиционно-балкарских) территорий.

---

¹ ГАРФ. Ф. Р-1318. Оп. 1. Д. 10. Л. 1.

Иначе говоря, из-за плохого управления и администрирования в республике был нарушен принцип культуросообразности – один из самых главных для развития социоэтнических систем. В условиях партийно-советского администрирования и хозяйствования это было еще не так заметно. Социокультурные различия сглаживались стабилизирующим влиянием русского населения и действием четко выстроенных идеологических установок и стандартов управления. Затем различия проявились более отчетливо и на волне перестройки вызвали к жизни движение балкарского народа за выделение из республики. Балкарская элита, точно так же, как и в начале 1920-х годов, видит свою задачу в том, чтобы обрести самостоятельность, равную той, что имеют в большинстве своем другие народы Северного Кавказа. В чем нет ничего предосудительного и говорит нам лишь о том, что в данном конкретном случае опыт этнической кооперации (контаминации) и смешанного правления, насчитывающий без малого 100 лет, оказался неудачным. Вдобавок ко всему в последние десятилетия наметилась тенденция превращения смешанного правления из пропорционального в паритетное. Что ведет не к ослаблению, а к увеличению конфликтного потенциала, к торможению социально-экономического развития республики, способствует воспроизводству на ее территории худших черт малого общества.

В частности, отношения между кабардинцами и балкарцами приобретают все больше и больше форму аморального в своей основе этнического фашизма. Одна из сторон пытается расширить ближайшую, доступную выгоду для своей этнической группы, исходя из пропагандируемого, в том числе и в СМИ, допущения, что другая сторона поступает, и будет поступать точно также. То есть в полном соответствии со своими узкоэгоистическими этническими потребностями и интересами, а не с интересами всей республики.

III

Как видим, в Кабардино-Балкарии, как и в любом малом обществе, на малых территориях множество разнообразных нравственно-экономических и других проблем. При плохо организованном управлении они остаются нерешенными в течение многих десятилетий. И тем самым препятствуют устойчивому развитию социальной системы. А при крайне неблагоприятном стечении обстоятельств могут и взорвать ситуацию.

Управлять подобным обществом с таким «букетом» проблем нелегко. Руководителям многосубъектных республик приходится прилагать немало усилий, чтобы раскрепостить сознание населения, сблизить интересы различных общин и групп, сплотить общество. Но в Кабардино-Балкарии, как мы убедились, нет необходимых для подобного развития событий общезначимых целей и установок. К тому же катастрофически не хватает финансовых средств и людских ресурсов, а те, что есть, используются нерационально, часто не по назначению. Что прямо связано с плохо поставленной кадровой работой. Не только в сфере материального производства, но и в области образования, науки, культуры, СМИ, в правоохранительных органах нужны грамотные и честные специалисты, способные удовлетворить возрастающие социальные потребности населения, потребности реформирования и модернизации общества. Имеющиеся специалисты не справляются с данной задачей из-за сложности и большого объема накопившихся проблем. То есть не только по субъективным, но и по объективным причинам, которые обусловлены малым размером общества.

Основной вывод, который мы должны сделать из всего вышеизложенного состоит в том, что ситуация малых территорий России нуждается в специальных исследованиях. В каждом конкретном случае она имеет свою специфику. И с ней необходимо считаться, если мы хотим выстроить хорошо продуманную, внятную стратегию экономического и культурного развития регионов РФ, их интеграции в жизнь всей страны.

Но есть, как мы видим, и некоторые общие закономерности и проблемы, что также хорошо заметно на примере Кабардино-Балкарии. Малые общества и жители небольших территорий вынуждены учиться жить вместе, исходя из общих нравственно, а значит, и рационально аргументированных целей и задач, постоянно адаптируясь и приобщаясь к глобальному миру, к меняющимся условиям среды. К этому обязывает богатая культурная история всех народов России. А в случае с Кабардино-Балкарией – необходимость защиты чести и достоинства республики, ее интересов и ценностей. Необходимость достойного выхода из кризиса и улучшения общей ситуации с учетом майских указов Президента РФ, общероссийских национальных интересов, планов и программ.

Нравственная экология малых территорий и обществ имеет свою, в том числе и психологическую специфику, с которой необходимо считаться, выстраивая ту или иную стратегию экономиче-

ского и культурного развития. В противном случае они становятся неэффективными, заметно отстают в своем экономическом, социальном и культурном развитии от больших или сравнительно больших обществ, а в нашем случае – от развития Российской Федерации в целом. Особого внимания заслуживает тот факт, что при прочих равных условиях именно в таком – узком и относительно автономном социальном пространстве создается благоприятная почва для режимов авторитарного свойства или, как имеет место в большинстве субъектов РФ, – для консервации подобных режимов.

В многосубъектных республиках на эту в целом не вполне благоприятную ситуацию накладывается интерференция навыков культуры, столкновение интересов различных народов, у которых, в силу самой специфики этнических и социальных различий, развивается иногда гипертрофированное чувство национальной идентичности. Действия, продиктованные такого рода чувствами, еще больше осложняют процесс рациональной культурной и социальной самоорганизации общества. Силы, время и средства, которые в других условиях могли быть направлены на развитие и созидание процветающего общества, тратятся на нездоровое соперничество, бессмысленную борьбу за наибольшее число престижных должностей, званий, чинов. Подозрительность, обида, ощущение несправедливости, бессилия в таких условиях возникают гораздо чаще у наиболее малочисленных народов. Но и у многочисленных народов накапливаются практически те же самые переживания. Обычно это претензии с акцентом на том обстоятельстве, что малочисленные народы имеют непропорционально большее реальное право на сохранение и развитие, на представительство в структурах власти, во всех других престижных сегментах общества.

Доминирование слабых сторон малых территорий и обществ порождает неизбежно системный кризис этих территорий. Население в этих условиях не является и очень редко становится достаточно сплоченной социальной единицей, объединенной на общероссийских национальных началах. Особенно в экономически отсталых регионах РФ, где еще не сложилось демократическое единство, не выработаны и не действуют эффективные методы управления, способные преодолеть негативные следствия малого размера общества.

Литература

1. Бгажноков Б.Х. Системный кризис малых территорий // Вестник КБИГИ. – Нальчик, 2014. – № 3.
2. Боров А. Депортация и реабилитация балкарского народа как проблема общественно-политической жизни Кабардино-Балкарии // Исторический вестник. – Нальчик, 2006. – Вып. IV.
3. Боров А.Х. Черкесский вопрос как историко-политический феномен. – Нальчик, 2012.
4. ГАРФ. Ф. Р-1318. Оп. 1. Д. 10. Л. 1.
5. Гегель Г. Философия права. – М., 1990.
6. Думанов Х.М. Черкесской проблемы в России не существует [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://kabardino-balkaria.kavkazuzel.ru/articles/177179/>
7. Кабардино-Балкария: хроника взрывов, обстрелов и терактов [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.kavkas-uzel.ru/blogs/1927>
8. Матвеев В.А. Черкесский вопрос: Современные интерпретации и реалии эпохи. – М., 2011.
9. Тишков В.А. Махаджирство и черкесский вопрос [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://kavpolit.com/muxadzhirstvo-i-cherkesskijvopros>
10. Тишков В.А. Социально-культурный аспект феномена терроризма // Социальные и психологические проблемы борьбы с терроризмом. – М., 2002.

*«Вестник Российской нации»,
М., 2015 г., № 5, с. 77–92.*

О. Шевченко,

кандидат философских наук, доцент Института социологии и регионоведения ЮФУ (г. Ростов-на-Дону)

КСЕНОФОБИЯ КАК ФАКТОР УГРОЗЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ГОСУДАРСТВ И ПОЛИТИЧЕСКОЙ СТАБИЛЬНОСТИ В ЧЕРНОМОРСКО-КАСПИЙСКОМ РЕГИОНЕ*

Реалии современного мира демонстрируют две разнонаправленные тенденции. С одной стороны, предпринимаются попытки по созданию единого мирового сообщества, интенсифицируются интеграционные процессы, с другой – в мире нарастают дезинте-

---

* Статья выполнена в рамках внутреннего гранта ЮФУ № 213.01-07-2014/15ПЧВГ «Угрозы национальной безопасности в условиях геополитической конкуренции и модели агрессивного и враждебного поведения молодежи».

грация и хаос. Данные тенденции затрагивают практически все регионы мира, включая и Черноморско-Каспийский.

Страны, входящие в Черноморско-Каспийский регион, отличаются как размерами территории, численностью и этническим составом населения, так и самобытностью культуры, значимое место в которой сегодня занимает религиозный фактор.

Современные проблемы Черноморско-Каспийского региона обусловлены как внутренними противоречиями социального развития входящих в него стран, так и геополитическими интересами ряда стран Ближнего Востока и США. Их закономерным следствием становится актуализация ксенофобии, выполняющей в данном регионе как защитную, так и манипулятивную функции.

В научной литературе ксенофобия рассматривается как достаточно сложное и противоречивое явление: с одной стороны, она выступает одной из форм социально-психологической защиты индивида и группы в непредсказуемом и опасном мире, а с другой – является элементом политической технологии, конструирующей тот или иной образ чужого для достижения конкретных целей [14].

Ксенофобия в Черноморско-Каспийском регионе имеет внешнюю и внутреннюю направленность, связанную с местонахождением ее объектов. Г. Айзерман правомерно выделил два основных вектора направленности ксенофобии: шовинизм, адресованный против другого государства, и диаспорофобию, направленную против национальных меньшинств внутри страны. И шовинизм, и диаспорофобия, по мнению немецкого социолога, связаны с потребностью сохранения национального достоинства, экономического развития и социального обеспечения коренного населения и направлены, прежде всего, против чужаков [11].

Внешняя ксенофобия чаще всего находит отражение в государственной идеологии, стремящейся утвердить статусность, суверенность своего государства или своего народа любым способом, в том числе насильственным, например, путем завоевания или подчинения себе чужой территории. Внутренняя ксенофобия выражается не только в диаспорофобии, но и в мигрантофобии, которая чаще всего обусловлена социально-экономическими проблемами в обществе. К внутренней ксенофобии также можно отнести негативное отношение самих мигрантов или их потомков к коренному населению [5].

Основными проявлениями внешней ксенофобии в Черноморско-Каспийском регионе являются американофобия, русофобия и исламофобия.

Изучению различных аспектов современной американофобии посвящены работы В. Байнева, В. Винника, З. Видовича, О. Шевченко и др. [3]. По мнению данных авторов, американофобия отражает современные негативные установки в отношении политической и экономической системы США, ценностно-мировоззренческих и духовно-нравственных установок американской нации, т.е. неприятие Соединенных Штатов как национального государства и его культурных основ.

Причина формирования подобных стереотипов общественного сознания связана с направленностью интересов США на основные мировые регионы [5, 4], в том числе и на Черноморско-Каспийский регион. Америка выделяет враждебные государства и преследует их, используя широкий диапазон средств: применение военной силы с целью свержения законной власти и ее замены прозападным режимом (Ирак), экономические санкции для ослабления глобального и регионального влияния (Россия), политическое и экономическое давление с целью сворачивания национальной ядерной программы (Иран).

В стремлении к мировому господству США навязывают другим государствам свои правила игры, пытаются устранить с политической арены неудобные государства, нарушают баланс интересов. Все это, естественно, вызывает решительное противодействие. Пытаясь превратить США в своего рода вторую Римскую империю, ее лидеры делят народы и государства на «друзей Рима» и «врагов Рима» (т.е. Вашингтона. – *О. Ш.*), используя двойные стандарты в отношении своих и чужих.

С. Хантингтон обращает внимание на дискретность декларируемых принципов в политике Запада и их практического воплощения. США лицемерят, используя в политической деятельности двойную мораль: «...да, демократию следует развивать, но нет, не следует, если это приводит к власти исламских фундаменталистов; да, нераспространение ядерного оружия очень правильная вещь, если речь идет об Ираке и Иране, но нет, когда речь доходит до Израиля... агрессия против богатых нефтью кувейтцев должна получить отпор, но совсем иное дело, если речь идет об агрессии против боснийцев, нефтью, увы, не владеющих...» [13, с. 151].

Под предлогом распространения «демократии» и «прав человека» США военными методами реконструируют политическую карту Ближнего Востока, ряд государств которого входят в Черноморско-Каспийский регион. По мнению специалиста по исламу

Г. Фуллера, политика США в исламском мире сфокусирована не на распространении демократии, а преследует прежде всего собственные цели: обеспечение бесперебойных поставок энергоносителей из региона, безопасность Израиля, нераспространение оружия массового уничтожения, борьба с терроризмом, предотвращение возникновения любого регионального гегемона [1, p. 213].

Осуществление такой политики неизбежно ведет к созданию нового поля политико-идеологического напряжения. Вызовы, брошенные США остальному миру, ведут к возникновению многообразных по своим формам «ответов».

Односторонний и агрессивный характер политики Соединенных Штатов провоцирует создание оппозиционных движений, идеология которых опирается исключительно на американофобию, активно конструирует «образ врага» в лице США. В связи с этим правомерно рассматривать сегодняшнюю американофобию (в частности, на политическом уровне) как реакцию, прежде всего, на имперское высокомерие сверхдержавы, весьма вольно относящейся к нормам международного права. Политика гегемонии США закономерно вызывает тревогу крупных региональных держав (России, Китая, Индии и др.), ряда европейских государств, сопротивление многих стран «третьего мира».

В условиях однополярного мира международная структура безопасности представляет, по сути, совокупность союзов и блоков, прямо или косвенно руководимых США. Полагаясь на свою военную мощь и наличие союзников, Соединенные Штаты убеждены, что могут использовать свои вооруженные силы для целей принуждения практически безнаказанно и без риска возмездия со стороны других государств [12]. Тем не менее американское военное давление на другие страны, их насильственная демократизация по западному сценарию вызывают серьезное противодействие, способствуют появлению у США новых врагов. Несмотря на имеющийся потенциал, США все-таки неспособны насильственно изменить цивилизационные особенности стран и регионов, а потому американские геополитические притязания вызывают контртенденцию. Так, в Черноморско-Каспийском регионе формируется новый центр евразийского регионализма, главными политическими субъектами которого выступают Россия, Турция и Иран.

Таким образом, тенденции мирового развития, во многом обусловленные геополитической стратегией США, приводят к появлению американофобии как специфического способа защиты государствами своих национальных интересов.

Наряду с американофобией достаточно устойчивым видом ксенофобии в отдельных странах Черноморско-Каспийского региона становится русофобия.

В основе актуализации современной русофобии и русофобского дискурса лежат, во-первых, гегемонизм США; во-вторых, стратегии решения сырьевой проблемы глобальным центром (странами «золотого миллиарда») за счет военного / невоенного захвата ресурсов периферийных стран; в-третьих, продолжающимся процессом строительства национальных государств на постсоветском пространстве (Грузия, Украина) и формированием их национальной идентичности. Конструируя «образ врага», западные массмедиа опираются на различные стереотипные представления, связанные с Россией. Россию обвиняют не только в совершении кровавых преступлений в прошлом и настоящем, но и приписывают вынашивание зловещих планов на будущее. Главная задача западных средств массовой информации заключается в том, чтобы убедить мировое сообщество в возрождении у России имперских амбиций, ее нацеленности на захват чужих территорий и возможной военной угрозы с ее стороны для стран новой объединенной Европы, прежде всего прибалтийских государств. Стратегической целью информационного противоборства, активно использующего русофобию, являются вытеснение России с мировой политической арены и внесение ее в список так называемых государств-изгоев, дегуманизация и демонизация образа России в общественном сознании.

Особенно активно русофобия как инструмент начинает использоваться там, где интересы США сталкиваются с интересами других государств. Так, Грузия, входящая в состав Черноморско-Каспийского региона, после распада Советского Союза стала ареной борьбы между континентальными и атлантическими силами. Экономическое и политическое ослабление России в конце XX в. привело к тому, что Грузия, стремясь отмежеваться от общего политического и культурно-исторического прошлого, заняла жесткую антироссийскую позицию. Подобное развитие событий было обусловлено как влиянием США, поставивших государство под свой контроль, так и развитием грузинского национализма, связанного со стремлением создать собственное национальное государство. Приход к власти в Грузии проамериканских политиков и политическое конструирование грузинской нации сопровождалось агрессивной русофобией.

Сегодня Грузия последовательно реализует курс на евроинтеграцию и вступление в НАТО. Новым шагом является попытка оборонной кооперации на региональном уровне, включающем, помимо Грузии, Азербайджан и Турцию, уже связанную с Североатлантическим военным альянсом. При этом каждая из сторон видит в создании подобного союза свои плюсы: Грузия – защиту от «российской угрозы», Азербайджан – изоляцию Армении от России в случае обострения конфликта в Нагорном Карабахе, Турция – закрепление своего влияния в Закавказье, ранее полностью принадлежавшем России.

На Северном Кавказе осуществляется целый ряд антироссийских геополитических проектов, среди которых эксперты выделяют три наиболее опасных для национальной и региональной безопасности России: западный (прежде всего, американский), арабо-исламистский (ваххабитский) и туранский (турецкий) [6]. Ведущим выступает западный проект, а два других, несмотря на относительную автономность, активно поддерживаются США и их союзниками. В результате в регионе постоянно подогреваются сепаратизм, национализм, религиозный фанатизм, подолгу сохраняются очаги напряженности, связанные с взаимными территориальными претензиями. Особенно активно в последние полтора десятилетия здесь эксплуатируется религиозно-этнический фактор.

Разжиганию русофобских настроений способствует затяжной политический кризис в современной Украине. Россию обвиняют в аннексии Крыма и военной-экономической помощи сепаратистски настроенным жителям Донбасса, т.е. фактически в развале государства и попытках отделения от Украины юго-востока страны. По нашему мнению, русофобия на Украине отчасти провоцируется как западным, так и местным политическим истеблишментом, отчасти является следствием исторически сложившейся культурной и религиозной разнородности населения страны: украиноязычного униатского и католического запада и русскоязычного православного востока.

С осени 2013 г. в связи с украинским кризисом, а затем новой фазой антитеррористической кампании на Ближнем Востоке с военным участием России ситуация с русофобией в Черноморско-Каспийском регионе значительно обострилась.

Помимо русофобии, в Черноморско-Каспийском регионе наблюдается рост исламофобии, связанный в настоящее время с активизацией деятельности террористической организации «Исламское государство Ирака и Леванта» (ИГИЛ).

Важно отметить, что современная исламофобия приобретает специфические черты в зависимости от того, какими идеологическими установками руководствуется аналитик.

Радикальный взгляд на исламскую угрозу в основном характерен для либералов, отождествляющих себя с так называемыми западниками. Для них ислам – это воплощение взбунтовавшейся архаики, варварство, которое напало на цивилизованный западный мир и его систему ценностей. Развитие либерализма воспринимается западниками как борьба с отсталостью, варварством, т.е. как борьба с «антизападом» [11, с. 21]. Роль последнего до недавнего времени выполнял коммунизм, а в настоящее время – ислам.

Консервативная позиция в отношении ислама сводится к тому, что, во-первых, ислам не рассматривается как самостоятельная угроза безопасности региона, а выступает производной от других угроз. Во-вторых, ислам воспринимается не как целостная религиозная система, а как совокупность различных течений. В нем чаще всего выделяют два разных ислама – традиционный ислам и ваххабизм [11, с. 22]. В рамках консервативной позиции ислам в целом не рассматривается в качестве врага: «хорошие» мусульмане отделяются от «плохих», поэтому исламобофский характер этих рассуждений на первый взгляд совсем не очевиден. Однако до сих пор не сформулированы четкие критерии, с помощью которых можно отличить «хороший» ислам от «плохого». Любая попытка создать такие критерии неизбежно затронет его фундаментальные основы. Современная исламофобия, по нашему мнению, носит в основном политически конъюнктурный характер: она активизируется в риторике политических деятелей, когда они обращаются к Западу, апеллируя к тем кругам, которые напуганы «международным терроризмом» или которые «...используют жупел “исламской угрозы” в своих политических интересах» [11, с. 25].

Свою роль в актуализации исламофобии играют мировые и региональные СМИ. В прессе и на телеэкране реальные трудности в отношениях с мусульманским миром стали быстро трансформироваться в пугающий массмедийный продукт, вследствие чего исламский фактор гиперболизировался. В общественном сознании возникло представление об исламской, а не исламистской угрозе, которая действительно существует.

Различие между этими двумя понятиями стало осознаваться совсем недавно. Ислам, как и любая другая религия, сам по себе не несет угрозы миру и обществу: «...угроза... возникает лишь тогда,

когда ислам перестает быть религией и начинает использоваться в качестве политической идеологии, которая предназначена для захвата власти в отдельных странах, регионах или в планетарном масштабе во имя создания будущего Всемирного халифата» [10, с. 119]. Подтверждением этому является деятельность уже упомянутой группировки ИГИЛ, в состав которой входят приверженцы не только радикального салафитского (ваххабитского), но и традиционного ислама, а также баасисты, в принципе выступающие за строительство светского государства [7, с. 50]. Тем не менее деятельность группировки носит разрушительный характер, ставит под вопрос сложившиеся политические, экономические социальные и культурные основы существования региона, поскольку детерминирована воинствующим исламизмом.

Завершая рассмотрение исламофобии в Черноморско-Каспийском регионе, хотелось бы заметить: страны, входящие в его состав, никогда не были гомогенными в религиозном отношении. Более того, население даже одной страны редко было приверженцем какой-либо одной религии. Поэтому стремление некоторых политических деятелей сформировать «образ врага» в лице исламского мира как такового, а не радикальной исламистской идеологии, способствует дезинтеграции стран Черноморско-Каспийского региона, обладающих различной религиозной идентичностью.

Наряду с внешней ксенофобией, направленной на другие государства и регионы, в странах Черноморско-Каспийского региона имеют место и различные виды внутренней ксенофобии (этнические, религиозные, смешанные).

Появление внутренней ксенофобии обусловлено совокупностью социально-психологических, экономических, политических и собственно социальных факторов, сложившихся в обществе. Социально-психологические факторы, лежащие в основе ксенофобии, связаны, прежде всего, с потребностью индивида в групповой идентификации и межгрупповом сравнении; с ощущением опасности извне, которая представлена не только силами природы, но и присутствием в мире других сообществ; с состояниями фрустрации и депривации, сопровождаемыми эмоциями страха, презрения, гнева, отвращения, зависти. По сути, эти социально-психологические факторы формирования ксенофобии представляют собой совокупность тяжелых социальных условий и негативных психологических переживаний, отражающих состояние страха, испытываемого группой, перед реальными или потенциальными угрозами,

а также чувство неудовлетворенности социальной группы сложившейся ситуацией. Социально-психологические факторы внутренней ксенофобии являются производными от экономических, политических и социальных условий, сформировавшихся в обществе.

К экономическим факторам, порождающим внутреннюю ксенофобию, можно отнести, прежде всего, конкуренцию за природные ресурсы, которые, к сожалению, имеют ограниченный характер, а также стремление к обладанию какими-либо материальными благами. Экономические факторы в свою очередь тесно связаны с политическими и социальными. В качестве политического фактора формирования внутренней ксенофобии можно выделить борьбу за политическую власть и определенные преференции, которые она дает, например, возможность обеспечить групповую безопасность, статусные позиции или доступ к материальным благам.

Социальным фактором формирования внутренней ксенофобии является наличие в обществе этносоциальной стратификации, в результате которой этнические группы оказываются на разных ступенях социальной лестницы именно в силу своей этнической принадлежности и т.д. [13].

На наш взгляд, оборотной стороной актуализации и даже гиперболизации проблемы идентичности становится внутренняя ксенофобия. Поскольку наибольшую актуальность в ряде стран Черноморско-Каспийского региона имеют этническая и религиозная идентичности, ее рост и смешение неизбежно сопровождаются проявлением различного рода этнонациональных и этнорелигиозных фобий. Примером устойчивой внутренней этнонациональной фобии являются турецко-курдские отношения.

По мнению исследователей, причиной обострения данной проблемы внутри Турции является курдский этнонационализм, прогрессирующий отчасти из-за гонений и давления на курдов со стороны государства. Основой различных форм дискриминации и притеснений курдов выступает представление, что курды – это «чужие». Диапазон представлений об их инаковости достаточно широк: от представлений, согласно которым курды – это «турки, утратившие собственную культурную идентичность» [8, с. 99], до их исключения из турецкой нации. Несмотря на то что курды – мусульмане, в турецком политическом и общественном дискурсе они рассматриваются как орудие в руках внешних сил, желающих дестабилизировать и разделить страну.

В эскалации конфликтов в странах Черноморско-Каспийского региона традиционно значимую роль играет и религиозная составляющая. Она придавала особую остроту многолетнему конфликту между шиитским Ираном и суннитским Ираком, но даже сегодня мусульмане-сунниты, проживающие в Иране, по данным ООН, подвергаются различным формам дискриминации со стороны подавляющего большинства населения страны – мусульман-шиитов.

Несмотря на то что религиозное противостояние между шиитами и суннитами существует более тысячи лет, по мнению экспертов, данный конфликт представляет самую большую угрозу безопасности в регионе. В условиях жесткой геополитической борьбы за лидерство на Ближнем Востоке религиозная ксенофобия стала эффективным инструментом политической мобилизации социальных групп. Так, Иран является союзником президента Сирии Б. Асада, принадлежащего к одной из шиитских сект, в то время как суннитские страны Персидского залива, а также Турция поддерживают сирийских повстанцев, многие из которых являются суннитами. Тем самым политическое противостояние стран региона завуалировано религиозными мотивами.

С нашей точки зрения, религия выполняет сугубо инструментальную роль в дестабилизации ситуации в регионе. С ее помощью в очередной раз конструируются границы между своими и чужими мирами, а различные политические силы используют религию для обоснования территориальных или иных притязаний, оправдания применяемых насильственных методов.

Подводя итог сказанному, можно прийти к некоторым выводам. В условиях современных геополитических трансформаций, связанных с перераспределением зон влияния в Черноморско-Каспийском регионе, ксенофобия различной этиологии становится эффективной политической технологией, используется различными силами для обеспечения влияния и лоббирования своих интересов как на глобальном, так и на региональном уровнях.

Литература

1. Fuller G.E. The Future of Political Is-lam. – N.Y., 2003. – 227 p.
2. Абашин С.Н. Исламофобия // Гуманитарная мысль Юга России. – 2005. – № 1. – С. 20–26.
3. Байнев В.Ф., Винник В.Т. Система неокolonизации XXI века // Новая экономика. 2009. № 5. – С. 3–11; Видоевич З. Глобализация, хаотизация и конфлик-

- ты в современном мире // Социологические исследования. – 2005. – № 4. – С. 25–32; Шевченко О.М. Американофобия в период глобальных трансформаций мирового развития // Этносоциум и межнациональная культура. – 2013. – № 8 (62). – С. 162–180.
4. Вялых Н.А., Лубский А.В., Посухова О.Ю. Национальная интеграция и межэтнические отношения в США и ФРГ как предмет научных исследований в России // Социально-гуманитарные знания. – 2015. – № 7. – С. 8–17.
  5. Дегтярев А.К. Управление миграционными потоками в США: политика снижения конфликтогенного потенциала // Вестник Адыгейского гос. ун-та. Регионоведение: Философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. – 2015. – № 4.
  6. Добаев И.П. Дискурсивные практики геополитической идентификации России в условиях глобализации и регионализации. URL: [http://www. geopolitika. ru](http://www.geopolitika.ru) (Дата обращения: 21.09.2015.)
  7. Евсеев В., Зимин Ю. Перспективы «Исламского государства» // Обозреватель-Observer. – 2015. – № 2. – С. 43–56.
  8. Кудряшова Ю.С. О росте значения курдского фактора в условиях меняющегося Ближнего Востока // Ежегодник ИМИ. – 2014. – Вып. 2(8). – С. 94–105.
  9. Лубский А.В., Дегтярев А.К., Вялых Н.А. Модели и практики национальной интеграции в США // Социально-гуманитарные знания. – 2015. – № 11.
  10. Пасандиде С. Исламизация политики и политизация ислама // Власть. – 2013. – № 1. – С. 117–119.
  11. См.: Померанц Г. Кто такие чужаки? // Психология национальной нетерпимости. – Минск, 1998.
  12. Фролова А.С., Посухова О.Ю., Сериков А.В. Отражение ценностной политики в сфере межэтнических отношений в СМИ США // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2015. – № 6.
  13. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. – М., 2003, с. 14. Шевченко О.М. Методология конструктивизма в социально-философском исследовании ксенофобии // Теория и практика общественного развития. – 2013. – № 11. – С. 30–34.

*«Гуманитарий Юга России»,
Ростов-на-Дону, 2015 г., № 4, с. 200–210.*

Е.Ионова,

кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник (ИМЭМО РАН)

ТАДЖИКО-ИРАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ СЕГОДНЯ

В последнее время все более очевидным становится стремление Ирана закрепиться в Центральной Азии и стать важным игроком в регионе наряду с Россией, Китаем и США. Главным партнером Тегерана на сегодняшний день является Таджикистан, чему в немалой степени способствует этническая, культурная и

религиозная близость населяющих их народов. Иран первым признал независимость Таджикистана, открыв свое посольство в Душанбе в январе 1992 г., совместно с Россией был одним из двух модераторов межтаджикского перемирия в 90-е годы, когда в республике шла гражданская война. Сегодня отношения двух государств регулируют более 100 документов о сотрудничестве.

В республике действует более 180 иранских предприятий в сфере энергетики, транспорта, дорожного строительства, сельского хозяйства, производства строительных материалов¹. Наибольший интерес иранский бизнес проявляет к таким отраслям, как энергетика и транспорт. Иран вложил 180 млн долл. в строительство Сангтудинской ГЭС-2, запуск которой на полную мощность был осуществлен совместно президентом РТ Э. Рахмоном и президентом Ирана Х. Рухани в ходе официального визита последнего в Душанбе в сентябре 2014 г.² По словам президента Таджикистана, электростанция стала «подарком иранского народа братскому таджикскому народу». Он отметил, что эта ГЭС, сооружение которой началось в 2006 г., существенно улучшила энергообеспечение республики.

По соглашению, доходы от ГЭС в течение 12,5 лет после ее вступления в строй должны были поступать Ирану (после полной сдачи в эксплуатацию Сангтудинская ГЭС-2 способна вырабатывать до 1 млрд кВт/ч электроэнергии). Однако в октябре 2014 г. из-за долгов таджикской стороны этот срок был продлен до 14,5 лет. После этого гидроэлектростанция должна перейти в собственность Таджикистана³.

Оба государства граничат с Афганистаном, который в экономическом плане представляет собой важный транзитный регион между странами Центральной Азии, Ираном, КНР и Пакистаном. Душанбе и Тегеран заявляют о намерении активизировать экономическое взаимодействие с Афганистаном как на двусторонней основе, так и в формате Иран–Афганистан–Таджикистан. Руководство РТ считает, что торгово-экономическое сотрудничество с Афганистаном имеет большие неиспользованные резервы. В настоящее время на границе между двумя государствами функ-

---

¹ <http://scosummit2014.tj/index.php/ru/glavnoe-menyu/arkhiv-novostej/243-tadzhikistan-iran-sotrudnichestvo-na-veka>

² <http://novosti-tadzhikistana.ru/lidery-tadzhikistana-i-irana-zapustili-sangtudu...>

³ <http://novosti-tadzhikistana.ru/doxody-ot-sangtudinskoj-ges-2-v-techenie-145-let...>

ционируют пять мостов, соединяющих обе страны, открыты рынки приграничной торговли, созданы совместные экономические зоны, которые используются для производства продукции, предназначенной для поставки в Афганистан.

На сегодняшний день самым крупным совместным проектом с участием Таджикистана, Афганистана и Ирана является строительство железной дороги из Китая в Иран через территорию Киргизии, Таджикистана и Афганистана, протяженность которой должна составить 1972 км. Из них на таджикский участок от Нижнего Пянджа до границы с Киргизией приходится 296 км¹. Инициатива о соединении железных дорог пяти стран принадлежит Ирану, который выделил Таджикистану грант в размере 1 млн долл. на проведение экономической оценки строительства таджикского участка этой дороги. Его предварительная стоимость была оценена в 3,2 млрд долл.

Однако в течение четырех лет стороны не могли прийти к единому мнению относительно общих стандартов железнодорожных путей, поскольку ширина колеи в Иране и Китае не соответствует ширине колеи в Таджикистане и Киргизии. По заявлению Министерства транспорта РТ, «главным вопросом было то, в каком состоянии находятся дороги в этих странах, так как каждая из них придерживается своих правил и стандартов. Основная цель сейчас – прийти к единому мнению и принять общие стандарты, к примеру, по ширине колеи дорог, которые значительно разнятся, и это не позволяет соединить пути»².

В конце 2014 г. проект получил новое развитие. По итогам состоявшегося в декабре заседания с участием представителей пяти стран-участниц был подписан первый документ – «Протокол о соединении железнодорожных путей пяти стран», в котором было зафиксировано решение взять за основу стандарты железнодорожных путей, принятые в Китае и Иране. Тем не менее для реализации этого проекта осталось решить вопрос о том, кто будет финансировать строительство афганского участка этой магистрали. В связи с его нерешенностью окончательная реализация проекта откладывается.

Однако в экономическом плане Иран не может составить серьезной конкуренции влиянию Китая в странах ЦА, в том числе, в Таджикистане. Экономика республики находится под колоссаль-

---

¹ <http://novosti-tadzhikistana.ru/iran-v-techenie-shesti-mesyacev-zapustit-...>

² <http://www.ca-portal.ru/article:16510>

ным влиянием Поднебесной, которая уже пытается влиять на его политическую жизнь и сферу безопасности. Это дает основание полагать, что для Душанбе развитие отношений с Ираном имеет значение также с точки зрения ослабления экономической зависимости от Пекина.

По мнению эксперта по Центральной Азии А. Князева, «сотрудничество с Ираном для Таджикистана – это не особо успешная, но попытка иметь какую-то альтернативу»¹ (отношениям с Китаем. – *Е. И.*). Он считает, что «для Ирана же сейчас важны любые выходы во внешний мир в условиях многолетних санкций. И языковая и этническая близость Таджикистана делает эту страну основной точкой опоры Ирана для распространения своего влияния, в первую очередь культурного, и для попыток экономического взаимодействия в регионе в целом». При этом, как отмечают некоторые эксперты, пока «невозможно сравнить инвестиции, которые иранцы делают в арабский мир, с их инвестициями в Центральную Азию»².

Гранича с Афганистаном – государством, где сохраняется высокий уровень террористической угрозы, Иран и Таджикистан практически обречены на взаимное сотрудничество в области безопасности. Еще в 2006 г. была создана трехсторонняя комиссия с участием Ирана, Афганистана и Таджикистана. Тогда президент М. Ахмадинежад говорил, что проблемы безопасности этих трех государств тесно увязаны друг с другом. Эту точку зрения разделяет Э. Рахмон, по словам которого, расширение и укрепление дружественных отношений между странами в будущем может обеспечить мир и стабильность в регионе, включая Афганистан³.

По итогам уже упоминавшегося визита президента ИРИ Х. Рухани в Таджикистан в 2014 г., стороны подписали девять новых документов, в том числе Соглашение между правительством Таджикистана и правительством Ирана о сотрудничестве в сфере правопорядка и укрепления безопасности, а также Меморандум взаимопонимания между правительствами двух стран по сотрудничеству в противодействии и борьбе против производства, незаконного оборота и употребления наркотиков и психотропных веществ.

---

¹ <http://rusplt.ru/world/konkuriruya-s-kitaem-12714.html>

² <http://rus.ozodi.org/content/article/26944330.html>

³ <http://rusplt.ru/world/konkuriruya-s-kitaem-12714.html>

Рост внешней террористической угрозы, который характерен для сегодняшней ситуации в странах Центральной Азии и связан с активизацией экстремистских группировок в соседнем Афганистане, может приобрести, как считают некоторые эксперты, особый характер для Таджикистана. Так, по словам политолога А. Гулматшоева, «вывод войск НАТО из Афганистана может стать отправной точкой в процессе объединения таджиков Афганистана, Ирана и Таджикистана по языковому и культурному принципу. Афганские таджики под давлением талибов и пуштунских племен не видят своего будущего в составе единого Афганистана в его сегодняшних границах, и их лидеры попытаются объединить разрозненные силы бывшего Северного альянса»¹.

Весна текущего года принесла новое обострение ситуации на таджико-афганской границе. Как отмечалось в заявлении МИД России, «особую обеспокоенность вызывает масштабное наступление боевиков террористических организаций в граничащей с Таджикистаном провинции Кундуз, в ходе которой атакованы объекты административного управления в целом ряде уездов»². Эксперты не исключали возможность прорыва боевиков через границу между Таджикистаном и Афганистаном.

Кроме того, сохраняется напряженная обстановка в отдельных районах республики. Особую тревогу таджикских властей вызывает то, что радикальный ислам пользуется поддержкой у жителей на юге Таджикистана. 27 апреля на совещании с членами Совбеза президент РТ распорядился при необходимости привлечь резервистов для обеспечения безопасности таджико-афганской границы. Однако, как отмечали наблюдатели, в условиях массовой миграции мужского населения Таджикистана за границу, в случае возможной атаки с территории Афганистана и появления сразу нескольких очагов напряженности внутри страны, правительство Э. Рахмона будет не в состоянии призвать необходимое число резервистов в ряды вооруженных сил.

В этих условиях сотрудничество в сфере безопасности в формате Таджикистан–Афганистан–Иран приобретает особое значение. В феврале текущего года в Тегеране по итогам переговоров министра внутренних дел РТ Р. Рахимзода с его иранским коллегой Р. Фазли было подписано Соглашение о сотрудничестве в сфере безопасности. Оно, в частности, предусматривает усиле-

---

¹ <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1427171940>

² <http://novosti-tadzhikistana.ru/moskva-osudila-vooruzhennye-vylazki-...>

ние взаимодействия в борьбе с терроризмом, экстремизмом, сепаратизмом, а также в деле укрепления границ с Афганистаном. Кроме того, по сообщениям СМИ, обсуждался вопрос о подготовке кадров для правоохранительных органов Таджикистана¹.

Параллельно Душанбе усиливает контакты с силовыми структурами Афганистана. По словам главы МВД РТ, соответствующие органы РТ находятся в постоянном контакте с афганскими силами обороны и правопорядка. В Афганистане должно быть открыто представительство МВД Таджикистана, призванное координировать усилия органов внутренних дел двух стран в деле борьбы с организованной преступностью, экстремизмом, терроризмом и незаконным оборотом наркотиков².

Однако главным партнером Душанбе в области безопасности остается Россия. Страны активно взаимодействуют в рамках ОДКБ, ШОС. Весной текущего года министр обороны РФ С. Шойгу заявил, что Россия продолжит оказывать военную поддержку Душанбе, будет укреплять свою базу в этой стране³. В начале апреля в Таджикистане прошло заседание Военного комитета ОДКБ, на котором были проанализированы вызовы и угрозы военной безопасности в регионах коллективной безопасности, и было заявлено о готовности оказать противодействие возможной угрозе, которая будет исходить от группировки «Исламское государство» на таджико-афганской границе⁴.

В дальнейшем, как представляется, роль таджико-иранских отношений в геополитике региона во многом будет определяться конъюнктурой международной обстановки. В частности, в случае снятия санкций с Ирана появится возможность возрождения древнего Шёлкового пути из Центральной Азии в Европу через Иран. В этом случае Таджикистан может получить значительные дивиденды как страна транзита, чему будет способствовать реализация упоминавшегося выше проекта создания трансасиатской железнодорожной магистрали из Китая в Иран.

По мере укрепления своих международных позиций, Иран, скорее всего, будет стремиться к расширению своего влияния в Центральной Азии. Однако оно вряд ли когда-либо достигнет

---

¹ <http://www.tojnews.org/ru/news/iran-i-tadzhistan-dogovorilis-...>

² http://kurdistan.ru/2015/18/news-23195_MVD_Tadzhikistana_Usilennyy_rezhim...

³ <http://www.trend.az/casia/tajikistan/2384475.html>

⁴ <http://rus.ozodi.org/content/article/26951452.html>

уровня экономического влияния Китая в этом регионе. Тегеран не претендует на сколько-нибудь серьезную конкуренцию российскому присутствию в Центральной Азии. Правда, для Москвы может оказаться существенным то, что при определенных условиях возникнет вероятность создания альтернативных российским маршрутов транзита поставок энергоносителей из стран Центральной Азии в Европу через Иран.

Сегодня есть свидетельства того, что Тегеран склонен рассматривать Москву как своего приоритетного партнера. Следует учитывать, что уровень взаимодействия Ирана с РФ и странами ЦА, в том числе Таджикистаном, может серьезно возрасти в случае его вступления в ШОС. Этот вопрос находится сейчас на стадии обсуждения.

*«Россия и новые государства Евразии»,
ИМЭМО РАН, М., 2015 г., № 2, с. 108–113.*

В. Тянь,

кандидат исторических наук,
доцент кафедры рекламы, теории
и практики связей с общественностью
(Институт экономики и культуры)

**ТРАНСФОРМАЦИЯ ЭТНОПОЛИТИКИ ВЛАСТИ
СТРАН ПОСТСОВЕТСКОГО ПРОСТРАНСТВА:
ФОРМЫ, ТРЕНДЫ, ДИНАМИКА**

С обретением независимости бывшие союзные республики столкнулись с рядом неотложных проблем, в том числе этнополитических. В союзных республиках (кроме РСФСР) на момент распада СССР проживала почти половина населения страны, и четверть населения республик составляли некоренные народы и национальные меньшинства. Следует также отметить миграционные процессы, которые меняют демографическую ситуацию в этих странах. Общая численность населения стран на постсоветском пространстве (без учета населения РФ) на 1 января 2015 г. составила 146 млн человек, из них 40 млн человек составляют национальные меньшинства (в том числе 20 млн русских). Их судьба во многом зависит от этнополитики власти этих стран.

Стремительное обретение независимости способствовало реанимации во властных кругах известного этнополитического императива: предоставление преференций титульной нации.

Политический эгоизм титульной нации проявился в полной мере в процессе формирования институтов государства. Почти во всех бывших союзных республиках не удалось избежать форсированного закрепления статуса титульной нации, в то время как статус национальных меньшинств не был определен, и статусный баланс не был достигнут. Освободившись от бремени двоевластия, титульная нация, получив статус государствообразующей, субъекта этнополитики, в момент, когда национальные меньшинства, некоренные этносы столкнулись с правовой незащищенностью, не была готова к принятию научно обоснованных этнополитических решений. (Это не относится к тогдашней власти РБ, принявшей в 1992 г. Закон «О национальных меньшинствах в Республике Беларусь»¹.)

Отрадно, что позитивный тренд этнополитики белорусской власти сохранился, тем более что после распада СССР «в условиях переходного общества во многих странах обострились межэтнические отношения, усилились процессы консолидации этнических групп» [Макрушич 2008].

Эти процессы в Беларуси происходили в цивилизационном дискурсе. Белорусские эксперты считают, что Республика Беларусь является одной из немногих республик бывшего СССР, в которой не было зафиксировано ни одного межнационального или межконфессионального конфликта. Действительно, витрина этнополитики власти РБ выглядит по-европейски (законодательство). Но контроль за руководителями этнических общин напоминает советскую практику.

Известно, что во многих республиках происходит корректировка статуса национальных меньшинств с целью установления статусного баланса в стране. В Республике Беларусь русским придали статус национального меньшинства при 10% общей численности населения республики. Но они же совместно с белорусами (титульная нация) и евреями являются коренными народами РБ.

С обретением суверенитета власть стремилась укрепить статус титульной нации. Нарушался статусный баланс в обществе. Межэтнические отношения становились все более напряженными. Латышские, литовские, эстонские власти разделяли опасения титульной нации о возможности ее «растворения» среди других

---

¹ Закон Республики Беларусь «О национальных меньшинствах в Республике Беларусь» от 11.11.1992 № 1926-XII. Доступ: <http://pravo.evonevsky.org/bazaby/zakon/zakb1368.htm> (Проверено 24.08.2015.)

этносов и потери идентичности. Да и состав некоренного населения был показательным: некоренное население состояло из двух категорий: а) потомков подданных Российской империи; б) русскоязычных жителей, населивших страну после ее вхождения в состав СССР. Наряду с введением государственного языка власти этих стран в непубличной форме реанимировали этнополитические ограничители (по национальным признакам), применявшиеся в Италии, Германии в 1920–1930-х годах, в СССР – в течение всего периода его существования.

К чести власти Казахстана (президент республики Н.А. Назарбаев) надо заметить, что принципом своей этнополитики она объявила полиэтнизм и приверженность к евразийству. В этой стране в настоящее время проживают около 18 млн человек, 53% – казахи). Конечно, численность национальных меньшинств (47%), соотношение численности титульной нации и общей численности некоренных этносов повлияла на характер и динамику этнополитического процесса. Происходила фрагментация ответственности власти за межэтнические столкновения, зачинщиками которых были некоренные этносы. Политический эгоизм титульной нации предопределил особенности этих столкновений: их остроту, неадекватную реакцию на замечания, причем когнитивный диссонанс испытывали обе стороны.

Но этнополитическая ситуация в Казахстане, сложившаяся в ходе реализации программы на принципах полиэтнизма, была несколько иной, чем в Беларуси. Была сформирована модель этнополитики, которую Н. Мустафаев называет «казахстанским вариантом политики этнического многообразия». «Казахстанская модель национальной политики обусловлена полиэтническим составом населения. В мировой практике полиэтническими считаются государства, имеющие более 5% иноэтничного населения». Далее Н. Мустафаев констатирует: «РЕСУРСЫ: Казахи. 1. Государственность Республики Казахстан, статус титульной нации. 2. Властный ресурс. Широкая представленность во всех ветвях власти и силовых структурах. Русские. 1. Геополитический вес России...» [Мустафаев 2003].

Таким образом, казахи являются обладателями властного ресурса, что называется, по праву. Титульной нации, если только она является субъектом этнополитического процесса, трудно сохранить статус-кво (социальное неравенство), поскольку в этом случае игнорируется принцип справедливости.

Как и в других азиатских постсоветских республиках, в Казахстане ограничение возможности для представителей других народов войти во властные структуры имеет слабую мотивацию – «почвенничество». Казахская модель этнополитики – директивная, этносы, живущие в республике издавна, не могут привыкнуть к местному шовинизму.

«Больше всего межэтнических конфликтов в Центральной Азии за последние годы имело место в экономически наиболее успешном государстве региона – Казахстане, который, как и Россия, испытывает сильное демографическое воздействие иноэтнических по составу миграционных потоков» [Шустов 2008]. Кажущееся благополучие «некоренных» владельцев кафе и дорогих автомашин, «ногой открывающих двери высоких кабинетов» (но хозяева кабинетов – титульные!), задевает национальные чувства представителей титульной нации, как показали межэтнические конфликты 2006–2007 гг. в Казахстане (столкновения между казахами и уйгурами – потомками тех, кто не переселился в Восточный Туркестан).

Смысл противоречий между казахами и уйгурами свелся к следующему: «Государство ваше, а земля наша» [Шустов 2008]. Во всех 12 межэтнических конфликтах, о которых сообщалось в казахстанских СМИ, зачинщиками были люди не казахской национальности.

Статусные преференции в европейском правосознании сталкивались с азиатскими традициями гостеприимства. Сложившаяся ситуация не устраивала обе стороны.

«В целом присутствие в Казахстане “восточных” этнических общностей имеет тенденцию к превращению в мощный конфликтотенный фактор» [Шустов 2008].

Более того, неоднородность общества тревожит местных социологов. Р. Жангазы вполне откровенен: «В то же время в долгосрочной перспективе сохраняются фундаментальные этнополитические риски, определяющиеся, прежде всего, неоднородностью демографического состава населения РК» [Жангазы 2012].

Следует отметить, что для минимизации этнополитических рисков некоторые местные социологи и политики нашли «рецепты»:

- а) наращивание властных ресурсов титульной нации,
- б) формирование миграционного поведения среди некоренных жителей – бывших граждан СССР.

Необходимо отметить, что на стадии становления государственности в качестве ориентиров необходимы европейские институты. Открытие в Астане Евразийского университета – шаг в этом направлении.

В соседнем Киргизстане (около 5,8 млн человек, 76% – киргизы) также начались демократические преобразования. Анализируя этнополитику первых годов независимости Киргизской Республики, Ж. Жоробеков отмечает: «Так, о первых шагах президента страны А.А. Акаева: официальные и неформального характера мероприятия и действия реально содействовали достижению общенационального согласия в межэтнических взаимоотношениях в нашем полиэтническом государстве и социально расслоенном обществе» [Жоробеков 1998].

В дальнейшем власти Киргизстана в рамках евразийства находили основополагающие и паллиативные этнополитические решения: придание русскому языку статуса государственного, разрешение телевещания на узбекском языке для узбекской диаспоры г. Оша, назначение на должности министров представителей национальных меньшинств (корейцев, украинцев) и т.д. снимали напряжение в обществе.

Тем не менее в республике не удалось избежать резонансных межэтнических конфликтов. Известно, что в период политического кризиса возникают события, которые могут дестабилизировать ситуацию. Поэтому столкновение узбеков и киргизов летом 2010 г. было не случайным. «В прошлые месяцы И. Каримов инициировал борьбу с олигархами Узбекистана. В результате этого множество узбекских бизнесменов вывозили миллионы долларов наличными на юг Киргизстана. Все это создавало условия к появлению своеобразной политической инициативы у оппозиционно настроенных узбеков»¹.

Узбекские власти, вопреки ожиданиям, не встали на защиту свои соотечественников.

В Узбекистане государственный язык – узбекский, ведется политика отказа от билингвизма (некоренное население составляет 12 млн человек – 40% общей численности населения).

Как уже отмечалось, несколько иная картина складывается в ареале евразийства и азийства. Несмотря на декларирование

---

¹ Киргизия 2010 г. Ош – войска в городе. Доступ: <http://tubethe.com/watch/Bx-IGL-0HUK/kirgiziya20100613-g-osh-vojjjska-v-gorode.html> (Проверено 24.08.2015.)

приоритетности демократического развития общества, национальные меньшинства отлучены от участия в решении этнополитических проблем.

В лоне азийства осуществляется альтернативная модель этнополитики в Узбекистане. Как отмечают А.С. Уманский и А.В. Арапов, «азийская уникальность предполагает ограниченную способность любой европейской страны, подчас даже евразийской России, адекватно воспринимать сущность происходящего в азийской стране. На самом деле – скрытое, неявное переплетение духовных взаимосвязей, интересов, кланов в любой стране Азии (от Турции до Японии) многократно вводило в заблуждение, ставило в тупик крупнейших мыслителей и политиков Запада» [Уманский, Арапов 1994]. Пока этнополитические решения этой страны сложны для восприятия на Западе. В республике отношение к этому неоднозначное. «Управление республики делало все возможное, чтобы облегчить социальное положение людей, предоставив социальную защиту всему народу, не разделяя его на “своих” и “чужих”. Все же вопрос государственной и публичной самоидентификации по-разному стоял перед представителями разных этнических меньшинств.

Актуальной представлялась неувязка, связанная с новым статусом и перспективами развития этнического меньшинства, т.е. решением вопроса о продолжении собственного функционирования на местности проживания либо сосредоточении сил на возвращении на историческую родину» [Иноякова 2014]. Примечательно, что допускается вариант возвращения на историческую родину, т.е. фактически легализуется гостевой статус национальных меньшинств, несколько веков проживающих в Узбекистане (турки-месхетинцы помнят об их насильственном «возвращении», т.е. изгнании из Узбекской республики накануне распада СССР).

В соседнем Таджикистане (свыше 8 млн человек, 81% – таджики), где в декабре 1990 г. прокатилась волна насилия по отношению к русскоязычному населению, конфликт во властной элите (при явной «национализации» государственных структур) сопровождался оттоком русскоязычного населения. Миграция не ослабевает.

С. Олимова в 1996 г. по результатам своего исследования сделала вывод о возможности «осуществления по крайней мере трех сценариев будущего:

1) оптимистического, при котором будет достигнут консенсус между субэтнотами таджиков при том, что будут соблюдаться права национальных <...>;

2) наиболее вероятного, при котором в Таджикистане сформируется находящаяся в динамическом равновесии “пирамида” из достаточно замкнуто существующих этносов и субэтносов;

3) пессимистического, при котором... будут наблюдаться напряжения между этносами и субэтнотами» [Олимова 1997].

Формирование гибридно-пирамидальной модели полиэтнического общества происходит в традициях азийства и становится неприемлемым для некоторых этносов из-за цивилизационных противоречий. Ангажированная этнополитика власти мотивирует миграцию этнонаселения.

Используя современную терминологию, можно сказать, что в Таджикистане складывается центральноазиатский тип социокультурного развития.

Оберегая статус титульной нации, власти РТ приняли ряд мер по снятию межэтнической напряженности. Принят закон о двойном гражданстве. Открыты этнические школы, Таджикославянский университет. Складывается мозаичная картина этнополитического процесса в этой центральноазиатской стране. Оказывает свое влияние и социокультурный фактор. Но концепция доминирования титульной нации во всех сферах общественной жизни является одной из причин миграции этнонаселения. В Таджикистане государственный язык – таджикский. Однако с подписанием Таджикистаном договора с ОБСЕ власть обязуется гарантировать всем гражданам их права и свободы.

Пример взаимодействия этой центральноазиатской страны с Европейским союзом свидетельствует о глобализации цивилизационных процессов, что вселяет в людей надежду на диалог с властью.

Как утверждает З.М. Мадамиджанова, «умеренное и толерантное исламское мышление, уважающее светские принципы конституций, представляют отличительную черту стран Центральной Азии». Далее она поясняет: «Во-первых, идет процесс переосмысления формы национальной идентичности». Этницизм со становлением власти в республике принимает форму охранительного национализма. Таджикская культура, сохраняя свою близость с иранской, остается в лоне азийства [Мадамиджанова 2012].

Трудно проследить позитивный тренд в этнополитике Туркменистана (5,6 млн человек на момент распада СССР; с момента

обретения независимости его элита проводила политику туркменизации страны). Как отмечает Ш.Х. Кадыров, «на стадии развития племени как политической организации (союзы племен), когда в состав племени входят инородные группы, возникает деление племен на “своих” и чужих» [Кадыров 2004]. Почти 10% граждан (национальные меньшинства) с введением государственного языка (туркменский) и увольнением с работы были вынуждены покинуть страну. Нефтедоллары покрыли экономический кризис, в республике заговорили о золотом веке, но, выходит, не для всех этносов, проживающих в республике. «В силу исторических и геополитических условий Туркмения находится на стыке трех цивилизаций – тюркско-исламской, иранско-исламской, славяно-православной. Это обуславливает одновременно геополитическую уязвимость страны и ряд преимуществ. Главная проблема в том, что такая цивилизация станет более привлекательной политически и экономически. Туркмения участвует в организации тюркских государств, возглавляемых Турцией, получила немалые турецкие инвестиции. Однако в отношениях с тюркскими странами она имеет ряд серьезных проблем. Радикальный секуляризм и проатлантизм Турции неодобрительно рассматривается, соответственно, и в Тегеране, и в Москве, что чревато натянутостью отношений с этими державами. И наконец, политическое и экономическое ослабление России обуславливает поиск других стратегических партнеров [например, Иран], хотя и в Туркмении предпочитают более секуляристскую модель развития» [Галиев 2010].

В общественном сознании историческая память приходит на помощь национальной гордости. Государство туркмен достигало расцвета и могущества. Иранское государство, монголы (Чингисхан), а в XIX в. – Российская империя поставили под вопрос суверенитет государства. До сих пор у части туркмен они составляют образы их врагов [Галиев 2010]. В первые годы независимости отток русскоязычного населения был значительным. В Чеботарева в 1996 г. отмечала: «Оценивая перспективы развития Туркменистана на ближайшие десятилетия, можно прогнозировать усиление межплеменных противоречий, уходящих корнями в далекое Средневековье. Помимо исторических традиций соперничества племенных вождей, на сознание современных туркмен негативное воздействие оказывает неравноправие в распределении национальных богатств: газовые месторождения находятся на территории одних племен, а фантастические дивиденды от продажи этого вида сырья получают представители других» [Чеботарева 1997].

Явственна трансформация этнополитики власти в тренде азийства. Внутриполитическая ситуация, связанная с разгоревшимися конфликтами в Азербайджане (около 9,8 млн человек, 91% – азербайджанцы), а также в Грузии (3,8 млн человек, 83% – грузины), Молдове (свыше 2,9 млн человек, 75% – молдаване), подталкивала власти к более явному проявлению национально выраженного тренда этнополитики.

В такой ситуации власти пришлось разрабатывать, что называется, эксклюзивную этнополитику. В Грузии и Молдове с их европейской ориентацией во внешней политике она была по сути миниимперской, отвергающей федеративное устройство государства. Ошибки этнополитики власти этих стран привели к тому, что Абхазия, Южная Осетия и Приднестровье стали субъектами геополитики. Еще в советское время одна закавказская республика – Армения (около 4 млн человек, 91% – армяне), выражала несогласие с этнополитикой другой – Азербайджана, настаивая на выходе Нагорного Карабаха из состава Азербайджана. Опасения нарастания динамики этнополитического конфликта оправдались: с распадом СССР он стал межгосударственным.

В свое время союзная власть оказалась неспособной не только предотвратить, но и разрешать острые этнополитические проблемы, что приближало час ее агонии.

Как и следовало ожидать, с обретением независимости в Азербайджане произошли заметные трансформации в этнополитической сфере, на что обращают внимание Л.Г. Мелик-Шахназарян, А.Х. Хачатрян и др. И. Нифталиев утверждает: «Чтобы вернуть подобие советской “видимости всеобщего благоденствия” в этнонациональной сфере, власти режима решили по-ленински сделать “два шага назад”».

Они инициировали изменение названия тюркского языка опять на азербайджанский» [Нифталиев 2014]. Трайбализм, а также азербайджанизация полиэтнического общества усугубили нагорно-карабахскую проблему, проблему идентификации талышей и т.д. Титульные азиатские народы, а также азербайджанцы – разделенные народы, и возникновение этнополитических коллизий гипотетически не исключено.

В Грузии с приходом к власти З. Гамсахурдия обострился грузино-абхазский конфликт. Э.А. Шеварднадзе удалось несколько снизить интенсивность этих конфликтов. По мнению некоторых исследователей, Михаил Саакашвили был намерен решить эту

проблему, усилить борьбу с салафитами. Так, был создан своего рода центр борьбы.

Успокоив мусульманскую часть населения, новая власть повела наступательную этнополитику. Ей удалось вернуть Аджарию в поле грузинской юрисдикции, но с Абхазией и Южной Осетией наладить диалог не удавалось. Геополитические интересы России вступили в противоречие со стремлением новой грузинской власти к НАТО. И тогда амбициозный президент Грузии сменил демократический способ решения этнополитической проблемы на традиционный. Это заставило Россию принудить Грузию к миру (события августа 2008 г.). Итогом имперской политики Грузии стал выход Абхазии и Южной Осетии из ее состава (Россия оказала им поддержку в рамках международного права). Ряд экспертов считают (например, И. Мигранян и др.), что, находясь в обязывающих отношениях с западным сообществом и декларируя демократические принципы во внутренней политике, Грузия не может игнорировать функционирование институций, связанных с формированием этнополитики.

Не менее остро, чем в других многонациональных государствах постсоветского пространства, проблема национальной идентичности приходит в столкновение с проблемой этнополитики в Республике Молдова. Так, А.В. Дикун пишет: «Раскрывается специфика этнополитической ситуации в республике, которая проявлялась в наличии двух противоположных общественно-политических тенденций внутри “доминирующего” молдавского этноса: “молдавеністи”, которые выступают за возрождение национальной культуры и традиций, и “румуністи”, которые ратуют за присоединение Молдовы к Румынии» [Дикун 2005]. По мнению многих экспертов, Молдова допустила ряд ошибок в этнополитических проектах, не оценила внешнеполитическую ситуацию и фактически потеряла контроль над Приднестровьем. Но в последние годы этнополитическая ситуация в республике несколько стабилизировалась. Процессу определенной нормализации межэтнических отношений способствовало создание специальных государственных институтов: Департамента национальных отношений и функционирования языков (ныне – Департамент межэтнических отношений), Института межэтнических исследований при Академии наук Молдовы, а также принятие таких важных документов, как законы «О функционировании языков на территории МССР», «О правах лиц, принадлежащих к национальным меньшинствам, и правовом статусе их организаций», и др.

Нынешняя власть Молдовы гарантирует соблюдение прав национальных меньшинств (гагаузы и др.).

Заметные трансформации этнополитики произошли в малых странах Балтии. Здесь этнополитика власти приобретает неустойчивые формы. Более четко определен правовой статус национального меньшинства (вид на жительство, натурализация, обретение гражданства и т.п.). Они могут заниматься политической деятельностью, в парламентах и правительственных структурах этих республик представители нацменьшинств занимают заметные позиции. Однако здесь происходит вытеснение русского языка, как и в других республиках – нейтральных и проевропейской ориентации. Возвращение этих стран к историческим истокам усугубляет нормализацию европейских стандартов в статусных параметрах национальных меньшинств. Введение государственного языка, натурализация лиц некоренной национальности и усилия по вступлению в новый союз мотивировались необходимостью защиты суверенитета национального государства. Вот что пишет П.В. Гордиенко: «Малые страны Прибалтийского региона, <...> отказавшись от прежней (советской) системы ценностей, поспешили интегрироваться в другое крупное сообщество (Европейский союз), заявив о предпочтительности для себя его ценностных категорий» [Гордиенко 2007: 5]. Если рассмотреть становление этнополитики малых стран Балтии, то отчетливо видно стремление власти придерживаться принципов гуманизма, законности и соблюдения прав человека в увязке с национальной безопасностью. Отрицательное отношение к пребыванию страны в составе СССР переносится на русскоязычное население, что вызывает у него недовольство. И все же этнополитическая ситуация в странах Балтии при очевидном позитивном тренде неоднозначна. Национальные меньшинства участвуют в политической жизни. Но немало жалоб в связи с натурализацией, которые рассматриваются национальными и европейскими инстанциями. Так, автор теории культурно-исторических типов (вторая половина XIX в.) Н.Я. Данилевский подчеркивает: «Европа есть романо-германская цивилизация» [Данилевский 1991: 74]. Возвращение к европейским истокам развития стран Балтии новые власти рассматривали на первых порах как разрыв исторических связей с Россией, с советской этнополитической системой, генетически связанной с российской цивилизацией. А на фоне глобализации, межцивилизационных противоречий и усложнения стратегии развития на пороге XXI в. наступившая «эра метаморфоз власти» [Гоффлер 2004]

предопределила трансформацию этнополитики. Влияние украинского кризиса на коррекцию этнополитики стран Балтии очевидно. Как это скажется на политических позициях русских в республике, сохранивших связи с исторической родиной, покажет будущее.

А.В. Сашинская утверждает: «Украина является полиэтническим государством, в котором должны органично сочетаться интересы всех национальных общностей, которые ее населяют. Межэтническое многообразие дополняется языковым, культурным и религиозно-конфессиональным. При этом национальные и языковые группы не всегда совпадают между собой». Далее она пишет: «...законодательство Украины в сфере защиты прав национальностей Украины основывается на общепризнанных принципах и нормах международного права и включает: Конституцию Украины, Закон Украины “О национальных меньшинствах Украины”, Закон Украины “О ратификации Рамочной Конвенции Совета Европы о защите национальных меньшинств”, Закон Украины “О ратификации Европейской хартии региональных языков и языков меньшинств”» [Сашинская 2009]. В Украине геополитическая парадигма спровоцировала в конце 2013 г. искусственный этнополитический конфликт. Казалось, в полиэтническом обществе было достигнуто согласие. Однако Н.П. Медведев считает, что «консенсус – не единогласие, ибо допускает нейтральные позиции... Предложенное понимание консенсуса применимо не только в межгосударственных отношениях, оно вполне доступно и при решении внутриполитических конфликтов» [Медведев 2014] и полагает, что возможности для достижения этнополитического консенсуса на юго-востоке Украины сохраняются.

Таким образом, в этнополитике власти стран постсоветского пространства наметился определенный прогресс в контексте модернизации общества.

Вопреки существовавшим ожиданиям, что национальные меньшинства новых государств обретут законные права и свободы в полном объеме, со смещением политического монизма в сторону политического этницизма их реальный статус понизился в связи с: а) сменой гражданства СССР (великая держава) на гражданство бывших (небольших) союзных республик; б) понижением статуса русского языка; в) ослаблением контроля над чиновниками, создающими для «некоренных» этносов все новые ограничители (Н. Мустафаев).

Из-за новых «правил жизни» почти все республики не избежали межэтнических конфликтов, особенно в связи с тем, что

миллионы титульных жителей в связи в экономической ситуацией в этих республиках находятся в многолетней трудовой миграции (в советской «метрополии»), подрывая экономику своей страны и стабильное будущее. Следовательно, экономика также является одним из факторов межэтнического конфликта. После установления политической независимости в большинстве республик не создана нормально функционирующая социально ориентированная экономическая система. Это стало фактором, сдерживающим реанимацию охранительного национализма на постсоветском пространстве. Этнополитический процесс не является изолированным. Украинский кризис вносит заметные коррективы в этнополитику бывших республик СССР.

Поскольку ангажированная этнополитика в период ее становления столкнулась с проблемами нормализации межэтнических отношений, являющейся приоритетом для института власти, то рассматривались и альтернативные модели.

В целом трудности со сменой советской идентичности на новую страновую идентичность для национальных меньшинств усугубляют их положение. Добиться согласия в обществе – одна из главных задач политического менеджмента. Реанимация советской этнополитики (национальная идентификация, система ограничений), наделение статусными преференциями титульной нации осложняют задачи этнополитики власти стран, вступивших в современное политико-правовое пространство.

Следовательно, этнополитический менеджмент для людей титульной нации, обретших власть, во-первых, оказался серьезным испытанием на зрелость: титульная нация не должна решать проблемы за счет других наций. Во-вторых, поскольку мировое сообщество оказало молодым государствам содействие в их становлении, власть должна проводить мотивированную этнополитику, не должна ограничиваться запретами; ограничительные меры не должны нанести ущерб развитию личности.

Снижение напряженности в межэтнических отношениях (задача власти) возможно путем внесения корректировок в текущую этнополитику власти, включая: а) контроль за недопущением доминирования интересов титульной нации над общими интересами, преодоление статусного дисбаланса в полиэтническом обществе; б) законодательство в области национальных отношений, соответствующее современным требованиям; в) компенсационную основу ухудшения статусных позиций; г) правовую защиту национальных меньшинств; д) достижение статусного баланса в полиэт-

ническом обществе как определяющего фактора в нормализации межэтнических отношений.

Трансформация этнополитики власти стран постсоветского пространства (от ангажированности до приближения к европейским моделям) свидетельствует об эволюции власти и этнической политики, показывает важные подвижки в утверждении принципов гуманизма в противостоянии страновой идентичности и политического эгоизма титульной нации в полиэтническом обществе.

Литература

1. Галиев А.А. 2010. Туркменистан: мифологизация истории и политика. Доступ: <http://articlekz.com/article/7685> (Проверено 24.08.2015.)
2. Гордиенко П.В. 2007. Этнополитика на постсоветском пространстве: на примере Латвии: Автореф. дис. ... к. полит. н. – М.: РАГС. – 22 с.
3. Данилевский Н.Я. 1991. Россия и Европа. – М.: Книга. – 576 с.
4. Дикун А.В. 2005. Динамика общественно-политического развития Республики Молдова в контексте этнополитического конфликта: автореф. дис. ... к. полит. н. Одесса. Доступ: http://www.dissland.com/catalog_ukr/dinamika_obshchestvennopoliticheskogo_razvitiya_respubliki_moldova_v_kontekste_yetnopoliticheskogo_konflikta_avtoreferat.html (Проверено 24.08.2015.)
5. Жангазы Р. 2012. О некоторых тенденциях развития этнополитической ситуации в Республике Казахстан. Доступ: <http://yvision.kz/post/226812> (Проверено 24.08.2015.)
6. Жоробеков Ж. 1998. Этнодемографические процессы и вопросы этнополитики Киргизской Республики: дис. ... д. полит. н.: – Алматы. – 293 с.
7. Иноякова Д.М. 2014. Становление и развитие этнополитики в современном Узбекистане. – Исторические науки. № 1. Доступ: <http://cyberleninka.ru/article/n/stanovlenie-i-razvitie-etnopolitiki-v-sovremennom-uzbekistane> (Проверено 24.08.2015.)
8. Кадыров Ш.Х. 2004. Становление и эволюция этнополитической организации у туркмен: Автореф. дис. ... д. и. н. – М.: ИА РАН. – 48 с. Доступ: <http://www.dslib.net/etnografia/stanovlenie-i-jevoljucija-jetnopoliticheskoy-organizacii-u-turkmen.html> (Проверено 24.08.2015.)
9. Мадамиджанова З.М. 2012. Вопросы этнополитики. Таджикистан. Доступ: <http://geopolitica.ru/article/voprosy-etnopolitiki#.VgKDSX0uUdU> (Проверено 24.08.2015.)
10. Макрушич Е.Н. 2008. Этнокультурная политика в отношении национальных меньшинств в Республике Беларусь (1991–1994 гг.). Доступ: http://www.rusnauka.com/1_NIO_2008/Istoria/25438.doc.htm (Проверено 24.08.2015.)
11. Медведев Н.П. 2014. Этнополитический консенсус: к вопросу о конфликте на юго-востоке Украины. – Вопросы национальных и федеративных отношений. № 1. – С. 51–58. Доступ: http://www.souzpolitolog.ru/ru/medvedev_article.php (Проверено 24.08.2015.)

12. Мустафаев Н. 2003. Казахстанский вариант политики этнического многообразия. – Казахстанская модель этнополитики: Ресурсы и ограничители. Доступ: http://www.centrasia.ru/new_A.php?st=1041974340 (Проверено 24.08.2015.)
13. Нифталиев И. 2014. Депортация. Последний азербайджанец покинул Армению в 1991 г. – Каспий. № 115/116/117/118/119. Доступ: <http://1905.az/ru/%D0%B4%D0%B5%D0%BF%D0%BE%D1%80%D1%82%D0%B0%D1%86%D0%B8%D1%8F-%D0%BF%D0%BE%D1%81%D0%BB%D0%B5%D0%B4%D0%BD%D0%B8%D0%B9-%D0%B0%D0%B7%D0%B5%D1%80%D0%B1%D0%B0%D0%B9%D0%B4%D0%B6%D0%B0%D0%BD%D0%B5%D1%86/>(Проверено 24.08.2015.)
14. Олимова С. 1997. Этнополитическая ситуация в Таджикистане и ее влияние на миграционное поведение. Доступ: http://www.ca-c.org/journal/12-1997/st_05_olimova.shtml (Проверено 24.08.2015.)
15. Сашинская А.В. 2009. Этнополитика в Украине и соответствие ее международным стандартам. Донецкий национальный университет экономики и торговли им. М. Туган-Барановского. Доступ: http://www.rusnauka.com/10_NPE_2009/Politologia/44124.doc.htm (Проверено 24.08.2015.)
16. Тоффлер Э. 2004. Метаморфозы власти. Знание, богатство и сила на начало XXI века. – М.: АСТ. – 672 с.
17. Уманский Я.С., Арапов А.В. 1994. Диалоги об этнической политике: Узбекистан и Центральная Азия. – Ташкент: ТГЮИ. Доступ: <http://www.alexarapov.parod.ru/article212.htm> (Проверено 24.08.2015.)
18. Чеботарева В. 1997. Туркменистан сегодня: Этнополитическая ситуация. Доступ: <http://viperson.ru/articles/turkmenistan-segodnya-etnopoliticheskaya-situatsiya> (Проверено 24.08.2015.)
19. Шустов А. 2008. Межэтнические конфликты в Центральной Азии. ШОС и ситуация в Азии. Доступ: <http://www.warandpeace.ru/ru/analysis/view/19870/> (Проверено 24.08.2015.)

«Власть», М., 2015 г., № 10, с. 55–64.

ИСЛАМ В СТРАНАХ ДАЛЬНОГО ЗАРУБЕЖЬЯ

А. Цуркан,

кандидат политических наук

(Центр анализа ближневосточных конфликтов –

Институт США и Канады РАН)

РОССИЙСКАЯ ВОЕННАЯ ОПЕРАЦИЯ В СИРИИ: ПЕРСПЕКТИВЫ РОССИЙСКО- АМЕРИКАНСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА И ВОЗМОЖНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ БОРЬБЫ С ИСЛАМСКИМ РАДИКАЛИЗМОМ

Объективной реальностью сегодняшнего дня стало участие российских Воздушно-космических сил в военной операции против исламистов запрещенной в России террористической группировки ИГИЛ. Практически каждый день Министерство обороны России на своем официальном сайте публикует сведения о десятках боевых вылетов и сотнях пораженных объектов террористов, параллельно отрицая регулярно появляющиеся в западной и арабской прессе факты нанесения авиаударов по позициям умеренных оппозиционных сил Сирии и гражданским объектам. С этой целью Минобороны даже устроило пресс-тур для иностранных журналистов на авиабазу российских ВКС Хмеймим.

Вместе с тем практически до принятия окончательного решения об участии России в качестве самостоятельного актора в этом вооруженном конфликте, которое по времени практически полностью совпало с уже фактическим началом операции, реальных предпосылок, а также деклараций о намерениях вести самостоятельную борьбу с исламским радикализмом в Сирии не прослеживалось. Безусловно, российский политический истеблишмент и экспертное сообщество всегда были серьезно обеспокоены угрозой, которую представляет собой «Исламское государство». Наша страна сталкивается с теми же проблемами, исходящими от ИГИЛ, что и остальные члены мирового сообщества: идеологическая

обработка, вербовка и транспортировка людских ресурсов для участия в боевых действиях на стороне боевиков; прямые террористические угрозы со стороны боевиков высокопоставленным лицам, гражданам и территории Российской Федерации; отложенная перспектива после окончания боевых действий в Сирии, Ираке, Йемене и т.п. возвращения российских боевиков; и т.д. Однако в действующую с августа 2014 г. международную антиигиловскую коалицию из 65 стран, включая арабские государства, Москва не вступала, подчеркивая, среди прочего, факт отсутствия у данной коалиции согласования со стороны Совета Безопасности ООН. Одновременно с этим в самый разгар санкционной блокады России со стороны США и других западных участников коалиции и сама возможность участия в ней Москвы была крайне маловероятной. Тем не менее, как уже говорилось выше, отсутствовало и стремление.

Напротив, начиная с лета 2015 г., российским предложением по борьбе с ИГИЛ, до последнего времени тиражируемым по дипломатическим каналам мировому сообществу, была идея президента России В.В. Путина, выдвинутая на встрече с главой внешнеполитического ведомства официального Дамаска, поддержка которого, в свою очередь, отличает позицию Москвы от позиции, например, коалиции 65 стран, включая США. Суть самого предложения сводилась к следующему: создание широкого антитеррористического фронта на согласованной международно-правовой основе с привлечением всех уже воюющих против ИГИЛ сторон. Таким образом, была озвучена попытка усадить за стол переговоров «непримиримых» врагов – Б. Асада и участников антиигиловской коалиции, придавая первому легитимный статус в рамках антитеррористического трека вопреки американской концепции его неприятия. И ряду отечественных экспертов-исламоведов, кстати сказать, импонирует такая российская позиция по поддержке режима Б. Асада, так как альтернативой ему выводится перспектива исламизации Сирии (в частности, подобный взгляд прослеживается в работах А.В. Малашенко¹). Тем не менее никакого военного участия России в рамках данного сценария не предполагалось, за исключением разве что вооружения Сирийской армии в соответствии с текущими межгосударственными контрактами. Наоборот, В.В. Путин, а далее С.В. Лавров говорили о неце-

---

¹ Малашенко А.В. От ИГИЛа до Донбасса // НГ, 6 марта 2015. URL: http://www.ng.ru/ideas/2015-03-06/5_crisis.html

лесообразности ввязывания новых участников в войну, а России, скорее, отводилась почетная, но посредническая роль.

Получается, что реальный момент смены российской внешне-политической парадигмы в этом вопросе для широкой публики остался в тени, равно как и какие-либо объяснения побудительно-го механизма принятия решений.

Фактологически сообщения о наращивании российского военного присутствия в районе базы материального обеспечения ВМФ России в Тартусе и о развернутой группировке российских истребителей-бомбардировщиков на аэродроме в Латакии стали появляться в СМИ с середины сентября 2015 г. А после встречи В. Путина и Б. Обамы на полях сессии Генеральной Ассамблеи ООН 29 сентября 2015 г. президент России вынес на рассмотрение Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации постановление об использовании Вооруженных сил России за пределами ее территории, которое 30 сентября было принято единогласно. С этой же даты ВКС России активно проводят бомбардировки сирийской территории. И, согласно информации официального сайта Министерства обороны, по состоянию на 15 января т.г. уже выполнено 5662 боевых вылета, в том числе 145 вылетов самолетов стратегической ракетоносной и дальней бомбардировочной авиации, а также произведены пуски 97 крылатых ракет, что в совокупном итоге совместно с наземной операцией ВС Сирии привело к переходу под контроль последних 217 населенных пунктов (1040,7 кв. км территории)¹. Для сравнения: международная антиигиловская коалиция, начиная с августа 2014 г., нанесла по позициям ИГИЛ на территории Сирии и Ирака по состоянию на 19 января т.г. 9782 авиаудара, уничтожив по состоянию на 10 января т.г. в общей сложности 20 352 цели².

С одной стороны, возникает вопрос: откуда такое рвение российской стороны, если слабо прослеживается мотивировка? С другой стороны, сама эта военная операция непосредственно с момента ее начала преподносится в российских СМИ и риторике официальных лиц в качестве задачи первостепенной важности. Более того, начало российских авиаударов по сирийской террито-

---

¹ В Минобороны России подвели итоги деятельности ВКС РФ в Сирийской Арабской Республике с 30 сентября 2015 г. URL: <http://syria.mil.ru/news/more.htm?id=12073814@egNews> (Дата обращения: 18.01.2016.)

² URL: http://www.defense.gov/News/Special-Reports/0814_Inherent-Resolve (Дата обращения: 20.01.2016.)

рии, неподконтрольной правительственным войскам, точно совпало с затишьем в украинском конфликте – началом отвода вооружений на Донбассе и запуском, с определенными оговорками, политического процесса. Телевизионная картинка боев на Украине сменилась редкими упоминаниями о возврате населения Донецка и Луганска к мирной жизни. В связи с чем, можно утверждать, что украинский вопрос практически полностью потерял свое доминирующее значение в информационном эфире, отчасти уступив его сирийской проблематике. Подобный сценарий показывает свою относительную эффективность для внутривнутриполитического (российского) потребления.

В то же время при обсуждении мотивировки и побудительного фактора при принятии решения о начале авиаударов у официальной Москвы принято ссылаться на просьбу Б. Асада об оказании военной помощи Сирии со стороны России, что, как подчеркивается, придает военной операции ВКС России легитимный характер, в отличие от операции коалиции 65 стран, в части бомбардировок сирийской территории. Однако информационное сообщение о данном запросе сирийской стороны датируется 30 сентября 2015 г., тогда как консультации В. Путина и Б. Обамы прошли днем ранее. Конечно, доподлинно неизвестно в какой форме была достигнута договоренность об участии Москвы в сирийском конфликте, но, очевидно, этот вопрос лидерами двух стран обсуждался, исходя из динамики предшествующих консультаций между российской и американской сторонами.

Так, интенсификация российско-американских контактов по сирийской проблематике прослеживается с мая 2015 г. Толчком стал визит государственного секретаря США Дж. Керри в Сочи, где его принял президент России В.В. Путин. 26 июня 2015 г. состоялся телефонный разговор В.В. Путина и Б. Обамы, в ходе которого обсуждалась ситуация в Сирии и стратегия борьбы с «Исламским государством», а также было дано поручение по организации российско-американской встречи на министерском уровне, которая, в свою очередь, состоялась 30 июня. После этого С.В. Лавров и Дж. Керри провели серию подобных встреч и телефонных разговоров, где российская сторона, если руководствоваться информацией официального сайта МИД России, продвигала президентскую инициативу по формированию единого фронта для борьбы с ИГИЛ. Но в итоге Россия не встраивается в систему уже существующей коалиции под руководством США, а выступает как самостоятельный игрок, создавая, кроме того, отдельную

информационную структуру при участии официальной Сирии, Ирана и отчасти Ирака – Информационный центр для координации борьбы с «Исламским государством» со штаб-квартирой в Багдаде.

Таким образом, представляется, что в вопросе начала российской военной операции в Сирии далеко не последнюю роль играли ожидания Москвы в части возобновления российско-американского сотрудничества, прерванного разницей подходов двух стран к украинскому кризису, вылившихся в разноплановую поддержку противоборствующих сторон. После присоединения Крыма к России в начале апреля 2014 г. американская сторона, ссылаясь на продолжающиеся нарушения российской стороной украинского суверенитета и территориальной целостности, объявила о временном прекращении работы Российско-американской двусторонней президентской комиссии, в рамках которой с 2009 г. решался широкий спектр вопросов общей повестки дня, выводя отношения России и США на уровень практически полной институализации.

Сам факт приостановки работы комиссии по инициативе американской стороны, несмотря на явные на тот момент противоречия между Россией и США, вызвал неоднозначную реакцию в российском публичном пространстве. Складывалось ощущение неготовности страны к такому повороту событий. Все высказывания политического истеблишмента сводились, по сути дела, к формуле «игры во-банк» и неверию, что ситуация приведет к реальному сворачиванию диалога. Тем не менее справедливости ради стоит отметить, что, несмотря на приостановку институциональных механизмов сотрудничества, диалог между двумя странами не прекращался, только ведется он в настоящее время либо в формате международных связей (квартеты, тройки, контактные группы и т.д.), либо в форме одновременных контактов. И в части одновременных контактов доминирующую роль в консультациях Москвы и Вашингтона с апреля 2014 г. – по май 2015 г. играло обсуждение ситуации на Украине.

Появление тематики борьбы с ИГИЛ в обсуждениях России и США способствовало расширению текущей повестки дня российско-американского диалога, серьезно потеснив украинский вопрос, хотя и не сняв его окончательно. В частности, интенсивный обмен мнениями между Москвой и Вашингтоном по Сирии не помешал продлению и расширению американских санкций против России в августе-сентябре и ноябре-декабре 2015 г., на что Москва

регулярно обещает принять ответные меры. Следовательно, напрашивается вывод, что разыгрывание сирийской карты с целью снижения накала напряженности по Украине является стратегией, направленной не только на внутреннюю, но и на внешнюю политику России.

Ставка на Сирию, похоже, сделана исходя из двух принципиальных моментов.

Во-первых, Россия участвует в международных процессах по Сирии, так как самостоятельно заняла отличную от Вашингтона позицию по поддержке режима Б. Асада. Москва поддерживает официальный Дамаск, что автоматически делает ее если не стороной конфликта, то, по крайней мере, выводит на одну ступень с представителями мирового сообщества, включая США, поддерживающими оппозицию. Таким образом, проявляется явное соперничество двух внешнеполитических линий, по которому с целью избежать эскалации просто необходим прямой диалог.

Во-вторых, очевидно, что во внимание принимается глобальность проблемы, например исламского радикализма. Подводит к диалогу двух стран в данном случае общность угрозы, с которой столкнулись Москва и Вашингтон в связи с активизацией «Исламского государства», включая поставленный на поток процесс вербовки и направления людских ресурсов на борьбу в рядах ИГИЛ и собственно террористическую деятельность, а также соответствующий призыв данной организации в том числе и против граждан России и США. В этом контексте борьба с «Исламским государством» усилиями Москвы полностью согласуется с интересами национальной безопасности Вашингтона, принимая во внимание, что и негативные последствия за свои действия понесет исключительно российская сторона.

Однако Россия, без сомнения, ожидала со стороны США возобновления партнерских отношений на волне процесса сирийского урегулирования. И действительно, определенный достаточно интенсивный диалог с американцами по Сирии ведется. Например, как было заявлено, в самом начале российской военной операции была достигнута договоренность о прямом канале связи по координации действий при нанесении авиаударов как по линии внешнеполитических ведомств, так и военных. Но, исходя из риторики С.В. Лаврова, становится понятным, что никакой реальной коор-

динации между российскими военными и коалиционными силами не происходит¹.

После инцидентов с опасным сближением военных самолетов двух стран в небе над Сирией 6 и 10 октября 2015 г. Москвой снова была предпринята попытка углубления сотрудничества с Вашингтоном. Итогом стала подготовка и подписание 20 октября 2015 г. между Министерством обороны России и Пентагоном Меморандума о предотвращении инцидентов и обеспечении полетов авиации в ходе операций в Сирии. Однако документ носил исключительно военно-технический характер и не предполагал реального возобновления кооперации двух стран, что подтверждается отказом Вашингтона в ходе его подготовки принять делегацию военных экспертов во главе с премьер-министром России Д.А. Медведевым, а также заявлениями американской стороны о невозможности направить собственную подобную делегацию в Москву. В то же время после случая со сбитым Турцией 24 ноября 2015 г. российским бомбардировщиком Су-24 российский МИД ретранслировал сообщения о том, что фактом подписания вышеуказанного меморандума США брали на себя ответственность за всю антиигиловскую коалицию². Тогда как официальный Вашингтон, напротив, подчеркивал двусторонний характер этой бумаги и призывал остальных участников коалиции подписать соответствующие документы с Российской Федерацией³.

Представляется, что препятствием на пути реальной координации действий между Россией и США является климат тотального недоверия, установившийся в Вашингтоне, по отношению к нашей стране. Российская ставка на поддержание действующего сирийского режима как гаранта безопасности и единственную альтернативу полной исламизации Сирии полностью не согласуется

---

¹ Выступление и ответы на вопросы СМИ министра иностранных дел России С.В. Лаврова на совместной пресс-конференции с государственным секретарем США Дж. Керри и специальным посланником Генерального секретаря ООН по Сирии С. де Мистурой по итогам заседания Контактной группы поддержки Сирии. Вена, 30 октября 2015 г. URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/1907050

² О телефонном разговоре министра иностранных дел России С.В. Лаврова с госсекретарем США Дж. Керри, 25 ноября 2015 г. URL: http://www.mid.ru/maps/us/-/asset_publisher/unVXBbj4Z6e8/content/id/1949109

³ Mark C. Toner (Deputy Spokesperson). Daily Press Briefing, Washington, DC, November 24, 2015. URL: <http://www.state.gov/r/pa/prs/dpb/2015/11/249928.htm#TURKEY>

с позицией антиигиловской коалиции, что в военном отношении выливается в нежелание делиться данными о местах дислокации поддерживаемых сил. Как уже упоминалось выше, согласно информации американской прессы, Россия, помимо прочего, наносит авиаудары по позициям умеренных сил Сирии¹. Более того, 22 октября постпред США в ООН Саманта Пауэр заявила, что российские авиаудары в Сирии представляют собой вмешательство, которое лишь способствует усилению «Исламского государства»². Но даже если не принимать в расчет подобные популистские заявления официальных лиц США и игнорировать факты бомбардировок оппозиции или вступать в идеологический спор, какие вооруженные отряды можно считать «умеренными», стратегией и тактикой ВКС России является поддержка и координация действий с Сирийской армией. Результатом становится усиление позиций официального Дамаска в Сирии, переход под его контроль ранее упущенных территорий и придание режиму Б. Асада большей жизнеспособности, что противоречит нацеленности как минимум других 65 стран на смену власти в Сирии.

Хотя какого-то рода консультации между Россией и США тем не менее сохраняются. По состоянию на 14 января т.г. с момента принятия решения о начале российских бомбардировок сирийской территории между С.В. Лавровым и Дж. Керри состоялось порядка 17 телефонных разговоров и ряд встреч, в ходе которых, по данным сайта МИД России, происходил обмен мнениями о ситуации в Сирии. Кроме того, перспективы российских дипломатических усилий по Сирии сохраняются в рамках запущенного 30 октября 2015 г. венского процесса по урегулированию ситуации в этой стране.

В формате встреч международной «Группы поддержки Сирии», в составе делегаций Китая, Египта, Европейского союза, Франции, Германии, Ирана, Ирака, Италии, Иордании, Ливана, Омана, Катара, России, Саудовской Аравии, Турции, ОАЭ, Великобритании, ООН и США, Москва, помимо прочего, пытается

---

¹ Peçanha S., Almukhtar S., K.K. Rebecca Lai. Untangling the Overlapping Conflicts in the Syrian War // New York Times, Oct. 18, 2015. URL: <http://www.nytimes.com/interactive/2015/10/16/world/middleeast/untangling-the-overlapping-conflicts-in-the-syrian-war.html>

² Керри: США присоединятся к многосторонним переговорам по Сирии. URL: <http://www.golos-ameriki.ru/content/kerry-lavrov-syria/3019740.html>

решить как минимум две важные тактические и стратегические задачи:

– согласовать и утвердить решением Совета Безопасности ООН список террористических организаций в Сирии, что позволило бы России снять с себя обвинения в концентрации авиаударов не по однозначно признанным экстремистам – ИГИЛ и «Джабхат ан-Нусра», а по оппозиционным сирийским силам;

– запустить политический процесс в Сирии при участии официального Дамаска с целью легитимировать действующий сирийский режим.

В настоящее время сложно делать прогнозы об успешности подобного международного сценария сирийского урегулирования. Несмотря на то что как минимум по второму вопросу контактная группа установила временные рамки – встреча внутрисирийских политических сил должна состояться 25 января т.г. в Женеве, позиция по Б. Асаду наших американских партнеров остается неизменной. Что касается разграничения сирийского повстанческого движения на собственно оппозиционное и террористическое, то, складывается ощущение полной потери контроля над ситуацией с незаконными вооруженными формированиями со стороны антиигиловской коалиции. Такое мнение, кстати сказать, неоднократно высказывалось как российскими, так и американскими экспертами¹. Но в сложившихся условиях международная основа сотрудничества по Сирии в любом случае выглядит более перспективным вариантом как для России, так и для США в качестве приоритета перед двусторонними связями.

Выбранная форма диалога (контактная группа), где связующим звеном выступает некий многосторонний консенсус, в идеале – решение Совета Безопасности ООН, способна сгладить существующие противоречия при наличии соответствующей политической воли участников, максимально «сохранив лицо». Такой сценарий международного взаимодействия существует достаточно долго и на деле доказал свою эффективность (переговоры по иранской ядерной программе; решение вопроса с химическим оружием в Сирии и т.д.), где России удавалось достичь определенных дипломатических побед. Более того, он явно устраивает всех участников процесса, включая Россию и США, где наблюдается

---

¹ В частности, подобную точку зрения выражал С. Коэн в ходе публичной лекции в МГУ 28 октября 2015 г. и Б.В. Долгов в рамках дискуссии в РСМД 24 ноября 2015 г. [из личных материалов автора].

уже некая «усталость» от сирийского вопроса и желание продвигнуться на пути его урегулирования. Тем более что военное вмешательство Москвы в борьбу с ИГИЛ в любом случае пошатнуло монополию Вашингтона на руководство антитеррористической операцией в регионе, а также усилило американский внутривнутриполитический дискурс о правильности тактики собственного правительства по минимизацию этой угрозы.

И действительно, как уже упоминалось выше, исходя из количественных показателей по самолетовылетам и по статистике пораженных целей, характер российской и коалиционной операции в Сирии существенно отличается. Россия за 3,5 месяца своей воздушной кампании отчиталась о нанесении более 5,5 тыс. авиаударов, что в сравнении с 9,5 тыс. авиаударов антиигиловской коалиции, нанесенных более чем за год по территориям уже двух государств – Ирака и Сирии, показывает внушительную динамику и темп, изначально принятый российской стороной. С другой стороны, из внимания не стоит упускать факт отсутствия у коалиции 65 стран официального мандата на проведение военной операции непосредственно в воздушном пространстве Сирии, а также четкого легитимного союзника на территории этого государства, что существенно ограничивает возможности коалиции по борьбе с ИГИЛ на сирийском направлении. Например, из более чем 9,5 тыс. авиаударов только 3266 приходится на территорию Сирии¹. Также США в качестве основной тактики по Сирии практикуют сброс на ее территорию, находящуюся, по их данным, под контролем «умеренной» оппозиции, оружия, которое зачастую попадает в итоге к боевикам «Исламского государства», и отправку небольших местных вооруженных групп, прошедших предварительную военную подготовку. Очевидно, что такие действия подвергаются жесткой критике как в России, так и в Соединенных Штатах.

Одновременно Москва позиционирует свою вовлеченность в сирийский конфликт в качестве фактора, способствующего интенсификации деятельности коалиционных сил по борьбе с терроризмом в рамках их операции «Непоколебимая решимость». Отчасти с этим можно согласиться: 20 352 пораженные цели по состоянию на 10 января т.г. против 10 684 – по состоянию на

---

¹ URL: http://www.defense.gov/News/Special-Reports/0814_Inherent-Resolve
(Дата последнего обращения: 21.01.2016.)

7 августа 2015 г.¹ – говорит о серьезном усилении военной активности. Кроме того, отмечается существенное увеличение бомбардировок с целью уничтожения каналов нелегальной продажи нефти боевиками ИГИЛ. В частности, если до принятия решения о проведении российской военной операции по состоянию на 7 августа 2015 г. антиигиловская коалиция сообщала о 196 уничтоженных объектах нефтяной инфраструктуры террористов², то в настоящее время сообщается об уничтожении уже 1170 таких объектов³, т.е. прослеживается значительная динамика роста подобных бомбардировок. Правда, российские и американские трактовки реципиентов этого «черного» нефтяного рынка существенно отличаются. Если Москва на высшем уровне обвиняет в торговле с ИГИЛ нефтью турецкую сторону⁴, то Вашингтон в этом вопросе указывает на официальный Дамаск⁵ при косвенной российской поддержке. В частности, США обвиняют бывшего президента Республики Калмыкия Кирсана Илюмжинова и сирийца по происхождению Мудалала Хури, а также российский банк «Русский финансовый альянс» и другие иностранные компании, связанные с этими лицами, в финансовых связях с режимом Б. Асада.

Но в части бомбардировок сирийской территории, напротив, инициатива была полностью передана российской стороне, учитывая что количество авиаударов с момента начала военной кампании ВКС России выросло незначительно – 3266 по состоянию на 19 января т.г. против 2381 по состоянию на 20 августа 2015 г.

Однако одним из самых интересных различий российской и американской операции по борьбе с ИГИЛ, в целом, можно было бы назвать наличие альтернативной точки зрения по вопросу природы и будущего «Исламского государства» вообще. Так, американцы, в последнее время серьезно озаботившиеся вопросом необ-

---

¹ URL: http://www.defense.gov/Portals/1/features/2014/0814_iraq/Operation-Inherent-Resolve-August7.jpg (Дата последнего обращения: 01.12.2015.)

² Ibid.

³ URL: http://www.defense.gov/News/Special-Reports/0814_Inherent-Resolve (Дата последнего обращения: 21.01.2016.)

⁴ Выступление заместителя министра обороны Российской Федерации Анатолия Антонова в ходе брифинга для СМИ «Вооруженные Силы Российской Федерации в борьбе с международным терроризмом. Новые данные», 2 декабря 2015 г. URL: <http://syria.mil.ru/news/more.htm?id=12070731@egNews>

⁵ Treasury Sanctions Networks Providing Support to the Government of Syria, Including For Facilitating Syrian Government Oil Purchases from ISIL, November 25, 2015. URL: <https://www.treasury.gov/press-center/press-releases/Pages/j10287.asp>

ходимости такой вовлеченности собственного государства в ближневосточные дела, результат которой весьма сомнительный – всплеск террористической активности после войны в Ираке 2003 г. и откровенный провал операции против талибов в Афганистане, выдвигают теории относительно преувеличенности угрозы, исходящей от ИГИЛ. В качестве показательного примера данного направления политической мысли можно привести статью, опубликованную в американском мейнстримовском журнале «Foreign affairs», где «Исламское государство» позиционируется в качестве революционного образования, неспособного к расширению в долгосрочной проекции в силу геополитических реалий и исторического опыта¹. Следовательно, стратегия США в подобных условиях, по мнению автора, должна сводиться к максимальной минимизации собственного участия в борьбе с этой единицей, концентрируясь только на купировании возможностей ИГИЛ к экспансии в краткосрочной перспективе. Мотивация – избежать серьезных неминуемых жертв среди мирного населения, которые автоматически приводят к ухудшению имиджа Соединенных Штатов в исламском мире.

Таким образом, в случае принятия подобной позиции Вашингтоном на официальном уровне возможно ожидать смены модели поведения в отношении «Исламского государства» со стороны США по примеру уже случившегося смещения дискурса в отношении талибов. Вашингтон в свое время перестал называть их террористами: теперь это незаконные вооруженные формирования. В итоге при одновременном ощущении, что переговоры с «Талибаном» – это фактическая помощь военным преступникам «натурализоваться» в новом Афганистане, присутствует понимание, что искать выход из этого конфликта необходимо, тем более что движение продолжает активно отвоевывать территории, пользуясь теперь отсутствием там сил международной коалиции. Вполне вероятно, что в итоге в этом же ключе американцы будут вынуждены действовать и в отношении ИГИЛ, чем, отчасти, и объясняется их слабая, как это представляется в российских СМИ, военная операция по борьбе с терроризмом. Хотя, безусловно, до конца срока администрации Б. Обамы никаких подобных изменений в позиции Соединенных Штатов в отношении ИГИЛ не предвидится.

---

¹ Walt S. ISIS as Revolutionary State // Foreign affairs, November – December 2015. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/middle-east/isis-revolutionary-state>

В отличие от США, как уже было сказано, Россия проводит свою военную операцию в Сирии с напором и усердием, не заботясь об имидже страны в исламском мире. Точнее, представление России об исламском мире в этом вопросе несколько отличается от западного. Для официальной Москвы понятие «исламский мир» сводится скорее к официальным режимам в соответствующих странах с подавляющим большинством исламского населения, тогда как наличие в нем «арабской улицы» игнорируется. Между тем именно «арабская улица» стала катализатором основных процессов в «исламском мире», приведших к дестабилизации региона, – событий «арабской весны». Москва упорно игнорирует тот факт, что изначальный конфликт в Сирии в 2011 г. в русле «арабской весны» проходил между официальным Дамаском и «арабской улицей». И в конечном итоге та же условная «арабская улица» является основным поставщиком людских ресурсов для террористических организаций.

Следовательно, военную операцию в Сирии могут не простить России в исламском мире, что, далее, способно вылиться в совершенно разнообразные формы. По меньшей мере, гибель мирного населения, чего объективно невозможно избежать при проведении бомбардировок в условиях антитеррористической кампании в границах населенных пунктов и т.п., безусловно, негативным образом скажется на отношении мусульманской уммы к нашей стране. Например, по данным правозащитной организации «Human Rights Watch» только в результате предположительно двух российских авиаударов в северной части провинции Хомс, по свидетельствам местных жителей, погибли в общей сложности 59 гражданских лиц, среди которых 33 ребенка¹. Учитывая, что представлена статистика по жертвам только одного дня, картина может складываться неутешительная.

Другим серьезным моментом уже стала фетва религиозных деятелей Саудовской Аравии с призывом к мусульманским странам объединиться в борьбе против режима Б. Асада в Сирии и «его иранских и российских покровителей». Несмотря на то что, как утверждает муфтий Москвы и Центрального региона России Альбир Крганов, подобную фетву международного характера для ее легитимации может утверждать только глава государства либо

---

¹ Россия / Сирия: Предположительно незаконные российские авиаудары, 25 октября 2015 г. URL: <https://www.hrw.org/ru/news/2015/10/25/282674>

верховное духовное лицо¹, очевидно, что суть обвинений Москвы в части проведения военной операции с целью поддержки сирийского правительства, а не борьбы с ИГИЛ разделяется как саудовскими властями, так и местным населением королевства. Этот вывод подтверждается, в частности, сообщениями о том, что постпред Саудовской Аравии в ООН Абдалла аль-Муаллими призывал Россию прекратить операцию в Сирии, поскольку ВКС РФ наносят авиаудары по позициям, где нет боевиков «Исламского государства»². Таким образом, саудовская фетва вполне может являться неофициальным мнением государства в целом, что выводит ее уже на совершенно другой уровень, не говоря уже о возможных последствиях ее призыва вообще.

Более того, не стоит забывать и об угрозе, исходящей от самого ИГИЛ. Неоднократно со стороны «Исламского государства» звучали угрозы в сторону России. Еще задолго до проведения российской военной операции в Сирии боевики ИГИЛ выпускали видеоролики с обвинениями Москвы в поддержке режима Б. Асада путем поставок ему вооружения (на видео фигурировал захваченный боевиками сирийский военный самолет российского производства. – *Прим. авт.*) и обещаниями отправить эти вооружения лично В.В. Путину. Также «Исламское государство» на камеру проводило казни российских «шпионов», тогда как последнее такое видео вышло 2 декабря 2015 г. В конце концов ИГИЛ взяло на себя ответственность (реальная причастность данной террористической группировки пока не доказана. – *Прим. авт.*) за теракт на борту российского самолета в небе над Египтом, в результате которого погибли 224 человека.

Кроме того, в рядах «Исламского государства», по данным спецслужб, воюют около 2 тыс. граждан России, а по некоторым экспертным оценкам, их число приближается к 5 тыс. Как утверждается, например, в расследовании «Новой газеты», выезд некоторых из них был, если и не организован, то по крайней мере поощрялся ФСБ России в целях ослабления террористического подполья в нашей стране³. Основные же вопросы среднесрочной и

---

¹ Саудовские проповедники призвали мусульманский мир объявить России джихад из-за «оккупации» Сирии, 5 октября 2015 г. URL: <http://www.newsru.com/world/05oct2015/djihad.html>

² Саудовская Аравия призывает Россию прекратить бомбардировки в Сирии, 1 октября 2015 г. URL: <http://www.newsru.com/world/01oct2015/saudi.html>

³ Милашина Е. Халифат? Приманка для дураков! // Новая газета, выпуск № 80, 29 июля 2015 г. URL: <http://www.novayagazeta.ru/inquests/69364.html>

долгосрочной перспективы в этой связи: возможное возвращение боевиков в Россию и активизация террористической деятельности на Северном Кавказе и в других российских регионах.

Параллельно с этим в целом существуют опасения о слиянии российского террористического подполья с «Исламским государством», и его дальнейшее функционирование под этой зонтичной структурой. В этом ключе с конца ноября 2014 г. лидеры боевиков стали планомерно присягать на верность главарю ИГИЛ Абу Бакру аль-Багдади. Апогеем этого процесса стало датированное 21 июня 2015 г. сообщение о такой присяге «в полном составе» всех боевиков, входящих в структурные подразделения «Эмирата Кавказ». В свою очередь, несколькими днями позже «Исламское государство» объявило о создании под предводительством дагестанского боевика Абу Мухаммада Кадарского вилаята (провинции) на Северном Кавказе, включающего в себя территории Чечни, Ингушетии, Дагестана и Кабардино-Балкарии¹.

Итак, учитывая вышеизложенное, можно сделать вывод, что риск террористической угрозы, исходящей от ИГИЛ, для России существовал всегда независимо от непосредственной вовлеченности нашей страны в события в Сирии. Тем не менее проведение военной операции объективно повышает этот риск, что уже подтверждается фактом теракта в небе над Египтом, хотя непосредственная причастность «Исламского государства» еще не доказана. В то же время интенсификация бомбардировок – курс, который был взят Президентом России по итогам предварительного расследования авиакатастрофы российского самолета, – не способна справиться с радикальной идеологией террористов. Исходя из ретроспективного анализа последних контртеррористических операций в Афганистане, Ираке, Ливии и т.д., максимум, чего удастся добиться, это ухода боевиков в подполье, с сохранением за ними всех возможностей для проведения террористической деятельности. Соответственно, в связке с неминуемым ухудшением имиджа России в глазах широкого исламского мира риск террористической угрозы непосредственно на российской территории как в краткосрочной, так и в среднесрочной перспективе останется на достаточно высоком уровне, а перспективы достойного завершения самой военной операции – весьма туманными. Похоже, что

---

¹ Цуркан А.А. Российско-американское контртеррористическое сотрудничество: Базис для возобновления // Россия и Америка в XXI веке. – 2015. – № 3. URL: <http://www.rusus.ru/?act=read&id=473>

окончательный выход России из Сирии будет очень напоминать выход СССР из Афганистана в 1989 г., с той лишь существенной разницей, что в этом случае у нашей страны нет на этой территории наземных вооруженных сил.

Статья предоставлена автором для публикации в бюллетене «Россия и мусульманский мир».

Е. Елькина,

младший научный сотрудник

(Институт Африки РАН)

ГИДРОПОЛИТИКА В БАССЕЙНЕ НИЛА

Редкая встреча лидеров африканских стран-соседей привлекала такое внимание в мире, как саммит, состоявшийся 23 марта 2015 г. в Хартуме. В нем участвовали президент Египта Абдель Фаттах ас-Сиси, премьер-министр Эфиопии Хайлемариам Десалень и президент Судана Омар аль-Башир. Речь шла о водах Нила и о путях решения споров, связанных со строительством на Голубом Ниле «Великой дамбы эфиопского возрождения»¹.

Подписывая документ, президент Египта ас-Сиси сказал: «Дамба возрождения представляет собой источник новых возможностей для миллионов жителей Эфиопии, поскольку она будет производить экологически чистую электроэнергию, но для такого же количества их братьев, живущих на берегах Нила в Египте, она является источником опасений и тревог. Причина в том, что Нил – их единственный источник пресной воды, фактически – источник жизни»². Три лидера приняли «Декларацию о принципах», которая посвящена их взаимодействию в связи со строительством «Великой плотины».

Декларация содержит немало неясных формулировок, в ней фактически нет никакой конкретики. Вместе с тем в ней говорится о стремлении решать проблемы на основе «взаимопонимания, общего интереса, добрых намерений, пользы для всех и принципов международного права»³, а также о необходимости сотрудничества в деле понимания «водных нужд» в странах, лежащих как вверх, так и вниз по течению Нила.

Плюсы и минусы «декларации о принципах»

Стороны признали, что плотина строится для того, чтобы производить электроэнергию и вносить вклад в экономическое развитие и транснациональное сотрудничество. Они также согласились с принципом поэтапного наполнения водохранилища и его дальнейшего использования, решили, что будут вместе осуществлять рекомендации комиссии международных технических экспертов, учитывать результаты конечного доклада трехстороннего технического комитета на разных стадиях строительства плотины. Был принят принцип ненанесения существенного ущерба какой-либо стороне. В декларации говорится: «Три страны примут все необходимые меры, чтобы избежать самой возможности нанесения ущерба кому-либо при использовании вод Голубого Нила»⁴.

«Великая дамба» расположена приблизительно в 15 км от границы с Суданом. Заявленная мощность гидроэлектростанции – 6 тыс. МВт. Она станет самой крупной в Африке и 11-й в мире – примерно на уровне Красноярской ГЭС. Водоохранилище площадью 1561 кв. км будет содержать примерно 79 млрд куб. м воды⁵.

Планы строительства дамбы долго держались в тайне. Первый камень в основу плотины был заложен 2 апреля 2011 г. тогдашним премьер-министром Эфиопии Мелисом Зенауи.

Стоимость всего проекта оценивается в 4,8 млрд долл. Сама дамба обойдется в 3 млрд долл., и ее сооружение будет финансироваться за счет выпуска государственных облигаций и частных инвестиций. Контракт на строительство получила итальянская фирма «Salini Costruttori». У нее уже есть опыт строительства в Эфиопии более мелких плотин. Стоимость гидроэлектростанции составит 1,8 млрд долл. Эти средства предполагается получить за счет займа. Все это без учета стоимости распределительной сети⁶.

В мае 2013 г. Голубой Нил был отведен во временное русло, чтобы расчистить площадку для строительных работ.

Эфиопские «резоны»

У жителей Эфиопии есть свои резоны, когда они говорят о необходимости более эффективного использования вод Голубого Нила, берущего начало на их территории. В силу специфики своего сельского хозяйства они никогда не занимались орошаемым земледелием – ведь Эфиопское плато получает достаточное количество воды в результате муссонных дождей с Индийского

океана. Наиболее популярная культура здесь – теф⁷, занимающий до 30% территории страны и превосходящий по пищевой ценности все зерновые мира.

Эфиопия – бедное государство. Из 87,9 млн ее населения (прогноз на 2014 г.) почти 40% живут ниже уровня бедности. Промышленности практически нет, в ней заняты всего 5% работающих⁸. Экономика во многом зависит от импорта нефти. Несмотря на имеющиеся разведанные запасы, нефть на территории страны до сих пор не добывается, ее, а также нефтепродукты приходится покупать. С точки зрения населения Эфиопии, нефть для государств Персидского залива – такой же природный дар, как воды Нила для них самих, и они задают вопрос: почему они платят за нефть, но ничего не получают за воду?

В мировой практике известны случаи, когда страны, лежащие ниже по течению реки, платят за воду тем, что расположены выше по течению. Поэтому в Эфиопии считают возведение дамбы на Ниле экономически оправданным, а по большому счету – «воротами в будущее».

Реализация проекта строительства дамбы должна, по мнению его инициаторов, превратить бедную сельскохозяйственную Эфиопию в процветающую промышленную страну за счет использования дешевой электроэнергии. Уже само сооружение плотины создаст тысячи рабочих мест. По завершении строительства электроэнергия пойдет на нужды как самой Эфиопии, так и соседних стран, включая Судан, а возможно, и Египет. Появится возможность вкладывать значительные средства в инфраструктуру международного туризма на базе уникальных природных красот и архитектурных памятников страны.

Линии электропередач будут довольно протяженными – от плотины до столицы страны Аддис-Абебы, как и до столицы Судана Хартума, примерно 400 км. Правда, некоторые полагают, что строительство дамбы – пример неоправданной гигантомании. Дело в том, что установленная мощность в 6 тыс. МВт будет достигаться только в период проливных дождей и высокой воды в Голубом Ниле, а это – всего три месяца в году. В сухой сезон мощность электростанции будет значительно меньше⁹.

Но у плотины и гидроэлектростанции есть и амбициозный политический аспект: им надлежит стать символом национального возрождения Эфиопии. Поэтому критика в адрес проекта считается недопустимой, а любые мнения, кроме восхваления, могут

повлечь за собой даже репрессии. Мелес Зенауи в апреле 2011 г. назвал противников проекта «гидроэкстремистами»¹⁰.

Египет и Нил неразделимы

У египтян иная позиция. Египет – «дар Нила»: это давно считается аксиомой. Для этого государства получение достаточного количества вод великой реки – вопрос жизни и смерти. Сезонные наводнения на Ниле занимают центральное место в истории страны. Период подъема воды начинается в мае и достигает своего пика в сентябре. Затем она начинает отступать до следующего года. Объем воды в реке может колебаться, и эти колебания непредсказуемы. Империи фараонов, греков, римлян, коптов и мусульман отмечали на «ниломерах» (сооружениях для измерения уровня воды) страшные наводнения или засухи (и в том, и в другом случае урожай погибал, и начинался голод), или нормальный уровень воды, что означало процветание¹¹.

Нил – самая длинная река в мире. Но сброс воды в нем относительно невелик, если брать средние цифры, – лишь 2% от объема Амазонки и 15% от Миссисипи¹².

Истоки Белого Нила лежат в восточной части Экваториальной Африки. Через систему озер и рек он достигает Южного Судана и здесь разливается, превращаясь в болота, озера и протоки, а затем «выбегает» на равнину, чтобы встретиться в Хартуме со своим собратом – Голубым Нилом. Белый Нил дает лишь 14% нильской воды, а 86% поступает с Эфиопского нагорья, орошаемого восточными муссонными ливнями, которые и питают Голубой Нил¹³.

Чтобы избежать последствий возможных засух и губительных наводнений, с помощью СССР в 1960–1971 гг. была построена высотная Асуанская плотина. Она позволила сельскому хозяйству Египта перейти на круглогодичное орошение и собирать до трех урожаев в год. Но сохранение уровня водохранилища – озера Насер – зависит как раз от поступления воды из Голубого Нила.

Возможное воздействие «Великой дамбы эфиопского возрождения» на страны, лежащие вниз по течению, вызывает споры. В озере Насер из-за испарения теряется до 12% воды. Народы, населяющие Эфиопию, утверждают, что водохранилище «Великой плотины», расположенное на большой высоте при меньших среднегодовых температурах и меньшей площади самого озера, соответственно, уменьшит испарение и даже увеличит на 5% поток воды в Египет¹⁴.

Но в Египте опасаются, что, пока будет наполняться водохранилище, резко сократится приток воды в озеро Насер, и, как следствие, выработка электроэнергии гидростанцией Асуанской плотины упадет на 25–40% (что, впрочем, составит лишь 3% общеегипетского производства электроэнергии)¹⁵. Вряд ли этот огромный резервуар заполнится за один год, что вызвало бы экологическую катастрофу в Египте. В любом случае удар по египетскому сельскому хозяйству все равно будет нанесен.

Нильский бассейн, кроме Египта, Судана и Эфиопии, охватывает Бурунди, Руанду, ДРК, Уганду, Кению, Танзанию и Южный Судан. Но именно Египет имеет юридически закрепленное преимущественное право на использование вод великой реки. Первый договор на распределение вод Нила был подписан в 1929 г. египетским правительством и Англией, которая тогда, как колониальная держава, выступала от имени Судана, Уганды, Танзании и Кении. Позднее, в 1959 г., был заключен еще один договор, согласно которому 83% вод Нила получает Египет, а 17% – Судан. Более того, Египет получил право вето на использование вод Нила другими странами, расположенными выше по течению¹⁶.

Эти на первый взгляд несправедливые договоры имеют под собой реальную основу: из всех стран, через которые течет Нил, только Египет и Северный Судан отличаются засушливым климатом и практически не имеют других источников воды. Рядом с Нилом живет едва ли не все население Египта. 97% воды для орошения, а также для промышленности и бытовых нужд страна получает из Нила.

Правда, в последнее время у Египта могла появиться возможность получить еще один источник пресной воды. Ливия, Египет, Судан и Чад приняли совместную программу по эффективному использованию ресурсов Нубийского водоносного слоя – крупнейшего источника ископаемой воды, занимающего площадь 2 млн кв. км и по объему запасов равного 200 годовым стокам Нила. Здесь берет начало «великая рукотворная река» – система водоводов и колодцев, снабжающая водой крупнейшие города Ливии. Однако события последних лет – имеются в виду «арабская весна» и непрекращающиеся волнения в Ливии – делают призрачной такую перспективу. Мало того, неизвестны экологические последствия активной эксплуатации ископаемой воды – уже сейчас многие колодцы в Ливии высохли¹⁷.

Нил, как и прежде, остается для египтян «артерией жизни». Поэтому вполне естественно их пристальное внимание к тому, что

происходит с его водами за пределами страны. Два с лишним столетия назад об этом выразительно сказал Наполеон: «Если бы я управлял такой страной, как Египет, я бы не позволял, чтобы хоть одна капля воды попала в Средиземное море»¹⁸.

Уже сегодня у страны возникают проблемы с пресной водой. В 1959 г. ее население составляло 30 млн человек, и на каждого (в соответствии с квотами Нильского договора) приходилось примерно 2,1 тыс. куб. м воды в год. К 2006 г. население увеличилось до 80 млн человек, что снизило потребление на душу до 790 куб. м в год (при норме, по данным ООН, в 1 тыс. куб. м). Население страны продолжает расти, и Программа планирования водных ресурсов в Египте (Water Resource Planning in Egypt) прогнозирует, что в 2025 г. на человека будет приходиться около 337 куб. м в год, а это означает, что при сохранении нынешней политики государства значительная часть пахотных земель Египта орошаться не будет¹⁹.

Обеспечение водой «тянет за собой» проблему обеспечения населения продовольствием (своего хронически не хватает), что является одной из составляющих национальной безопасности Египта. Правительство ведет работы по совершенствованию систем распределения воды, внедрению новых технологий ее использования. Власти Египта считают, что «пока новые системы подачи воды не будут установлены в районах, где ощущается острая ее нехватка, каждый, начиная со школы, должен знать об эффективном использовании этого ресурса». Придется, по-видимому, отказаться от амбициозных проектов орошения дополнительных участков пустыни с целью превратить их в сады и поля²⁰.

С той же целью правительство пытается усилить меры по контролю за рождаемостью. Если темпы прироста не снизятся, к 2050 г. население Египта может достичь 160 млн человек. Есть надежда, что ситуация стабилизируется на уровне чуть выше 100 млн. Оправданны ли эти надежды? Трудно сказать: ведь египтяне, особенно сельские жители, считают источником своего благополучия именно многочисленные семьи.

Попытки договориться

Еще в 1993 г. Египет и Эфиопия заключили рамочное соглашение, в котором обязались не действовать против интересов друг друга и принимать меры по уменьшению сбросов отходов в реку. В 1999 г. была создана группа стран Нильского бассейна –

«Инициатива бассейна Нила» (ИБН), куда вошли, кроме Египта и Судана, Бурунди, Руанда, Уганда, ДРК, Кения, Танзания и Эфиопия. Страны из верховьев Нила подготовили проект нового рамочного соглашения по использованию вод реки, но Судан и Египет отказались к нему присоединиться, так как в нем предполагалось пересмотреть основополагающий «Нильский договор». США высказались за принятие нового проекта, правда несколько подкорректированного. Египет же заявил о том, что он рассматривает призывы перераспределения нильских вод как фактическое объявление войны²¹.

Министры девяти африканских стран, входящих в ИБН, встретились в 2009 г. в Александрии, но отложили решение о перделе вод Нила, а затем группа раскололась. Принятие нового соглашения заблокировали Египет и Судан, не согласные с предстоящим сокращением своих ежегодных квот. По этому соглашению 1959 г. Египет получал право на ежегодный забор из реки 55,5 млрд куб. м, а Судан – 18,5 млрд. Другие страны бассейна Нила добиваются новой системы распределения водных ресурсов и снижения квот Египта и Судана²². Сама работа ИБН оценивается экспертами по-разному. Оптимисты полагают, что эта организация близка к принятию нового договора, который станет частью международного законодательства. Пессимисты же обращают внимание на то, что после стольких лет работы конкретного документа пока нет. Мало того, не учитывается тот факт, что к 2050 г. население бассейна Нила, видимо, вырастет вдвое, что сведет на нет значение любого договора, который может быть подписан сейчас.

Саммиту в Хартуме предшествовала многолетняя ожесточенная полемика, порой грозившая перерасти в серьезные конфликты, вплоть до военных.

О строительстве «Великой плотины» эфиопы объявили в разгар кризиса власти в Египте в 2011 г. Только что свергнут президент Хосни Мубарак, военные еще не установили полного контроля, голову поднимали «Братья-мусульмане». Пресса Египта писала, что страна может пойти на военную интервенцию с целью свержения существующего в Эфиопии режима, если тот не прекратит строительство плотины.

Есть надежда, что войны не будет...

Конфликт с Эфиопией, вплоть до возможных военных действий, означает резкое снижение значимости Египта как регио-

нальной державы. Египетская газета «Аль-Ватан» опубликовала редакционную статью с провокационным заголовком «Сценарий будущей войны с Эфиопией». Тогдашний президент Египта М. Мурси посетил Аддис-Абебу, но ничего не добился.

Вновь всплыли забытые слухи, что Египет, а позднее Судан, занимались поддержкой мятежников на территории Эфиопии еще в 1970–1980-х годах, что способствовало расколу Эфиопии в 1993 г., когда Эритрея стала независимой. Учитывая, что примерно половину населения Эфиопии составляют мусульмане (точных данных нет), поддержка Египтом, Суданом и Саудовской Аравией их экстремистских группировок стала реальностью²³.

Главный инициатор строительства дамбы, по утверждению газеты «Аль-Ватан», – Израиль, установивший хорошие отношения и сотрудничающий со всеми странами в верховьях Нила, что дает Тель-Авиву мощный рычаг давления на Египет. Египетские исламисты стали грозить Эфиопии джихадом, считая, что сооружение плотины – это заговор Израиля против Египта²⁴. В это же время заместитель министра обороны Саудовской Аравии принц Халид бен Султан заявил, что дамба – «прямая угроза национальной безопасности Судана и Египта». Она, мол, скорее «политический заговор», чем экологический проект²⁵.

Египет требовал, чтобы ему предоставили возможность инспектировать сам ход строительства. Эфиопия согласилась на это при условии, что Египет откажется от своего права вето при распределении воды. В марте 2012 г. состоялась встреча министров водных ресурсов Египта, Судана и Эфиопии, но они не пришли к единой точке зрения. После чего президент Судана Аль-Башир сказал, что поддерживает строительство плотины.

Египет, Эфиопия и Судан создали международную комиссию экспертов из десяти членов (по два от каждой страны плюс четыре международных эксперта), чтобы оценить риски при возведении плотины – экологические, инженерные и социально-экономические. В конце мая 2013 г. эта комиссия предоставила трем правительствам свой доклад, который, впрочем, эфиопское и египетское руководства интерпретировали по-разному. Детали доклада не опубликованы.

В июне 2013 г. на совещании у президента Египта Мурси при обсуждении доклада экспертов одновременно предлагались способы разрушения плотины и методы давления на Эфиопию, включая поддержку антиправительственных повстанческих группировок. Эти высказывания были тайно записаны на пленку

и переданы по телевидению. Оправдываясь, помощник Мурси извинился за «непреднамеренный конфуз», хотя «утечка», возможно, была сделана намеренно, для давления на Эфиопию. Правительство заявило о своем стремлении к «добрососедству, взаимному уважению, достижению общих интересов без того, чтобы какая-либо из сторон наносила ущерб другой стороне». Мурси сказал, что «все возможности открыты», потому что «безопасность поставок воды в Египет не должна быть нарушена ни при каких обстоятельствах». Он уточнил, что «не призывает к войне», но и не позволит, чтобы поставки воды в Египет оказались под угрозой²⁶. Меньше чем через три недели после этого заявления Мурси был свергнут. Переговоры продолжались, но в январе 2014 г. египтяне заявили о «непримиримости» эфиопов. Эфиопы, в свою очередь, утверждали, что Египет потребовал немедленного прекращения строительства и увеличения своей доли в нильской воде до 90% в качестве предварительных условий, что неприемлемо. Судан занял нейтральную позицию. В апреле 2014 г. переговоры возобновились. Вновь была создана трехсторонняя комиссия.

В марте 2015 г. президент Египта Абдель Фаттах ас-Сиси посетил Эфиопию с трехдневным визитом. Он встречался с эфиопским президентом, премьер-министром и патриархом (египетские копты и эфиопские христиане принадлежат к одной монофиситской ветви христианства, близкой к православию). Таким образом, постепенно, шаг за шагом, стороны все же идут к взаимопониманию на основе множества компромиссов.

* * *

Проблемы, связанные с нехваткой воды, на протяжении многотысячелетней истории Египта возникали не раз. И все же такими серьезными, как сейчас, они не были никогда. Речь идет о рукотворном воздействии на водный режим Нила. Но сейчас экспертам не только за пределами Египта, но и внутри страны становится ясно, что планы по сохранению статус-кво нереалистичны. Козырные карты в руках стран верховьев Нила. Позиция «всё или ничего» контрпродуктивна. Чтобы избежать серьезных конфликтов, надо расширять диалог и дипломатические переговоры. Они могут затянуться. Однако «декларация о принципах», подписанная Египтом, Суданом и Эфиопией, несомненно, станет важным шагом на этом пути.

Примечания

- 1 Брагин А.Н. Эфиопия «Великая дамба возрождения» // Азия и Африка сегодня. – 2012. – № 1. (Bragin A.N. 2012. Renaissance Dam //Asia and Africa today. № 1) (in Russian).
- 2 <http://www.bbc.co.uk/russian2015/03/150323>
- 3 Ibidem.
- 4 <http://www.ethiopiajbservatory.com> (24.03.2015.)
- 5 Ethiopia lays foundation for Africa’s biggest dam. – <http://www.facebook.com> 2011.
- 6 The River Nile: A Dam nuisance. Egypt and Ethiopia quarrel overwater. – <http://www.economist.com> (20.04.2011.)
- 7 Теф – растение семейства злаковых. Родина тефа – Эфиопия. Из муки тефа пекут местный хлеб (лепешки). Культивируется в основном в этой стране и в Эритрее.
- 8 CSA (Ethiopia) 2013.
- 9 Ethiopia’s biggest Dam oversized, Experts say. – <http://www.internationalrivers.org> (05.09.2013.)
- 10 Peter Bosshard. Sustainable Hydropower – Ethiopian style <http://www.internationalrivers.org> (13.07.2011.)
- 11 Andrew Karlson. Who owns the Nile? – <http://origins.osu.edu> (03.2013.)
- 12 Ibidem.
- 13 Ibid.
- 14 Salem Mahmoud. Regarding the Dam. – <http://www.dailynewsegypt.com> (03.06.2013.)
- 15 Ibidem.
- 16 Шол Денг Алак. История международного регулирования вод Нила: Политические, социально-экономические и правовые аспекты. Дис. ... к.и.н. – М., ИАФР РАН. 2008.
- 17 Филатов С. Стояние на Ниле: Эфиопия против Судана и Египта. – <http://www.interaffairs.ru> (03.06.2013.)
- 18 Царев П.Г. Дефицит пресной воды как главная угроза безопасности в бассейне реки Нил. – <http://www.idmedina.ru> с. 131.
- 19 World’s water resources face mounting pressure. – <http://www.truthout.org>
- 20 Ibidem.
- 21 Шол Денг Алак. Указ. соч.
- 22 Филатов С. Указ. соч.
- 23 Там же.
- 24 Там же.
- 25 Там же.
- 26 Egyptian warning over Ethiopia Nile dam. – <http://www.bbc.com>
*«Азия и Африка сегодня»,
М., 2015 г., № 8, с. 30–33.*

Б. Долгов,

кандидат исторических наук
(Институт востоковедения РАН)

ИСЛАМ ВО ФРАНЦИИ:

МУСУЛЬМАНЕ И СВЕТСКАЯ РЕСПУБЛИКА

Мусульманское сообщество во Франции существует в условиях светской демократии. Франция – единственная страна Европейского союза (ЕС), которая провозглашает светскость в качестве официальной государственной идеологии.

В настоящее время взаимоотношения между Французской Республикой и религией регулируются на основании Закона об отделении церкви от государства, который был принят в 1905 г. Данный закон, в частности, гарантирует свободу вероисповедания, а государство избегает предоставления материальной поддержки какой-либо из конфессий. Вероисповедание считается частным делом граждан, церковные учреждения и священнослужители существуют на средства верующих. Согласно главе I Конституции, Франция «является неделимой, светской, демократической и социальной республикой» [Constitution francaise... 2011, p. 3]. Вместе с тем в соответствии с законом № 2003-2 от 18.03.2003 г. в эту главу была внесена поправка, гласящая, что «Французская Республика уважает все верования».

Разъясняя суть феномена светскости, Николя Саркози, президент Франции с 2007 по 2012 г., отмечал, что «светскость гарантирует право каждого гражданина исповедовать свою религию, как и право быть атеистом. Светскость не является противником религий. Напротив, светскость – гарантия свободы совести каждого гражданина» [Sarkozy, 2004, p. 16]. Эту точку зрения разделяет и действующий президент Франсуа Олланд, указавший во время визита в Тунис в июле 2013 г., что ислам не противоречит демократическим ценностям, что подтверждает опыт Франции. В то же время светскость как философия, по словам видного французского ученого-востоковеда Оливье Руа, «предполагает наличие концепции культурно-исторических и духовных ценностей, опирающейся на философию французских просветителей, идею прогресса и этические принципы, основанные на рационалистическом восприятии мира» [Roy, 2005, p. 34]. Идеология светскости сформировалась во Франции в рамках противостояния между республиканским государством и католической церковью, которое после Великой французской революции 1789 г. принимало достаточно жесткие

формы¹. Впоследствии появление в 1980-е годы концепции христианской демократии предопределило сближение позиций двух сторон и в то же время стремление церкви обрести точки соприкосновения с некатолической частью общества для продвижения «христианской европейской культуры». Это нашло подтверждение в предложении, высказанном в 1984 г. папой Иоанном Павлом II, включить упоминание о христианской культуре в преамбулу текста Европейской конституции. Однако в 2000-е годы обострился вопрос об исламе и его взаимоотношениях с «французской идентичностью», одним из важных компонентов которой считается светскость.

Арабо-мусульманская община во Франции является самой многочисленной в странах ЕС. Это объясняется сложной историей взаимоотношений Франции со странами Магриба (Северной Африки)² – бывшими французскими колониями. По разным данным, во Франции проживают 5–6 млн мусульман (население Франции на 2014 г. оценивается в 66,2 млн человек), из которых около 82% являются выходцами из стран Магриба. Часть французских мусульман адаптировалась к европейской культуре и образу жизни и интегрировалась во французское общество, но многие из них сохраняют приверженность традиционным верованиям и культуре. Они считают ислам основой своей цивилизационной идентичности.

---

¹ В 1793 г. в Париже было запрещено католическое богослужение, вместо которого в Соборе Парижской богородицы воздавались почести Разуму (*Culte de la Raison*). После гибели создателей этого культа П.-Г. Шометта и Ж.-П. Эбера М. Робеспьер ввел культ Верховного существа (*Culte de l'Être suprême*) [Олар, 1925 (1); Олар 1925 (2); Карлейль, 1991, с. 494].

² В 1830 г. Алжир стал французской колонией. В 1883 и 1912 гг. Тунису и Марокко, соответственно, был навязан режим французского протектората. Обе страны добились независимости в 1956 г. В Алжире с 1954 по 1962 г. под руководством Фронта национального освобождения (ФНО) велась упорная антиколониальная борьба, в ходе которой погибли около 1 млн алжирцев. В 1962 г. между ФНО и Францией начались мирные переговоры, завершившиеся подписанием Эвианских соглашений о предоставлении Алжиру независимости. Между Францией и тремя странами были подписаны договоры о сотрудничестве в различных сферах, в том числе в вопросах эмиграции. Страны Магриба присоединились к так называемой франкофонной зоне, охватывавшей бывшие французские колонии, и начали пользоваться торгово-экономическими льготами.

В 1980-е годы молодые магрибинские иммигранты начали борьбу за признание их полноправными членами французского общества. Если их родители в 1960–1970-е годы требовали улучшения условий жизни и труда, вступая для этого в профсоюзы, то поколение 1980-х годов стремилось к получению европейского образования, к созданию системы радиовещания на арабском и берберском языках и т.д. В начале 1980-х годов различные созданные иммигрантами ассоциации занимались организацией демонстраций и маршей протеста против отношения французских властей к магрибинцам как к гражданам «второго сорта». Наиболее массовым стал «марш за равенство», проведенный в 1983 г. и собравший около 10 тыс. манифестантов.

Однако наследие алжирской войны, на долгие годы породившее во французском обществе недоверие и враждебность к мусульманам, а также очевидные различия в образе жизни, культуре и традициях у коренных французов и иммигрантов оставались серьезным препятствием на пути интеграции последних в новый социум. Чтобы решить эту проблему, молодое поколение магрибинских мигрантов начало действовать в двух направлениях. Одно предполагало путь, которым шло предшествовавшее поколение, – вступление в Социалистическую партию, организация кампаний по борьбе с дискриминацией, в которых участвовали такие ассоциации иммигрантов, как SOS-Racisme и France-Plus, основанные в 1980-х годах и выступавшие за подлинную интеграцию. Вторым путем пошли те магрибинцы, которые полагали, что обычного сочетания профсоюзной борьбы и социалистических лозунгов недостаточно для преодоления фактического неравноправия между автохтонами и аллохтонами. Многие иммигранты считали, что активное подчеркивание исламской идентичности, во-первых, станет выражением протеста против дискриминации, а во-вторых, предоставит им возможность обретения полноправного гражданства.

Второй путь стал особенно популярным со второй половины 1980-х годов, когда его сторонники приступили к организации конференций, в которых участвовали мусульманские ассоциации, к строительству мечетей, открытому и публичному соблюдению мусульманских обычаев, к ношению одежды, включавшей хиджаб (головной платок) и никаб (паранджу) для женщин.

Одной из первых наиболее влиятельных мусульманских организаций стал основанный в 1987 г. в Лионе Союз молодых мусульман (СММ), лидеры которого требовали от французских властей признания права мусульман «жить своей духовной жизнью,

открыто проявлять свою принадлежность к исламу и публично отмечать свои религиозные праздники» [Bowen, 2011, p. 49]. Как отмечал один из основателей СММ, его члены «были радикальны и не боялись скандировать “Аллаху акбар” (Аллах велик) во время своих манифестаций» [Le Monde, 24.05.2005]. СММ имел свое издание – журнал «Таухид» (догмат о единственности Аллаха и признании его божественной природы), учрежденный на базе одноименной мусульманской культурной ассоциации, созданной в 1986 г. В журнале публиковались материалы конференций и работы видных исламских идеологов. СММ и «Таухид» наладили контакты с местными мусульманскими организациями, разделявшими их взгляды.

В тот же период мусульманские общины, сформировавшиеся в ряде французских городов, в том числе в Лионе и Марселе, стали требовать разрешений на строительство больших соборных мечетей. Эти проекты встречали противодействие со стороны значительной части жителей этих городов, считавших, что подобные сооружения не совместимы с исторически сложившимися архитектурными ансамблями. Недовольство вызывали и уличные молебны, проходившие во время мусульманских праздников, тем более что отведенные под них места не вмещали всех желающих. Под давлением протестов городские власти вынуждены были разрушить бульдозерами построенные мусульманскими общинами временные места молебнов, как это произошло, например, в г. Шарвье-Шаване [Le Monde, 17.08.1991].

Обстоятельством, привлечшим в 1989 г. внимание французов к распространению в стране ислама, стало ношение хиджаба студентками-мусульманками. В ходе социологических опросов девушки указывали, что почувствовали себя счастливыми, став «практикующими» мусульманками благодаря изучению «подлинного ислама» и арабского языка. Однако, как и многие их сверстники, они не отождествляли «подлинный ислам» во Франции с тем, который практикуется в странах Магриба, откуда прибыли их родители и который они квалифицировали как «слишком традиционный и проблематичный».

Представители молодого поколения, к которым относились студентки-мусульманки, родившиеся во Франции, получившие французское гражданство и для которых (в отличие от их родителей) первым языком общения был французский, стремились тем не менее сохранить свою мусульманскую идентичность. Они посещали курсы по изучению ислама и арабского языка, слушали

лекции и проповеди мусульманских проповедников, в том числе приезжавших из известных арабских исламских университетов, в которые им предоставлялась возможность поступать. Многие студенты участвовали в массовых ежегодных мусульманских конференциях, проходивших в пригороде Парижа Ле Бурже, на которых выступали известные исламские идеологи.

Преподавание и исламские образовательные структуры, создававшиеся в 1980-х годах во Франции, отличались от таковых в мусульманских странах. Преподавание на «новой родине» велось на французском языке, преподаватели и проповедники представляли различные теологические школы, в связи с чем обучение в значительной степени строилось с учетом глобального исламского дискурса и французских реалий. Образовательные исламские структуры представляли собой частные школы, курсы при мечетях и различных исламских ассоциациях; обучение, как правило, осуществлялось в выходные дни и в вечернее время. Преподавателями в основном были молодые мусульманские интеллектуалы, в том числе имамы, получившие образование в арабских странах.

Руководители исламских учебных заведений принимали участие в мусульманских конференциях, диспутах, публичных дебатах в СМИ. Имамы двух самых больших соборных мечетей в Париже и в Лионе, имевшие титулы ректоров, регулярно участвовали в различных официальных мероприятиях и выступали в СМИ, как правило, проявляя лояльность к властям. Однако некоторые молодые французские имамы восприняли салафитские идеи, распространенные в среде мусульманской диаспоры.

Социокультурное развитие мусульманской общины сопровождалось возникновением нескольких направлений восприятия и практики ислама. Наиболее распространенным стал традиционный классический ислам, представленный различными мазхабами¹ суннитского толка. Его проповедают, в частности, имамы и теологи основанной в 1922 г. Большой парижской мечети (БПМ), которая является одной из наиболее известных и уважаемых мусульманских структур, проводящих торжественные богослужения и различные культовые мероприятия во время мусульманских праздников. Французские руководители неоднократно посещали

---

¹ Мазхаб – богословско-правовая школа. В суннитском направлении ислама выделяют, прежде всего, четыре основные богословско-правовые школы – ханафитов, маликитов, шафиитов и ханбалитов [Энциклопедический словарь, 1991, с. 152].

БПМ, где зачитывали свои обращения по тем или иным вопросам к французским мусульманам. Имамом и ректором мечети является известный мусульманский деятель Далиль Бубакер, имеющий тесные связи с представителями алжирской диаспоры, посольством Алжира и, соответственно, с алжирскими властями.

В 1985 г. была создана Национальная федерация мусульман Франции (НФМФ), находящаяся в тесном контакте с марокканской и турецкой общинами. В 1986 г. по инициативе мусульманских религиозных деятелей-фундаменталистов сформировался Союз исламских организаций Франции (СИОФ), ежегодно проводящий в пригороде Парижа, на территории выставочного комплекса «Ле Бурже», симпозиумы под названием «Встречи мусульман Франции». На них обсуждаются проблемы, связанные с повседневной жизнью мусульманской общины, проводятся дискуссии по теологическим вопросам.

В 2001 г. группа мусульманских деятелей, отделившихся от СИОФ, создала Союз мусульманских ассоциаций (СМА), который возглавил Хасан Фарсаду, бывший член руководства СИОФ. В настоящее время СМА расширяет свое влияние в пригородах Парижа, где в его распоряжении имеются девять мечетей, в том числе самая большая – в пригороде столицы Сен-Дени.

В начале 2000-х годов мусульманскими активистами в Страсбурге была основана Партия мусульман Франции (ПМФ). В этой связи необходимо отметить, что закон, регламентировавший отношения государства с религиозными организациями и запрещавший создание политических партий на религиозной основе, был принят во Франции еще в 1905 г. Страсбург в тот период входил в состав Германии, и этот закон на него не распространялся. В своей программе ПМФ ратует за признание религиозных организаций, в том числе мусульманских, в качестве социальных партнеров и реализацию стратегии коммунитаризма, которая предполагает создание в районах компактного проживания мусульман своеобразных зон-коммун, в которых действуют законы шариата. ПМФ является, пожалуй, единственным примером создания в Европе политической партии на основе ислама. Однако ПМФ остается немногочисленной, не пользуется сколько-нибудь заметным влиянием и практически действует в подполье.

В свою очередь в 2003 г. по инициативе министра внутренних дел Жан-Пьера Шевенемана был создан Французский совет мусульманского культа (ФСМК). По замыслу его создателей, Совет должен был представлять большую часть французской

мусульманской общины. Французские власти получили бы возможность осуществления более эффективных контактов с диаспорами. В результате выборов в июне 2013 г. президентом ФСМК стал известный мусульманский деятель Мухаммед Муссауи [<http://www.lecfcm.fr>].

Новым и достаточно своеобразным феноменом в религиозной практике французских мусульман стал индивидуальный ислам, названный профессором французской Высшей школы социальных исследований (ВШСИ / EHESS) Фархадом Кхосрокховаром значительным социальным явлением¹. Индивидуальный ислам в основном исповедуют мусульманские интеллектуалы и часть молодого поколения. Они считают вероисповедание частным делом, в чем их позиция совпадает с общепринятым отношением к религии во французском обществе. Ведущий научный сотрудник ВШСИ, специалист по индивидуальному исламу Науфель Брахим в беседе с автором этих строк определил индивидуальный ислам как «продукт индивидуального “эго” и субъективного восприятия ислама»². По мнению Н. Брахи́ма, исторические традиции Франции, начиная с эпохи Просвещения и Французской революции 1789 г., как и современные институты (школа, СМИ и общество в целом), проповедующие индивидуализм, способствуют распространению индивидуального ислама.

В 2003 г. во Франции сформировалось Движение светских мусульман (ДСМ), участники которого отстаивают республиканские и демократические принципы. Видным представителем ДСМ выступает Фаде́ля Ама́ра, член Французской социалистической партии, активистка женского движения, выступающая против ношения французскими мусульманками никаба. Ама́ра также является председателем организации алжирских женщин-мусульманок «Не путаны и не подчиненные», которая выступает за женское равноправие в мусульманской семье. Они рассматривают свою мусульманскую идентичность в большей степени как культурную и не связанную с религиозными догмами. Фаде́ля Ама́ра резко выступает против исламского фундаментализма и радикализма. Так, она подразделяет всех французских мусульманок, носящих никаб, на три категории: девушки, которые таким образом стремятся защититься от уличного хулиганства; девушки в переходном возрасте, находящиеся в поиске своей идентичности; «солдаты

---

¹ Беседа с Фархадом Косрокховаром. – П., 15.06.2013. Архив авт. – Б.Д.

² Беседа с Науфелем Брахимом. – П., 17.06.2013. Архив авт. – Б.Д.

зеленого цвета исламского фашизма, образованные, зачастую дипломированные женщины, приверженцы радикальной исламистской идеологии, регулярно посещающие собрания исламистских организаций, и потенциальные джихадистки» (цит по: [Geisser, Zemouri, 2007, p. 148]). Следует отметить, однако, что ДСМ не является массовым и отражает настроения меньшинства представителей мусульманской общины Франции.

Наряду с этими движениями в рядах французской мусульманской общины набирают силу приверженцы неофундаментализма. Некоторые из них ставят целью объединение всех существующих во Франции исламских организаций в единую мусульманскую ассоциацию под своим руководством. Для этого течения характерны неприятие европейских ценностей и отказ от интеграции во французское общество. Их лидеры поддерживают доктрину коммунитаризма. Во Франции действуют и сторонники радикального исламизма, пытающиеся создавать под руководством самопровозглашенных имамов мечети или молельные дома. Это направление, число последователей которого сравнительно невелико, получило неофициальное название «ислам окраин и гаражей».

В то же время 80% французских мусульман являются «не практикующими» и только 20% скрупулезно выполняют все предписания ислама. Из этих 20% примерно 5% относятся к ортодоксальным фундаменталистам – салафитам и последователям движения Таблиг¹, отвергающим европейские ценности и стремящимся полностью отгородиться от «безбожного общества» и жить по законам шариата. Отстранение от экономической и социальной жизни и соответственно высокий уровень безработицы в этой среде, особенно среди молодежи, ее частичная маргинализация способствуют усилению влияния джихадистской идеологии. Около тысячи приверженцев джихадизма во Франции являются членами закрытых и полуподпольных исламистских организаций, возможно, представляющих потенциальную опасность. Однако, согласно утверждению американского исследователя Дж. Бовена, «их дея-

---

¹ *Таблиг ва даава* («Послание и призыв») – фундаменталистская исламистская организация, проповедующая строгое соблюдение норм шариата. Основана в 1920-е годы на территории современного Пакистана. В настоящее время в Западной Европе существует много организаций Таблига с центром в Великобритании. Во Франции функционируют отделения Таблига, насчитывающие несколько тысяч последователей.

тельность находится под контролем, имамы проводят проповеди на французском языке, и только там, где прихожане его не знают, – на арабском»¹.

Наряду с этим большинство проблем, связанных с мусульманской диаспорой, носит скорее социально-экономический, нежели межконфессиональный или межцивилизационный характер и касается безработицы, отсутствия возможности получить хорошее образование и занять достойное место в обществе, недостаточной обустроенности районов проживания мусульман. Так, районы Парижа, известные как «красный пояс Парижа», в которых ранее проживали работники располагавшихся здесь промышленных предприятий, после вывода отсюда многих из них были заселены мигрантами, в том числе безработными. Росту числа безработных способствовали массовые увольнения 1990–2000-х годов в автомобильной промышленности, рабочая сила которой на 50% была представлена мигрантами из Алжира и Туниса. Одной из причин увольнений и соответственно безработицы, наряду с мировым финансово-экономическим кризисом, явился вывод промышленных предприятий из Франции в страны с дешевой рабочей силой. Так, например, в районе Парижа, где когда-то размещался комплекс предприятий, производивших автомобиль «Ситроен», в настоящее время разбит парк, а производственные мощности выведены за пределы страны.

Безработица и невозможность найти свою нишу в обществе провоцируют мусульманскую молодежь на социальный протест, который зачастую принимает агрессивные формы и используется радикальными исламистами. На протяжении ряда лет в пригородах крупных французских городов периодически происходят стычки с полицией, поджоги автомашин и другие противоправные действия, в которых в основном участвует эмигрантская молодежь. Надо сказать, что среди заключенных во французских тюрьмах 40% составляют лица, у которых отец был иммигрантом. Актуальной остается проблема распространения и употребления наркотиков. В соответствии с существующим законодательством обнаружение полицией небольшого объема наркотиков не влечет за собой какого-либо наказания. В то же время именно в пригородах, где особенно распространены наркотики, действуют полуподпольные исламистские организации, исповедующие радикальный исламизм и джихадизм.

---

¹ Беседа с Джоном Бовеном. – П., 14.06.2013. Архив авт. – Б.Д.

В настоящее время во Франции, как и во многих других странах ЕС, наблюдается усиление ислама как в религиозном, так и в общественно-политическом смысле. Это проявилось, в частности, в выдвижении представителями мусульманской общины своих кандидатов на муниципальных и парламентских выборах, в их вхождении в общественные и правозащитные организации, в мусульманском влиянии на общественную мысль Франции. В 2012 г. в первый раз в истории страны около 400 французских граждан, представителей арабо-мусульманской диаспоры, баллотировались на парламентских выборах (общее число кандидатов составляло 6611 человек) и около 10 из них вошли в состав 571-членного парламента [Kerel, 2014, p. 13].

Представители французских мусульман активно работают в Национальном консультативном комитете по правам человека, защищая права иммигрантов на вероисповедание. Вышеупомянутый Союз мусульманских организаций (СМА), базирующийся в пригороде Парижа Сен-Дени, где проживают около 450 тыс. мусульман, регулярно публикует на своем интернет-сайте материалы, освещающие жизнь мусульманской общины, подробности муниципальных выборных кампаний, а также критику властей, якобы поощряющих исламофобию и расизм. Впрочем, подобную деятельность едва ли можно рассматривать как направленную на интеграцию во французское общество. Скорее, она отражает стремление значительной части мусульманской общины сохранить свои исламские ценности, традиции и религию.

Рост числа мусульман и активизация мусульманской диаспоры во Франции вызывают неоднозначную реакцию жителей страны. Часть французских граждан, политического истеблишмента, научного сообщества принимает позицию этой категории мусульман. Отчасти это объясняется изменениями в определении ислама, сделанными во времена президента Саркози: вместо «ислам во Франции» (*L'Islam en France*) – «ислам Франции» (*L'Islam de France*) или «французский ислам» (*Islam français*). Это определение, с которым согласны далеко не все французы, можно трактовать таким образом, что ислам становится составной частью французской общественно-политической и культурной сфер. В свою очередь, часть французского научного востоковедного сообщества проявляет интерес к восточной метафизике и исламскому эзотеризму. В частности, с докладом на эту тему в мае 2014 г. на научной конференции в парижской Высшей школе социальных наук, в работе которой участвовал автор этих строк,

выступил Абденнур Бидар, известный французский философ, один из идеологов концепции индивидуального ислама.

Одновременно выдвигается тезис «окультуривания» (acculturation) ислама, т.е. возможности проявления мусульманином своей идентичности в большей степени с позиции мусульманской культуры, нежели религии. Во французском мусульманском сообществе, как и в мусульманской умме (мусульманский мир) ведутся дебаты по этому вопросу. Однако на данный момент большинство мусульман, в том числе известный суннитский идеолог Юсеф аль-Карадауи, не принимают этот тезис (см.: [Le Monde, 20.05–21.05.2012]). Во Франции продолжают споры по поводу французской национальной идентичности и роли ислама в ней. Часть политического истеблишмента и востоковедов, в том числе Жиль Кепель – известный французский ученый-исламовед, высказывают обеспокоенность в связи с усилением влияния ислама и индифферентного, по их мнению, отношения к этому светской республиканской Франции [Kerpe, 2014, p. 14]. Отражением такой обеспокоенности можно считать принятие законов о запрещении манифестации религиозной принадлежности (ношения мусульманками никаба) в общественных местах.

В этой ситуации наряду с недовольством части населения как правительственной политикой в области экономики и иммиграции, так и действиями руководства ЕС, которое, как считают их критики, «навязывает Франции решения, не соответствующие ее интересам, и еврокомиссаров, которых никто не выбирал», происходит усиление влияния правых партий, в частности Национального фронта (НФ). Так, в ходе выборов в Европарламент 22–25 мая 2014 г. за кандидатов НФ проголосовали 25% французских избирателей, что позволило Фронту получить 22 депутатских места из 74, отведенных для Франции (всего депутатских мест в Европарламенте 751). Теперь НФ сможет в коалиции со своими союзниками из Австрии, Бельгии, Голландии, Италии сформировать парламентскую группу, которая, возможно, будет заметно влиять на политику ЕС.

На французскую мусульманскую диаспору активно воздействуют внешние исламистские движения. Так, инициаторами создания в 1980-е годы во Франции влиятельной мусульманской общественно-политической структуры Союз исламских организаций Франции (СИОФ) были последователи тунисской исламистской партии «Нахда» («Возрождение») и египетской исламистской ассоциации «Братья-мусульмане» [Kerpe, 2012, p. 37]. В 2012 г.

председателем СИОФ был избран тунисец по происхождению шейх Ахмед Джабалла, мусульманский идеолог и проповедник, приверженец доктрин «Нахды» и «Братьев-мусульман». Ахмед Джабалла одновременно является директором Европейского института гуманитарных исследований (ЕИГИ), открытого в 2001 г. в Сен-Дени. ЕИГИ имеет теологическое отделение, где готовят будущих имамов. В его научный совет входят такие суннитские идеологи, как Юсеф аль-Карадауи, постоянно проживающий в Саудовской Аравии. Карадауи – непримиримый противник президента Башара Асада и сирийского руководства как из-за того, что они возглавляют светскую партию «Арабское социалистическое возрождение», так и в связи с тем, что большая часть руководства Сирии представлена алавитами¹. «Братья-мусульмане» во Франции успешно сотрудничают с турецкой исламистской организацией «Национальное видение» («Милли гюрюш») при участии которой в 1985 г. была создана Национальная федерация мусульман Франции (НФМФ), которая контролирует сотни мест мусульманского культа, особенно в районах Лиона и Страсбурга.

В то же время фактором, оказывающим влияние как на французскую мусульманскую диаспору, так и на внутреннюю и внешнюю политику Франции, выступает характер экономических отношений между этой страной и исламскими государствами, например с Катаром. Этот эмират, входящий в региональную организацию Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ), в годы правления эмира Хамада бен Халифа Ат-Тани стал одним из наиболее привилегированных финансово-экономических партнеров Франции. По заявлению Хусейна Абдаллы, члена административного совета Катарской инвестиционной ассоциации, катарские инвестиции во Франции «превышают 100 млрд долл. Только в 2012 г. они достигли более чем 30 млрд долл.» [Ennassi, 2013, p. 165]. Они вкладывались в инновационные проекты в сферах авиации, аэронавтики, создания современных вооружений. Так, располагая 7,6–10,07% акций известного французского медиахолдинга «Lagardere», который в свою очередь

---

¹ Алавиты – направление в шиитском толке ислама, возникшее в X в. Оно представляет собой эклектическое смешение элементов шиитского вероучения, гностического христианства и мусульманских культов и верований. Алавиты отвергают многие предписания ислама, почитают Иисуса Христа и ряд христианских святых, отмечают некоторые христианские праздники (см.: [Ислам. Энциклопедический словарь, 1991. с. 194]).

является одним из основных акционеров крупнейшего европейского авиакосмического концерна EADS, Катар стал инвестором наиболее наукоемкого и насыщенного современными технологиями рынка. Катар инвестирует в недвижимость (дворцы XVII в., престижные магазины в центре Парижа), гостиничную отрасль (дорогие отели в Париже и на Лазурном берегу), игровой бизнес (27% казино в Каннах на Лазурном берегу), СМИ (Радио Европа 1, журнал «Paris Match», канал «Аль-Джазира» на французском языке) и даже в спорт (покупка в 2011 г. футбольного клуба «Paris Saint Germain – PSG»). Французские министры, государственные и политические деятели, журналисты, бизнесмены регулярно приглашались в Катар на различные симпозиумы, где заключались сделки, налаживались деловые и личные связи. Подтверждением личных дружеских отношений, сложившихся между эмиром Катара и президентом Франции, стал визит в 2007 г. в Париж эмира Хамада бен Халифа Ат-Тани, который стал первым главой арабского государства, принятым президентом Саркози после его избрания.

Новым направлением катарских инвестиций стала социальная сфера – развитие французских пригородов, в которых проживает основная часть арабо-мусульманской диаспоры. В 2011 г., во время визита в Катар представителей местных властей, объединенных в Национальную ассоциацию избранных местных депутатов (НАИМД), активно борющуюся с проявлениями расизма и за увеличение представительства пригородов во французских властных структурах, эмир пообещал им финансовую помощь на развитие инфраструктуры и на поддержку молитвенных домов. В то же время часть французского политического истеблишмента, в частности лидер Народного фронта Марин Ле Пен, рассматривает сложившуюся ситуацию как «катаризацию» Франции, полагая, что финансово-экономическая поддержка Катаром французских пригородов на самом деле имеет своей целью «продвинуть мусульманский фундаментализм в сердце Франции» [Ennasri, 2013, p. 182]. Тем не менее сотрудничество между Францией и Катаром продолжилось и при новых руководителях – президенте Франсуа Олланде и эмире Тамиме, который в течение года обучался в Сорбонне.

В то же время в 2013–2014 гг. отмечался рост антиисламских настроений и актов агрессии по отношению к мусульманам, что подтверждалось отчетами правозащитных организаций. Относительное усиление исламофобии объясняется в том числе продол-

жающейся нелегальной иммиграцией мусульман, среди которых оказываются криминальные элементы, наркоторговцы и радикальные исламисты. В значительной степени рост иммиграции связан с негативными последствиями «арабской весны», которые, как справедливо отмечает видный российский востоковед В.В. Наумкин, «осложнили задачи борьбы с терроризмом, все теснее срачивающимся на севере Африканского континента с организованной преступностью» [Наумкин, 2011, с. 33].

Исламофобские настроения обусловлены и такими трагическими феноменами, как дело «тулузского стрелка» – французского гражданина алжирского происхождения, связанного с «Аль-Каидой», расстрелявшего в 2013 г. в Тулузе шесть человек. Обеспокоенность французов вызывают и факты выезда французских граждан – мусульман в Сирию для участия в «джихаде» против правящего там режима. По официальным данным, в начале 2014 г. более 700 французских граждан (по неофициальным данным – более 1 тыс.) находились в Сирии в рядах вооруженных антиправительственных группировок [Thomson, 2014]. В случае их возвращения во Францию, как заявляли представители правоохранительных структур, они могут создать определенную угрозу общественной безопасности. Подтверждением этого стал целый ряд террористических актов, исполнители которых, как правило, получали свой кровавый «джихадистский опыт» в рядах боевиков Исламского государства (ИГ) в Сирии и Ираке. Таковыми были нападение на военнослужащих и полицейских, наезды на пешеходов, сопровождавшиеся выкриками «Аллах велик», в городах Франции в декабре 2014 г., в результате которых пострадали десятки французских граждан.

Самыми громкими и кровавыми стали расстрел редакции сатирического журнала «Charlie Hebdo», публиковавшего карикатуры на Пророка Мухаммеда, и захват заложников в одном из магазинов в Париже 7.01–9.01.2015 г., в ходе которых погибли 17 человек и восемь были ранены. Нападение совершили трое радикальных исламистов, ранее проходивших военную подготовку в одном из тренировочных лагерей «Аль-Каиды» и состоявших на учете у полиции в связи с их деятельностью по вербовке французских граждан для ведения «джихада» в Сирии. В эти же дни в Париже было совершено нападение на полицейских, в результате которого погибла сотрудница полиции. Видимо, как реакция на данные террористические атаки, в ряде городов Франции 8 января 2015 г. были совершены попытки поджога двух мечетей и взрыва

в мусульманском ресторане, в ходе которых тем не менее не было пострадавших. В связи с происшедшими террористическими актами в Париже и во всем центральном районе Иль-де-Франс был объявлен наивысший уровень угрозы, под усиленную охрану были взяты государственные учреждения, вокзалы, аэропорты и места религиозных культов. Террористические акты в январе 2015 г. стали наиболее значительными по числу жертв и общественному резонансу во Франции со времен экстремистской деятельности организации ОАС¹ в 1961 г. во время мятежа французских генералов в Алжире против президента Шарля де Голля и террористических атак исламистских боевиков в Париже в 1995 г. в период вооруженного противостояния властей Алжира и радикальных исламистов. Наряду с тем гражданский конфликт в Сирии и действия ИГ привели как к радикализации части французской мусульманской общины, так и к ее определенному размежеванию на тех, кто поддерживает режим Башара Асада, и на тех, кто считает, что он притесняет мусульман-суннитов.

Во французских СМИ, как и в обществе в целом, после терактов в Париже в январе 2015 г. развернулись дискуссии относительно реформирования мусульманских организаций Франции и, в частности, Французского совета мусульманского культа (ФСМК). Президент Франции Франсуа Олланд заявил, что «ФСМК не имеет достаточной способности влиять на порядок жизни, правила и принципы мусульманского сообщества на территории Франции. Необходимо усилить его представительность для того, чтобы решать конкретные вопросы» [www.uam93.com, 2.03.2015]. Французское руководство после терактов января 2015 г. инициировало диалог с мусульманами, в котором предполагалось участие наряду с ФСМК различных мусульманских ассоциаций, не входящих в него, и видных мусульманских деятелей и имамов мечетей. Диалог имел целью, в том числе, активизацию нового поколения авторитетных руководителей, способных влиять на ситуацию в мусульманском сообществе. Что касается созданного в 2003 г. ФСМК, то его руководство, по мнению французского исламоведа Галеба Беншейха, не пользовалось значительным

---

¹ Члены ОАС (Organisation de l'armee secrete (OAS) – Секретная вооруженная организация) действовали в Алжире и во Франции. Они нападали на сторонников независимости Алжира, устраивали взрывы, политические убийства, организовали несколько неудавшихся покушений на президента Де Голля, которого считали предателем, отказавшимся от Алжира (см.: [Смирнов, 2002, с. 257]).

влиянием в мусульманской среде по причине его «некомпетентности в вопросах мусульманской теологии. Поэтому не стоит удивляться, что часть мусульманской молодежи становится легкой добычей проповедников экстремизма» [Le Monde, 13.03.2015].

В свою очередь, известный журналист и активист исламской блогосферы Фатих Кимуш, обращаясь к мусульманам, подчеркивал необходимость отойти от радикализма в блогосфере, чтобы создать приемлемую атмосферу для диалога. При этом он напоминал, что в январе 2015 г. во Франции имело место больше случаев проявления исламофобии, чем за весь 2014 г., в связи с тем что из-за таких вышедших из мусульманской среды террористов, как «тулузский стрелок» Мерах и расстрелявшие редакцию «Charlie Hebdo» братья Куаши, «в терроризме обвиняются все мусульмане» [www.uam93.com. 12.03.2015].

Со своей стороны президент Союза исламских организаций Франции (СИОФ) Амар Ласфар, рассматривая возможное реформирование мусульманских организаций, высказывается в пользу создания теологической структуры, которая могла бы принять форму «совета улемов», издающего фетвы (религиозные послания) в рамках закона 1905 г., регулирующего отношения государства и религии. Мухаммед Энниш, генеральный секретарь Союза мусульманских ассоциаций (СМА), заявил, что «наконец-то власти поняли, что нельзя иметь дело только с ФСМК, который, хочет он этого или нет, должен протянуть руку представителям молодых мусульман, которые родились и выросли во Франции, и выражать больше доверия региональным мусульманским организациям, которые выдвигают новых энергичных лидеров» [www.uam93.com. 12.03.2015].

В дискуссию по проблемам ислама во Франции включились некоторые политики. Так, руководитель партии «Союз за народное движение» (СНД) Николя Саркози, бывший президент Франции, занимавший пост министра внутренних дел в период создания ФСМК, заявил, что «вопрос состоит не в том, что Французская Республика может сделать для ислама, а в том, что ислам может сделать для того, чтобы стать французским исламом» [www.uam93.com, 02.03.2015]. Необходимо отметить, что СНД в результате муниципальных выборов во Франции в марте 2015 г. получил 27% голосов избирателей и вышел на первое место по этому показателю. На втором месте партия «Национальный фронт» (НФ), возглавляемая Марин Ле Пен, за которую проголосовали 26% избирателей. Что касается Французской социалисти-

ческой партии – правящей партии действующего президента Франсуа Олланда, то она оказалась на третьем месте, едва преодолев барьер в 20%. Таким образом, у представителей СНД, так же, как и НФ, появились реальные шансы участвовать в президентских выборах 2017 г. При этом один из руководителей СНД, Ален Жюпе, мэр г. Бордо, который уже принял решение баллотироваться на пост президента Франции, учитывая возрастающее влияние мусульманской общины, провел в марте 2015 г. переговоры с Союзом мусульманских организаций (СМА), на которых предложил его руководству выработать предложения по реформированию ФСМК.

Большая часть мусульманской общины во Франции продолжает сохранять исламскую идентичность, исповедуя традиционный умеренный ислам. В значительной степени это происходит благодаря политике Франции, которая предоставляет каждому гражданину реальную свободу вероисповедания. Однако полноценной интеграции во французское общество мусульман-мигрантов, в том числе родившихся во Франции и получивших французское гражданство, не произошло. В то же время, с одной стороны, происходит радикализация части мусульманской молодежи, ведущая к усилению экстремизма, что, в свою очередь, провоцирует рост исламофобии. С другой стороны, наблюдается процесс вхождения ислама во французскую культуру. В известной мере это связано с ослаблением христианской церкви в Европе, в том числе во Франции [Новоженова, 2008, с. 136], а также с формированием религиозного плюрализма и возрастанием роли ислама. Тем не менее не все французы принимают данные реалии, что обуславливает определенное размежевание во французском обществе.

Литература

1. Карлейль Т. Французская революция. История / Пер. с фр. – М., 1991.
2. Наумкин В.В. «Алжирский транзит» в зоне Магриба-Сахеля // Партнерство цивилизаций – нет разумной инициативы. – М., 2011.
3. Новоженова И.С. Франция: Ислам в светском государстве // Актуальные проблемы Европы. – М., 2008. – XI.
4. Олар А. Культ Разума и культ Верховного Существа во время Французской революции / Пер. с фр. Е.С. Коц и А.Н. Карасика. – М.: Сеятель, 1925 (1).
5. Олар А. Христианство и Французская революция 1789–1802 / Пер. с фр. К. Шпицберга. – М.: Атеист, 1925 (2).
6. Смирнов В.П. Франция в XX веке. – М., 2002.

7. Ислам. Энциклопедический словарь. – М.: Наука; ГРВЛ, 1991.
8. Bowen J.R. L'Islam a lafrancaise. – P., 2011.
9. Constitution francaise du 4 octobre 1958.
10. Direction de l'information legale et administrative. La documentation francaise. – P., 2011.
11. Ennasri N. L'enigme du Qatar. – P., 2013.
12. Kepel G. Passion francaise. – P., 2014.
13. Kepel G. Quatre-vingt-treize. – P., 2012.
14. Le Monde.
15. Roy O. La laiciteface a L' Islam. – P., 2005.
16. Sarkozy N. La Republique, les religions, l'esperance. – P., 2004.
17. Thomson D. Les francais jihadistes. – P., 2014.
18. Geiser V. et Zemouri A. Marianne et Allah. Les politiques francais face a la «question musulmane». – P., 2007.
19. <http://www.lecfcm.fr>
20. <http://www.uam93.com>

«Восток – Ориенс», М., 2015 г., № 4, с. 123–133.

**А. Вавилов, Ю. Зинин, А. Казанцев, А. Крылов,
А. Орлов (руководитель), А. Федорченко,
А. Чечевишников, А. Ярлыкапов**
(ИМИ МГИМО (У) МИД)
**«ИСЛАМСКОЕ ГОСУДАРСТВО»:
ФЕНОМЕН, ЭВОЛЮЦИЯ, ПЕРСПЕКТИВЫ
(Начало)**

Предисловие

Ближний Восток традиционно является зоной военно-политической турбулентности. Народы стран региона, как и в прежние десятилетия, испытывают на себе последствия острых социально-экономических, политических, демографических, экологических и иных проблем. Но даже еще в конце прошлого века едва ли кто-то мог предвидеть, насколько кардинально изменится ситуация. Прошедший 2015 г. не принес нормализации обстановки в тех странах региона, которые живут в условиях перманентных конфликтов. Информация, поступающая из многих ближневосточных государств, – без всякого преувеличения – напоминала фронтовые сводки.

Пять лет «арабской весны» показали, что западные страны и некоторые ближневосточные государства по-прежнему пытаются использовать геополитические сдвиги в регионе в своих целях, в том числе для ревизии в своих интересах существующей между-

народно-правовой системы. В своем выступлении на 70-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН (28 сентября 2015 г.) президент России В.В. Путин подчеркнул: «Агрессивное внешнее вмешательство привело к тому, что вместо реформ государственные институты, да и сам уклад жизни были просто бесцеремонно разрушены. Вместо торжества демократии и прогресса – насилие, нищета, социальная катастрофа, а права человека, включая право на жизнь, ни во что не ставятся. (...) Уже очевидно, что возникший в ряде стран Ближнего Востока и Северной Африки вакуум власти привел к образованию зон анархии, которые немедленно стали заполняться экстремистами и террористами. Под знаменами так называемого “Исламского государства” уже воюют десятки тысяч боевиков. (...) Да и само “Исламское государство” возникло не на пустом месте: его также поначалу пестовали как орудие против неугодных светских режимов. Создав плацдарм в Сирии и Ираке, “Исламское государство” активно расширяет экспансию на другие регионы, нацеливается на господство в исламском мире и не только там. Только этими планами явно не ограничивается. Положение дел более чем опасно»¹.

Положение на Ближнем Востоке имеет стратегически важное значение для России как с точки зрения обеспечения национальной безопасности и продвижения наших внешнеполитических интересов, так и в плане развития экономического сотрудничества с государствами региона. Особая роль России на Ближнем Востоке тем не менее не всем нравится, и есть влиятельные силы – и региональные, и внерегиональные, – заинтересованные в существенном ослаблении военно-политических и экономических позиций Москвы в этом очень сложном, взрывоопасном, богатом природными ресурсами районе земного шара, являющемся одним из невралгических узлов мировой геополитики. В этой исключительно непростой международной обстановке наша страна фактически возглавила борьбу с авангардом международного терроризма в лице «Исламского государства». Как заявил В.В. Путин на расширенной коллегии Министерства обороны РФ 11 декабря 2015 г., «комплексное применение сил ВКС и Военно-морского флота, использование новейших высокоточных систем оружия позволило нанести серьезный ущерб инфраструктуре террористов, тем самым позволило качественно изменить ситуацию в Сирии»².

---

¹ URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/50385>

² URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/50913>

«Исламское государство» – сложный и неоднозначный феномен. Сегодня о нем много говорится и в политической сфере, и в экспертной среде, и на обывательском уровне. В настоящем докладе делается попытка дать научное обоснование феномена «Исламского государства» и его перспектив.

Кризис традиционной государственности на Ближнем Востоке и его последствия

Нынешние границы ближневосточных государств были проведены по границам прежних протекторатов и являются в значительной степени искусственными. Это стало одной из причин того, что сегодня в регионе существует много слабых и неустойчивых государств, а также территорий, управляемых негосударственными структурами. Для региона характерны почти неразрешимые проблемы нациестроительства, фрагментированность социумов и неразвитость институтов государства.

Кризис той модели государственности, что была построена по примеру метрополий, с элементами западной демократии, зачастую декларативной, подталкивал к поиску альтернативных путей политической организации. Первыми «ласточками» стали ХАМАС и «Хезболла», которые на подконтрольных территориях фактически брали на себя функции государства, предоставляя услуги в сферах образования, здравоохранения, управления. Соответствующие формы общественной и политической самоорганизации мусульман оказались весьма действенными, а в случае «Хезболлы» – способными не только конкурировать со слабым ливанским государством, но и противостоять силовой машине израильского государства.

Однако и они не в состоянии стать реальной альтернативой государственности. Например, ливанская «Хезболла» в силу своей конфессиональной ограниченности не может восприниматься в качестве альтернативного проекта суннитской и христианской общинами этой страны. ХАМАС при декларировании приверженности исламским ценностям тем не менее пытался ориентироваться на ценности демократии и пришел к власти посредством демократических выборов. Исламистами салафитского толка такой подход воспринимается как чуждый исламским ценностям.

Неожиданный и взрывной взлет популярности «Исламского государства» (ИГ)¹ полезно рассматривать в подобном контексте поисков альтернативы традиционной государственности на Ближнем Востоке. ИГ берет на вооружение не какую-то реальную модель государства в мусульманском мире, а ту, не исходящую из политической реальности концепцию, которая развивалась в трудах исламских правоведов. Она рисует идеальное «справедливое государство» по Корану и предлагает объединить в национальное государство не нацию, а умму, т.е. сообщество верующих. Именно поэтому не имеет смысла рассматривать ИГ как государство в современном понимании. ИГ – это «даула» (арабск. обозначение государства). «В классический период истории ислама, к которому и обращен творческий дух ИГ, даула означало прежде всего династию, но никогда территорию. Даула – образование, изначально временное и довольно гибкое, оно не территориально, а суверенитет не является его характеристикой, потому что, принадлежа Аллаху, он делегируется Аллахом умме и только от уммы передается имаму, а от него – правителям более низкого ранга. В результате даула представляет собой некую политику, или потестарную систему, в принципе многоуровневую и способную организовываться по сетевому принципу»².

Таким образом, ИГ нашло оптимальную формулу легитимации среди суннитского населения Ближнего Востока, а также некоторых других регионов, потому что еще одним инструментом политического влияния ИГ является присяга на верность «халифу», которым на данном этапе является Абу Бакр аль-Багдади. В такой форме ИГ присутствует на тех территориях, на которых ему удалось получить присягу от лидеров местных боевиков или даже от отдельных боевиков – для него больше важна лояльность, чем контролируемая территория.

По-видимому, ИГ удалось убедить значительную часть суннитского населения на занимаемых территориях в своей аутентич-

---

¹ В СМИ и политической литературе используются также аббревиатуры ИГИЛ и ДАИШ (в соответствии с предыдущим названием организации – первая аббревиатура на русском языке, вторая – русская транслитерация арабского названия; ИГИЛ – «Исламское государство Ирака и Великой Сирии (Леванта)», ДАИШ – «ад-Даулат аль-Исламия фи-ль-Ирак ва-ш-Шам»).

² Кузнецов В.А. ИГ – альтернативная государственность? Чем объясняется притягательность радикалов для жителей арабского Востока // Россия в глобальной политике. – 2015. – № 5. – URL: <http://www.globalaffairs.ru/number/IG--alternativnaya-gosudarstvennost-17739>

ности «традиции» (традиции в кавычках, так как она вся умозрительна, вымышлена). ИГ удалось побороть внешние признаки кризиса традиционной государственности, используя, прежде всего, тоталитарные и террористические методы. Насколько долго эта модель сможет существовать? Этим вопросом сегодня задаются и политики, и ученые, и широкие слои общественности повсюду в мире.

О теоретических моделях «Исламского государства»

Употребление словосочетания «исламское государство» порождает ассоциации с такими понятиями, как фундаментализм и интегризм, заставляет обратиться к истокам шариата и «золотому веку» правления Мухаммеда и первых халифов.

По сути, исламские фундаменталисты исходят из того, что классическое мусульманское государство является по своей природе теократическим, и правители, отходящие от этого принципа, провозглашаются «неверными».

За последние 150 лет имели место три волны исламского фундаментализма. Первая – в XIX в. в рамках по противодействию колониальной экспансии на Ближнем и Среднем Востоке.

Новый взлет исламизма пришелся на эпоху борьбы народов Азии и Африки за независимость и самоопределение в середине XX в. Он был ознаменован выходом на арену ряда видных мусульманских теоретиков этого течения. Крупнейшие из них: Абуль Ала Маудуди (1903–1979), живший в Индии, а затем в Пакистане, чья организация «Джамаат-и-Ислами» пользуется большим влиянием и ныне; египтяне Сейид Кутб (1906–1966) и Хасан ал-Банна (1906–1949) – идеологи и создатели ассоциации «Братья-мусульмане» (далее в докладе будет также использоваться аббревиатура АБМ) в арабском мире. Они отвергали «импортные» идеи национализма, капитализма и социализма и в противовес выдвигали исламский идеал как единственно верную альтернативу развития для достижения равенства, братства и благоденствия народа.

В то время как Маудуди склонялся, как правило, к мирным, ненасильственным методам, С. Кутб связывал достижение провозглашенных целей с ликвидацией правящих прозападных режимов и установлением «порядка в рамках “Исламского государства”». Шейх Хасан ал-Банна основал в 1928 г. ассоциацию «Братья-мусульмане» и до своей смерти был ее «верховным наставником». Он разработал концепции джихада и «исламского государства».

Конечной целью Ассоциации ставилось создание в странах ислама (начиная с Египта) общества, построенного на принципах «исламской справедливости», строгого соблюдения норм, сформулированных в Коране и шариате.

АБМ прошла путь от благотворительной и просветительской организации (1928–1936) до политической, использующей методы террора как средство борьбы. Она создала разветвленную структуру, включая военизированные формирования с зарубежными филиалами. После смерти руководителей в Ассоциации произошел раскол. В эпоху Сейида Кутба – одного из лидеров АБМ, который был казнен в Египте в 1966 г. за террористическую деятельность, – сформировались два «отряда» его последователей. Представители первого выступали за неуклонное продолжение курса, выработанного Кутбом, и критиковали верхи АБМ за отход от него. Представители второго, оставаясь в рядах Ассоциации, частично отвергли его идеи как идущие вразрез с заповедями шейха ал-Банна. Движение постепенно мимикрировало и с 1980-х годов пошло по пути большей умеренности, отмежевываясь от насилия и экстремизма. АБМ действовала через сеть мечетей, благотворительных фондов, учебных заведений, вела кампании солидарности, оказания помощи и т.д.

В последней четверти XX – начале XXI в. под флагом массовых движений во всем афро-азиатском мире поднялась новая волна политизации ислама. Это обусловлено:

- увеличением числа новых адептов ислама – жителей Африки и Азии, высоким уровнем рождаемости в традиционных мусульманских обществах (по темпам прироста мусульмане значительно опережают другие мировые конфессии);

- ростом социального недовольства масс в условиях глобализации: из 40 наиболее бедных стран мира в 20 преобладают или в больших количествах живут мусульмане;

- влиянием исламской революции в Иране, которая стимулировала взлет фундаменталистских идей и исламский бум на Ближнем Востоке, радикализацию палестинского движения, «Хезболлы», других религиозных групп в арабском мире, а также в отдельных других регионах Азии;

- обострением религиозных чувств населения после неудач, которые испытывали страны Ближнего Востока в войнах с Израилем, вслед за поражением в июньской войне 1967 г., после вторжения США и Великобритании в 2003 г. в Ирак и свержения С. Хусейна, операции НАТО против режима Каддафи в Ливии в 2011 г.;

– большой финансовой и прочей помощью, поступающей в исламские страны из Саудовской Аравии, других богатых нефтедобывающих монархий. Через всевозможные организации и фонды саудовцы ведут миссионерскую деятельность в различных регионах планеты, опираясь на проповедь ваххабизма, создают сети мечетей, медресе и религиозных центров повсюду в мире, субсидируют близких им по духу приверженцев ислама;

– сдвигов в мире после прекращения «холодной войны» и распада СССР; в результате этого ряд секуляризированных режимов в арабо-мусульманском мире оказался без прежнего партнера-союзника перед лицом как Запада, так и внутренней исламской консервативной оппозиции. Следствием этого стало падение режимов в Афганистане, Южном Йемене, деформация власти в Ираке, общее ослабление левых и светских партий, течений, сужение их влияния. Отступление идеологии коммунизма нанесло удар по разного рода левым, промарксистским течениям и группам, которые традиционно противостояли исламистам на Ближнем Востоке. В итоге была отброшена возможная левая альтернатива существовавшему порядку.

Идеологический вакуум, образовавшийся после ухода этих сил, заполнили преимущественно религиозные течения, в том числе экстремистские. Они порою заимствовали тезисы и аргументы у своих противников, оборачивая их в религиозную упаковку и претендуя на главенство среди других сил в защите социальных интересов граждан.

Впрочем, подъем политического ислама в 400-миллионном арабском регионе – части полуторамиллиардного исламского мира – не означал автоматической и всеобщей радикализации этого течения. Исламистов в целом некорректно считать вечно монолитной и гомогенной массой. Политический ислам – разнороден в зависимости от региона, где зародился и пропагандируется, и несет на себе отпечаток специфики каждой страны. Здесь есть и экстремистские фракции, которые проповедают насилие и скатываются к террору. Они составляют незначительное меньшинство, но сильны заразительным радикализмом, жадной борьбой, что привлекает, прежде всего, молодежь. Следует отметить умение этих групп нащупать пульс социально уязвимых слоев общества, их динамизм, их способность организоваться – особенно по сравнению с раздробленной светской оппозицией.

С начала «арабской весны» в 2010 г. в ряде стран наблюдается взлет влияния исламистских сил. Не будучи движущими

силами этих выступлений, они оседлали революционную волну, получили свободу рук, вышли из подполья или полуподполья. Партии АБМ-ского направления смогли одержать победу на парламентских выборах в Египте и Тунисе, закрепиться в Ливии и в разрозненной сирийской оппозиции, сформировать правительство в Марокко и получить более трети мест в парламенте Кувейта. Большинство арабских аналитиков и политологов видят в риторике и идеологических тезисах этого феномена отпечатки теории и практики школы «Братьев-мусульман».

Истоки и эволюция «Исламского государства». Структура организации

Террористическая организация «Исламское государство» (ИГ), носившая до провозглашения «халифата» в июне 2014 г. название «Исламское государство Ирака и Великой Сирии (Леванта)» – сокращенно ИГИЛ, возникла в 2003 г. на фоне вторжения сил коалиции НАТО во главе с США в Ирак. В результате интервенции была уничтожена государственная структура, существовавшая при режиме С. Хусейна, включая ее важнейший элемент – Вооруженные силы. Кроме того, было нарушено и без того хрупкое равновесие между основными конфессиями страны – шиитами (около 60%) и суннитами, среди которых большинство – курды (около 20%). Ставка, сделанная американцами на шиитское большинство и марионеточное правительство во главе с Нури аль-Малики, шиитским лидером исламской «Партии Призыва», была безуспешной – если не сказать провальной. Вакуум безопасности и межконфессиональная конфронтация продолжали разрастаться. Закономерной реакцией в сложившейся противоречивой ситуации стало образование в 2004 г. нескольких филиалов «Аль-Каиды», включивших в себя и часть бывших военнослужащих армии С. Хусейна. Наиболее влиятельной среди этих группировок оказалась «Аль-Каида в Месопотамии», основателем и духовным лидером которой был Абу Мусаб аз-Заркауи – ближайший соратник Усамы бен Ладена.

После гибели аз-Заркауи в результате удара американской авиации в июне 2006 г. иракский филиал «Аль-Каиды» возглавили Абу Айюб аль-Масри и его помощник Абу Умар аль-Багдади. Под их руководством более десятка разрозненных суннитских джихадистских партизанских групп были объединены в единую структуру. Новое образование получило название «Исламское государ-

ство Ирака». До начала событий «арабской весны» в 2011 г. группировка насчитывала не более 4 тыс. человек. Ее деятельность первоначально, как отмечают некоторые источники, финансировалась нефтедобывающими странами Персидского залива Саудовской Аравией, Катаром и Кувейтом¹.

Боевики «Исламского государства Ирака» провели ряд успешных операций против иракских военных, сражавшихся на стороне натовской оккупационной коалиции. Но уже к апрелю 2010 г. американским войскам, базировавшимся в Ираке, удалось ликвидировать руководство нового исламистского образования, что привело к его значительному ослаблению. Командующий вооруженным контингентом США в Ираке Р. Одиерно рапортовал, что «Исламское государство Ирака» полностью обезглавлено, 80% боевого состава организации ликвидировано, блокированы все каналы финансирования и связи с отделениями «Аль-Каиды» в Афганистане и Пакистане².

Можно предположить, что иракский клон «Аль-Каиды» так и оставался бы заурядной исламистской группировкой, как и многие подобные образования, действующие в вакууме безопасности в горячих точках Ближнего Востока и Северной Африки на деньги зарубежных спонсоров. Никто из аналитиков не рассчитывал, что пришедший на смену ликвидированным главарям (февраль 2011 г.) командир небольшого отряда джихадистов «Собрание Шуры моджахедов» («Меджлис Шура аль-муджахедин») Абу Бакр аль-Багдади (настоящее имя Ибрагим Ауад Али аль-Бадри) через несколько лет станет главой самой мощной террористической организации начала XXI в., мимикрирующей под государственно оформленную систему.

После обострения обстановки в Сирии и Ираке в 2011 г. Абу Бакр аль-Багдади поменял тактику, перейдя на самообеспечение и самофинансирование за счет грабежей, рэкета, перераспределения фискальных потоков, захвата доходных предприятий, заложников с целью получения выкупа и т.п. Тактика оправдала себя. Сейчас, по данным российских и западных источников, «Исламское государство» насчитывает около 80 тыс. человек: 50 тыс. террористов

---

¹ Understanding the rise of ISIL / Da'esh (the «Islamic State»). The EU Parliament Briefing, 17 March, 2015; Private Donors' Funds Add Wild Card to War in Syria // The New York Times, 12.11.2013.

² Al Qaeda Leaders in Iraq Neutralized, US Says // The New York Times, 04.06.2010.

в Сирии и 30 тыс. – в Ираке. Согласно оценкам американских спецслужб, более 1 тыс. террористов пополняют ряды ИГ ежемесячно, а общее число иностранцев, воюющих на стороне организации, составляет 25–30 тыс. человек – выходцев почти из 100 стран мира¹. Еще 15 тыс. исламистов из различных экстремистских группировок присягнули на верность «халифату» в Ливии, Египте, Тунисе, Алжире, Марокко, Иордании, Турции, Йемене, Афганистане, Пакистане, Узбекистане, Нигерии, Мали, Нигере и Чаде².

ФСБ России подтвердила, что в рядах «Исламского государства» воевали к концу 2015 г. 2400 российских граждан, а Национальный антитеррористический комитет России сообщил, что в отрядах ИГ получают боевой опыт выходцы из группировки «Имарат Кавказ», а также сторонники течения «Хизб ут-Тахрир»³. Судя по тому, что свою пропагандистскую литературу «Исламское государство» издает на пяти европейских языках, там действительно немало людей, рекрутированных за пределами Ближнего Востока. По данным на ноябрь 2015 г., приведенным заместителем министра иностранных дел РФ по противодействию терроризму О.В. Сыромолотовым, под знаменами ИГ сражались более 25 тыс. иностранных террористов-боевиков, в том числе из арабских стран, Европы, России и других стран СНГ. Из России в Сирию выехали 2719 российских граждан, 160 из них уже уничтожены, 73 – вернулись и осуждены, еще 36 – арестованы⁴. Таким образом, ИГ стало центром притяжения джихадистов, мигрирующих между странами Ближнего и Среднего Востока, Северной, Западной и Восточной Африки, реально превратившись в террористический интернационал.

На территориях, контролируемых ИГ, осуществляются популистские мероприятия: бесплатная раздача медикаментов и питания, сладостей и игрушек для детей; семьи погибших боевиков получают пособия и иные льготы; принимаются жесткие меры по борьбе против расцветшей за последнее десятилетие преступности и т.п. Трансформировавшееся из филиала «Аль-Каиды» в самостоятельную организацию салафитского толка «Исламское государство» в настоящее время предпринимает шаги, в том числе

---

¹ 25,000–30,000 foreigners fighting for ISIS – Russian dep. defense minister Anatoly Antonov // RT, 05.11.2015.

² The Islamic State. The Report by Richard Barrett, Head of the UN's al-Qaida and Taliban monitoring group. – N.Y., November 2014.

³ РИА «Новости», 18.09.2015.

⁴ Независимая газета. 2015. 19 ноября. – URL: <http://www.ng.ru/news/524372.html>

военные, для объединения с сирийским отделением «Аль-Каиды» – «Джабхат ан-Нусра» («Фронт помощи»).

Группировка снискала репутацию одной из самых жестоких исламистских организаций. Террористы ИГ несут ответственность за многочисленные теракты против натовских сил на территории Ирака, массовые расстрелы иракских и сирийских военных, геноцид иноверцев и вовлечение в преступную деятельность малолетних детей. Ближайшая цель организации – создание исламского суннитского государства на территории Сирии, Ирака и Ливана, живущего по законам шариата.

«Исламское государство» громко заявило о себе летом 2014 г., когда боевики начали полномасштабное наступление на северные и западные районы Ирака. Им в течение месяца удалось взять под свой контроль несколько крупных городов, включая Мосул и Тикрит, и вплотную подойти к Багдаду. В Сирии экстремисты оккупировали северную провинцию Рака, в столице которой размещается штаб-квартира ИГ, и вплотную приблизились к основным сирийским городам (Дамаск, Алеппо, Хама и Хомс).

В конце июля 2014 г. исламисты выдвинули ультиматум: все христиане Мосула должны были либо принять ислам, либо платить джизью, либо покинуть город, что тысячи из них и сделали, перебравшись в соседнюю Курдскую автономию Ирака. После исхода христиан исламисты принялись за курдов, исконно проживавших в этом городе. Отказывавшихся выполнить их требования, включая и молодых людей, экстремисты массово и показательно казнили, в том числе закапывая заживо. Три сотни женщин были проданы в рабство. Согласно докладу Комитета ООН по правам детства, опубликованному в начале 2015 г., террористы ИГ систематически убивали детей, представлявших этнические или религиозные меньшинства, используя массовые казни, обезглавливание, распятие и погребение заживо. По данным ООН, к сентябрю 2014 г. только в Ираке в результате преступных действий ИГ погибло или было искалечено почти 700 детей. В докладе сообщалось о торговле детьми как рабами, «выставляемыми на рынке с табличками с ценой», а также о «систематическом сексуальном насилии над ними». Иногда несовершеннолетних похищали, а порой сами родители были вынуждены отдавать детей в руки джихадистов.

За несколько дней в конце июля 2015 г. боевики ИГ похитили в Мосуле более 180 детей. Подростки делали бомбы, на которых потом сами и подрывались, поскольку нередко использова-

лись как камикадзе. С января по июль 2015 г. в Сирии погибло более полусотни завербованных ИГ детей, в том числе около двух десятков стали смертниками. Мобилизованные восьмилетние, а то и младше, «львята халифата» проходят курс «молодого бойца» в сотне специально открытых детских тренировочных лагерей и школ, в том числе учатся на куклах с помощью взрослых наставников обезглавливать своих будущих жертв. Немало внимания уделяется и их религиозному воспитанию в борьбе с «шиитской ересью» или перевоспитанию, если ребенок взят, к примеру, из семьи езидов или приверженцев какой-либо другой веры. По сообщениям СМИ, функционеры ИГ через открытые специальные офисы на захваченных сирийских территориях с начала 2015 г. завербовали более 1,1 тыс. детей.

Жители Мосула из расклеенных по всему городу плакатов узнали, что должны предоставлять своих незамужних дочерей бойцам ИГ для «джихад ан-никах» – «сексуального джихада». Страждущие боевики наведывались в дома горожан в поисках вожаемой добычи. Не забыли исламисты и одиноких женщин, которые могут зарегистрировать свой брак с активистами ИГ в специально открытом для этого бюро на севере Сирии. Через несколько месяцев в мировые СМИ попала инструкция по обращению с пленными и захваченными женщинами, разрешавшая их насиловать, независимо от возраста. Среди 27 пунктов содержались также указания, как женщин можно было брать в плен, как и куда бить и можно ли торговать пленницами. Это варварское наставление зачитывали жителям подконтрольных ИГ районов вслух после пятничной молитвы.

Экстремисты захватили и центр по производству химоружия, который использовался во времена правления С. Хусейна, а затем получили доступ к радиоактивным материалам (около 40 кг соединений урана), хранившимся в научных и учебных целях в университете Мосула. В сентябре 2014 г. МИД России призвал Организацию по запрещению химического оружия (ОЗХО) провести тщательное, беспристрастное и комплексное расследование случаев возможного использования химоружия боевиками в Ираке и Сирии, которые «поднаторели в применении токсичных химикатов в качестве боевых отравляющих веществ», сваливая затем вину на сирийские правительственные войска.

Тревожные предположения Москвы вскоре подтвердились: в марте 2015 г. в боях с правительственной армией, курдскими силами «пешмерга» и ополченцами, освобождавшими Тикрит,

экстремисты применили хлорсодержащие боевые отравляющие вещества. Они же были использованы через месяц при обстреле города Ар-Рамади. В конце июля 2015 г. применение экстремистами химоружия в Сирии и Ираке против курдских ополченцев и гражданских лиц было официально подтверждено экспертами двух британских организаций – «Conflict Armament Research» и «Sahan Research». В конце августа 2015 г. боевики ИГ обстреляли химснарядами жилые кварталы города Маре в сирийской провинции Алеппо. Под давлением неопровержимых фактов к середине августа 2015 г. о «возможном применении» химоружия (иприта) боевиками ИГ против курдов в Ираке были вынуждены заговорить и американцы.

ИГ приблизилось к Багдаду на расстояние менее чем в 100 км, почти не встречая сопротивления иракской армии, на возрождение которой после своего ухода из Ирака в 2011 г. США затратили 41,6 млрд долл. В декабре 2014 г. в армейских рядах обнаружилось около 50 тыс. фиктивных солдат, средства на содержание которых оседали в карманах военных чиновников. В результате плохо подготовленные армейские подразделения при приближении отрядов экстремистов спасались бегством раньше мирных жителей, бросая боевую технику и вооружения, в том числе полученные от США.

По данным замгенсека ООН по гуманитарным вопросам В. Амос, уже к началу июня 2014 г. около 1,2 млн жителей Ирака были вынуждены оставить свои жилища, спасаясь нашествия исламистов. Через месяц ООН объявила высший, третий, уровень гуманитарного кризиса в Ираке. Через год, по данным Международной организации по миграции, число вынужденно перемещенных лиц в Ираке возросло более чем вдвое, превысив 3 млн человек.

Расширяя земли своего «государства», террористы захватили ряд ключевых КПП на границе с Иорданией. После серии громких терактов в политически и конфессионально разбалансированном Ливане там также стали нарастать опасения в связи с возможностью появления анклавов ИГ. Саудовская Аравия после нападения террористов ИГ на ее КПП на границе с Ираком решила отгородиться целой системой укреплений из заборов с колючей проволокой под высоким напряжением, рвов, датчиков движения и вышек с радарами. Укрепление должна протянуться на 965 км вдоль всей северной границы Королевства от Кувейта до Иордании.

Население территорий, находящихся под контролем ИГ, составляет от 8 до 12 млн человек¹. Вне территории Ирака и Сирии ИГ распространяется очаговым методом, и зоны его контроля напоминают «леопардовую шкуру». «Исламскому государству» удалось закрепиться в ливийской восточной провинции Барка (Киренаика). 5 октября 2014 г. Совет Шуры исламской молодежи Ливии объявил Барку территорией, находящейся под контролем ИГ. К февралю 2015 г. сторонники «халифата» установили свои порядки в Дерне, Нофалии и эль-Мабруке, а также осадили районы нефтедобычи в г. Сирт.

10 ноября 2014 г. члены террористической организации «Ансар Бейт аль-Макдис» («Защитники Дома Святости»), которая действует на Синае и насчитывает до 2 тыс. человек, объявили о провозглашении Синайского вилайета «Исламского государства». Часть боевиков «Ансар Бейт аль-Макдис», находящихся в Газе, заявили, что отныне этот район будет носить название «Исламское государство Газы». Несколько подразделений талибов, действующих на границе Афганистана и Пакистана и объединенных под руководством Хафиза Саид Хана и Абдул Рауфа, признали «халифат» и получили от аль-Багдади, соответственно, титулы «правителя» и его «заместителя» в афганской части Хорасана. О присоединении к «халифату» аль-Багдади заявили члены алжирской джихадистской группировки «Джунуд Аллах» («Воинство Аллаха»), исламистская подпольная организация «Сыновья призыва к Единению и Джихаду», действующая в Иордании, аффилированная с «Аль-Каидой» йеменская террористическая организация «Аль-Ансар аш-Шариа», исламистская террористическая группировка Абу Сайяфа на Филиппинах и в Малайзии, несколько радикальных исламистских организаций в Пакистане, а также «Исламское движение Узбекистана» (лидер Усман Гази) и ряд группировок, состоящих из иностранцев, в основном чеченцев, таджиков, туркмен, воюющих в Сирии против правительственных войск. В марте 2015 г. нигерийская исламистская террористическая организация «Боко харам» («Инородное просветительство запрещено») также присягнула на верность ИГ.

Вполне возможны попытки создания клонов «халифата» в Западной или в Восточной Африке. Такой вариант вероятен для стран «исламского африканского пояса», включающего государства

---

¹ Birke S. How ISIS Rules? – N.Y.: The New York Review of Books, December 9, 2014.

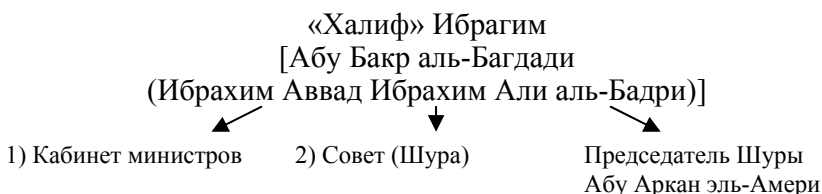
Северо-Западной Африки, Сомали, Эфиопию. Прозрачность национальных границ помогает радикальным исламистам перемещаться в этой части Африки (Сахель), искать свои ниши. Уровень межэтнических конфликтов здесь выше, чем в Северной Африке. Достаточно вспомнить историю с провозглашением в Мали в апреле 2012 г. туарегского «Независимого государства Азавад» (с территорией, в два раза превышающей размеры ФРГ и населением более 1 млн человек), контроль над которым достаточно быстро перешел к исламистам¹. В августе 2014 г. на сайте ИГ была представлена карта – изображение территорий, которые войдут в состав «халифата» к 2020 г. Как видно, в перспективе предполагается расширение «Исламского государства» до границ «классического халифата» – от Испании до Индии. В первый день месяца Рамадан, 29 июля 2014 г., ИГ объявило о создании «халифата» на контролируемой территории Ирака и Сирии. В тот же день на общем сходе сторонников организации глава иракского отделения «Аль-Каиды» Абу Бакр аль-Багдади был провозглашен под именем Ибрагим Багдадский «халифом», т.е. наместником Пророка над мусульманской общиной. В программном документе ИГ с весьма красноречивым названием «Это – обещание Аллаха» утверждается, что аль-Багдади ведет свою родословную от племени курейш, выходцем из которого был Пророк Мухаммед, и это дает ему законное право стать его преемником, т.е. «халифом». По публикациям в СМИ, «халиф» Ибрагим, сменивший форму полевого командира на одежды мусульманского богослова, в 2004 г. арестовывался американскими оккупационными властями и содержался в тюрьме «Кэмп Бука». В документах, опубликованных бывшим сотрудником АНБ США Э. Сноуденом, содержались сведения, которые могут свидетельствовать о том, что аль-Багдади сотрудничал с ЦРУ, британской и израильской разведками². «Халифат» обладает некоторыми формальными атрибутами государства. У него есть подконтрольная территория, сопоставимая с территорией Великобритании. Своя столица – г. Рака. Считается, что суннитское население на этой территории в основном поддерживает новую власть. Власть в свою очередь реализует своего рода государственную стратегию, включая и социальную политику, через представленный ниже механизм государственного управления.

---

¹ Федорченко А.В. Исламское государство: Истоки, современное состояние, перспективы // Вестник МГИМО-Университета. – 2015. – № 1. – С. 280–281.

² Former CIA Agent: The ISIS Leader Abu Bakr Al Baghdadi Was Trained by the Israeli Mossad // The World Observer, 12.08.2014.

СТРУКТУРА «ИСЛАМСКОГО ГОСУДАРСТВА»*

1) Кабинет министров:

- общее руководство;
- Министерство по делам тюрем;
- Министерство безопасности;
- Министерство финансов;
- Министерство транспорта;
- Министерство по делам иностранцев, воюющих на стороне ИГ;
- Министерство обороны.

2) Совет (Шура)

- **Военный совет** (Абу Ахмед аль-Аллауни, Абу Айман аль-Ираки, Омар аш-Шишани, Абу Али аль-Анбари);
- **Административный совет** (Абу Али аль-Анбари (Сирийские провинции), Абу Муслим ат-Туркмани (Иракские провинции));
- **Информационное управление** (Имам Абдалла аль-Джабари, пресс-секретарь Абу Мухаммед аль-Аднани);
- **Шариатский суд** – Верховный судья Абу Мухаммед аль-Аани
  - а) Верховный суд;
  - б) городские суды;
  - в) сельские суды;
- **Совет муфтиев.**

---

* Информация о структуре ИГ была получена в результате операции по уничтожению Абу Абдурахмана аль-Билави, успешно проведенной иракской разведкой в июне 2014 г. В его штаб-квартире были обнаружены документы, содержащие сведения о лицах, занимающих руководящие посты в министерствах и ведомствах «Исламского государства». Представленная выше структура ИГ составлена на основе этих документов.

У «халифа» имеются два заместителя (амиры) – Абу Муслим аль-Туркмани (отвечает за Ирак) и Абу Али аль-Анбари (отвечает за Сирию). Ему подчинены 12 губернаторов (вали) подконтрольных «Исламскому государству» районов Сирии и Ирака и кабинет министров.

В настоящее время насчитывается шесть министерств: военное ведомство (Абу Абдуррахман аль-Билави, был убит в июне 2014 г. в результате атаки иракских проправительственных войск на Мосул; пока нет сведений, кто его заменил); общей безопасности (Абу Луай Абу Али); финансов (Абу Салах, убит в результате авианалета ВВС США в декабре 2015 г.); по делам тюрем и заключенных (Абу Мухаммед); транспорта и коммуникаций (Абу Хаджар аль-Ассафи), министерство по работе с иностранными наемниками (Абу Касем). Общее руководство министерствами осуществляет Абу Абдул Кадер.

Считается, что министерства возглавляют люди, имеющие профильное высшее образование. Так, министерством финансов руководит выходец из Австралии, имеющий высшее экономическое образование и опыт работы в финансовых учреждениях. Правительственный аппарат насчитывает около 25 тыс. человек, в том числе бывших активистов партии Баас и офицеров среднего и высшего звена иракской армии. Каждый из этих людей имеет определенное направление работы или отвечает за конкретный географический район; их заработная плата колеблется в диапазоне от 300 до 2 тыс. долл. в месяц.

Исполнительные функции отводятся также Военному совету, который подчиняется непосредственно аль-Багдади. Военный совет состоит из военачальников, которые разрабатывают военные и диверсионные операции. До недавнего времени Военный совет возглавлял Абу Ахмед аль-Аллауани. По некоторым данным, после его гибели в результате авиаудара ВВС США Совет возглавил Абу Умар аш-Шишани (Тархан Батирашвили), командир чеченской группировки, воюющей в Сирии и Ираке. В Военном совете представлены также Абу Кифах, который отвечает за планирование и проведение операций с использованием взрывчатых материалов и взрывных устройств; Абу Шема, отвечающий за обеспечение военных частей довольствием и боеприпасами; Абу Суджа, ведающий вопросами оказания помощи и поддержки семьям погибших, вдовам и сиротам.

Представительские и консультативные функции – прерогатива Совещательного совета «Исламского государства» (Шура),

состоящего из 11 полевых командиров и мусульманских богословов, которые рассматривают каждое решение губернаторов и министров на предмет их соответствия нормам шариата. Члены Совета Шуры, назначаемые лично аль-Багдади, также решают вопросы, связанные с кадровыми назначениями. Возглавляет Совет Шуры Абу Аркан аль-Амири, который считается лицом, наиболее приближенным к «халифу».

Особая роль в руководящих органах ИГ отводится Совету муфтиев, состоящему из трех религиозных авторитетов, которые решают вопросы, касающиеся шариата и шариатского суда. Верховный суд возглавляет Абу Мухаммед аль-Аани. Ему подчиняются городские и местные суды. В целях защиты местного мусульманского населения от внешней зависимости и инородных религиозных и культурных влияний Совет муфтиев направляет деятельность исламской полиции (аль-шурта аль-исламия) – своеобразной полиции нравов. Это учреждение держит под контролем рынки, школы, мечети, пункты общественного питания, АЗС и прочие места большого скопления людей. Исламская полиция следит за тем, чтобы магазины закрывались во время мусульманских молитв и праздников, женщины и мужчины одевались в соответствии с мусульманскими традициями и т.п. Нарушители доставляются в тюрьмы, где их ожидает суд, руководствующийся в своих решениях законами шариата и адата (свод традиционных средневековых обычаев). Под контролем Совета муфтиев ИГ находится также сеть религиозных школ, которые являются одновременно центрами по пропаганде идеологии джихадизма и вербовки новобранцев для военизированных формирований. Диван (список) учебных заведений был утвержден одним из первых указов «халифа» аль-Багдади.

Важным звеном в организационной системе является информационное управление. Центральной фигурой в разветвленной структуре СМИ «Исламского государства» является Мухаммед аль-Аднани аш-Шаами. Обычно именно он делает официальные видео-обращения от лица аль-Багдади или от имени ИГ. В распоряжении аш-Шаами находится довольно мощная пропагандистская машина, включающая четыре подразделения: «Al-Furqan Institute for Media Production» – основное информационное бюро «Исламского государства»; «Al-I'tisam Media Foundation» представляет собой студию по производству фильмов и другой видеопродукции; «Al-Nayat Media Center» издает печатные материалы на иностранных языках, которые рассчитаны на зарубежного потребителя,

в том числе многотиражный журнал «Дабик»¹, и «Al-Ajnad Media Foundation», специализирующийся на распространении исламских песен, музыки и поэзии, приемлемых с точки зрения шариатских норм и морали для мусульманской аудитории². В различных провинциях Сирии и Ирака функционируют также местные инфор-бюро, оказывающие в печатном или электронном формате пропагандистское и психологическое воздействие на массовое сознание. Медиаиндустрия «Исламского государства» ежемесячно тиражирует около 2 тыс. наименований различной аудио- / видео- и печатной продукции.

В руководящих органах самопровозглашенного халифата доминируют в основном иракцы и сирийцы. Однако среди полевых командиров и чиновников на руководящих должностях в информационно-пропагандистских структурах и министерстве по работе с иностранными наемниками есть также чеченцы, туркмены, албанцы, боснийцы, йеменцы, граждане арабских стран Персидского залива и даже выходцы из США и Европы. Так, например, ведомство по вербовке иностранцев с использованием Интернета и других современных видов коммуникации возглавляет некий Ахмед абу Самра – выходец из США.

Известный британский эксперт по Ближнему Востоку Ф. Гарднер сообщает, что ИГ довольно быстро удалось наладить работу служб по ремонту дорог, мостов, разрушенных зданий, обеспечить охрану захваченных территорий и бесперебойное снабжение населения продуктами питания, медикаментами, топливом, водой, электроэнергией, газом и бензином, открыть сеть шариатских школ³.

Очевидно, что «Исламское государство» – весьма гибкая, относительно жизнеспособная и быстро восстанавливающаяся в критических условиях структура, имеющая горизонтально-сетевую конструкцию и способная выйти за пределы ныне существующих границ «халифата».

---

¹ Дабик – название города в Сирии, где в соответствии с исламской традицией произойдет решающая битва между мусульманами и неверными.

² ISIS: Portrait of a Jihadi Terrorist Organization. Tel Aviv: The Meir Amit Intelligence and Terrorism Center. November 2014.

³ Gardner, Frank. «Jihadistan»: Can Isis militants rule seized territory? // BBC News, 08.06.2014.

Идеология, идейный арсенал и идейная практика

Как минимум с 2004 г. группировка ставила своей целью создание религиозного исламского государства, причем именно в форме «халифата», который управляется религиозными властями во главе с «халифом», признающим себя преемником Пророка Мухаммеда, его «заместителем». Объявление халифом аль-Багдади в июле 2014 г. требовало серьезных оснований, которые были изложены в специальном манифесте «Это обещание Аллаха», в котором новоявленный халиф провозглашен выходцем из семьи Пророка: из племени курайш и рода хашим, как и Пророк Мухаммед¹.

Объявление аль-Багдади халифом формально давало ему право требовать полного подчинения всех мусульман мира. Опубликованный ИГ манифест объявлял: «Законность всех эмиратов, групп, государств и организаций становится ничтожной через распространение власти халифата и прибытие его войск на их территории»².

То, каким образом была обоснована правомочность претензий аль-Багдади на халифат, однозначно говорит об ИГ как о суннитской организации. Однако более четко определить идеологию ИГ очень трудно из-за ее эклектичности. Большинство экспертов определяют идеологию ИГ как «салафитскую», «салафитско-джихадистскую», или как «суннитский исламизм». В то же время весьма симптоматично, что большинство салафитских группировок не признало ИГ не только «халифатом», но даже считает этот проект антиисламским.

Есть версия, согласно которой идеологические корни ИГ можно проследить в идеологии ваххабизма. В подтверждение этого ссылаются на широкое использование ваххабитских религиозных учебников в школах на территории, контролируемой ИГ³. Эта версия имеет под собой определенные основания: ранние группировки, позднее образовавшие ядро ИГ, составили филиал «Аль-

---

¹ «This is the promise of Allah». Alhayat Media Center. P. 5. Published in: <http://msnbcmedia.msn.com/i/MSNBC/Sections/NEWS/z-pdf-archive/20140629-isil-manifesto.pdf>

² Ibidem.

³ David D. Kirkpatrick. ISIS' harsh brand of Islam is rooted in austere Saudi creed // The New York Times, 24 September 2014.

Каиды в Ираке», «Аль-Каида» же была создана выходцами из Королевства Саудовская Аравия, воспитанными на ваххабитской идеологии.

Для понимания ваххабитских корней идеологии ИГ следует учитывать, что появились признаки мутации современного ваххабизма в КСА, и он ныне не столь един, как прежде. Наряду с «классическими ваххабитами» там появилось довольно много других групп. В связи с влиянием на идеологию ИГ интересна группа ваххабитов-«джихадистов». Эти люди разошлись с остальными ваххабитами в вопросе методов: они считают, что сегодня необходимо всем мусульманам без исключения вести оборонительный джихад, поскольку они (мусульмане) везде якобы подвергаются агрессии. Идеологи этой группы ваххабитов поддерживают «Аль-Каиду», тесно сотрудничая с ней. Саудовский режим вначале успешно вытеснял их за пределы королевства. В частности, действия джихадистов в Афганистане в период советского военного присутствия в этом государстве отвечали интересам и КСА, и США. После вывода советских войск джихадисты обосновались и в других странах. Однако к 2000-м годам они стали покушаться уже на устои самого КСА, что вызвало ответные репрессивные меры саудовского режима. Именно тогда их лидеры – шейх Мухаммед аль-Кахтани, известный мухаддис (знарок хадисов) шейх Сулейман аль-Ульван, шейх Абу Мухаммед аль-Макдиси – были отправлены за решетку. Последний – духовный наставник аз-Заркави, стоявший у истоков ИГ. Всех этих «лидеров» и их последователей обычно называют «хариджитами», подчеркивая не только их непримиримость и крайность в вопросах, касающихся веры и религии, но и их «сектантство». Имея корни в этом крыле ваххабитского движения, идеология ИГ пошла настолько дальше, что даже самые крайние идеологи ваххабитов-«джихадистов» стали отказывать им в легитимности.

ИГ следует экстремистской интерпретации ислама, оправдывает насилие религиозными соображениями, а также объявляет всех, кто не принимает его интерпретацию ислама, неверными и отступниками. Эта группировка ратует за возвращение к порядкам первых веков ислама, что нашло отражение в символах ИГ. В частности, на официальном флаге черного цвета расположена печать Пророка Мухаммеда со словами «Мухаммед посланник Аллаха», а над ней расположены слова «Нет Бога, кроме Аллаха». Помимо прочего, это должно подчеркнуть, что ИГ является полным и единственным преемником халифата времен четырех пер-

вых «праведных» халифов. Все последующие халифаты после первых четырех «праведных» халифов, в том числе и последний, Османский халифат, обвиняются в том, что отступали от чистоты первоначального ислама, внося в него различные «непозволительные» новшества. Современные мусульмане, которые, по мнению идеологов ИГ, забыли Божественный Закон и следуют в большинстве своем светскому праву национальных государств, являются неверующими. В эту же категорию ИГ относит и современную саудовскую королевскую фамилию, и правительство КСА.

Только халифат ИГ, считают его основатели, имеет легитимный характер впервые со времен «праведных» халифов. «Легитимности» придается большое значение, потому что, согласно их идеологии, только легитимная с точки зрения исламского права власть имеет право претендовать на лидерство в вооруженном джихаде, т.е. быть первой относительно других групп джихадистов, воюющих на других территориях, и, соответственно, располагать их людскими, финансовыми, военными ресурсами. Следует отметить, что с такой ситуацией Россия уже сталкивалась, когда джихадисты в Чечне во главе с Шамилем Басаевым под этим предлогом требовали от сочувствующих им мусульман по всему Северному Кавказу присоединения к ведущимся ими боевым действиям (которые они описывали как «джихад»).

В идеологии ИГ большое значение имеет эсхатология: идеологи ИГ в своей пропаганде утверждают, что ожидается прибытие исламского Мессии – Махди – буквально в ближайшее время. Идеологи ИГ избрали в качестве наименования «официального» электронного издания название сирийского города Дабик, который в одном из хадисов назван местом последней битвы мусульман с «римлянами» (идеологи ИГ также используют в этом смысле слово «крестonosцы»)¹.

Идеология и практика ИГ подвергается жесткой критике даже со стороны самых влиятельных джихадистских богословов. Они критикуют ИГ как насильственное образование, а его самопровозглашенный «халифат» как абсолютно ничтожный². Салафитские джихадистские муфтии Аднан аль-Арур и ат-Тартуси вообще отказывают ИГ в принадлежности к суннитам, считая их

---

¹ Why Islamic State chose town of Dabiq for propaganda. In: BBC. 17 November 2014. – URL: <http://www.bbc.com/news/world-middle-east-30083303>

² David D. Kirkpatrick. Ibidem.

современными хариджитами, отошедшими от суннизма и служащими антиисламским силам¹.

Идеи ИГ получили широкую огласку во многом благодаря изворотливости пропагандистского аппарата этой организации, прежде всего использованию технологических новинок в сфере сетевых мультимедиа, хорошо зарекомендовавших себя в ходе «арабской весны».

Ныне функционирует более 650 спутниковых арабских телеканалов. Поток джихадистских идей льется из десятков местных телеканалов клерикальной направленности. Многие медиаресурсы в погоне за сенсацией афишируют людей с бородами, в черных чалмах, разгоняя по всему миру волну информации о них. При их поддержке водоворот событий выносит исламистов на уровень медиазвезд или в ранг лиц, принимающих политические решения.

Риторiku пропагандистов отличает высокий эмоциональный накал. Она взвинчивает людей, подстегивает их чрезмерную самооценку и уверенность в превосходстве над иноверцами, разогревает ненависть к инакомыслящим. Постоянные напоминания, что мусульмане – носители последнего откровения Всевышнего, утверждают у них представление о том, что причина всех бед лежит не в неспособности принять современность и адаптироваться к ней, а в недостатке истинной веры.

Одна из главных идеологических опор ИГ – направленность против «тирании и деспотизма» как врагов верующих. Эти тезисы вбрасываются, чтобы завоевать популярность у всех недовольных и ущемленных людей. Многие арабские эксперты сходятся в том, что ИГ идет по стопам афганских талибов. Подобно талибам, рекрутируется масса молодых людей из среды малообразованных маргиналов. Их стало больше из-за ухудшения социально-экономического положения в странах «арабской весны». Проповедники ИГ делают ставку на то, чтобы канализировать социальный протест населения, особенно молодых людей, в ненависть на сектантской почве, толкают молодежь к джихаду во имя «борьбы против безбожных властей». Безбожие (куфр) последних состоит в том, что они отошли от заповедей ислама, «правильного пути», стали носителями «иностранных идеологий».

Для оправдания своих идеологии и практики деятели ИГ постоянно ссылаются на Коран и другие священные для мусуль-

---

¹ Jihadist ideology: The slow backlash – sunni religious authorities turn against Islamic State // The Economist. 6 September 2014.

ман источники. Они искусно выхватывают цитаты, искажают их, умышленно игнорируя другие суры и хадисы. Такой стиль выборочного использования отдельных фрагментов и представление их в качестве истин в последней инстанции не нов. Он применяется многие века.

Казуистика – один из приемов идеологов ИГ. Например, они часто цитируют 9-ю суру Корана, где говорится: «Убивайте язычников, где бы они не были». Так они стремятся концептуально обосновать праведность борьбы против «безбожников», еретиков и иноверцев, оправдать массовые казни.

В ответ современные эксперты по шариату утверждают, что это относится к специфическим обстоятельствам и цитируют положение о том, что в вере «не может быть принуждения». Они напоминают о многовековых традициях милосердия, сохранения жизни и защиты невинных и пленных в ходе вооруженных конфликтов и войн, закрепленных канонами шариата.

В арсенале исламистской верхушки и конспирологические объяснения причин своих ошибок или просчетов, возложение вины за все промахи на внешние силы. Их тирады полны указаний на происки организаторов заговоров, которые плетутся в мире, особенно западном.

Однако и здесь исламисты блефуют, ибо в Коране есть сура, вещающая, что верующим в поисках причин своих неудач нужно прежде всего глубоко разобраться в собственных действиях и поступках.

Порою может создаться впечатление алогичности, иррациональности и безрассудности выходов и риторики ИГ. Особенно это касается призывов к массовым расправам над единоверцами, а также хладнокровным убийствам гражданских лиц, что показали организация взрыва на борту российского гражданского авиалайнера над Синаем, недавние теракты в Париже и в Бамако. Однако всё это – в рамках идеологических догм и построений ИГ. Узловой тезис – избранность ИГ как защитника Машрика (востока арабского мира) от внешних и внутренних врагов. Внешний враг – «Америка, шиизм и арабские правящие режимы». Внутренний – «нетвердый» мусульманин, зараженный вирусом секуляризма, угрожающего самой природе веры. Таким образом, организация следует концепции джихада против двух зол – «врага близкого» и «врага далекого». Близкий – местные коррумпированные правительства и ренегаты, далекий – Запад и Израиль.

Выбор приоритетов на этой войне меняется в зависимости от реальных условий и поставленных задач. «Поход против Израиля, за освобождение Палестины» начнется лишь после того, как будут вытеснены «еретики и лицемеры» (те, кто не входит в ИГ), снесены «идолы – нефтяные семейства, поставленные у власти империализмом»¹. Цель борьбы против близкого врага – утратить всех несогласных, заставить их подчиниться и признать силу ИГ.

Убийства же гражданских лиц из числа европейцев, которых они именуют «крестоносцами», только способствуют повсеместному росту исламофобии. Это как раз соответствует замыслу ИГ – сделать мусульман, живущих за пределами исламского мира, своего рода заложниками. ИГ заинтересовано в геттоизации мусульманских диаспор. Тогда будет легче поставить их под свой контроль, сделать своеобразным инкубатором, распространять там свою доктрину, готовить кадры.

Очевидна тактика ИГ – придать исламу кровавый имидж, чтобы запугать европейцев, разжечь антимусульманский психоз и «приватизировать» ислам для манипулирования им в своих целях. Из «халифата» непрерывно следуют безапелляционные заявления о грядущей победе ислама над Европой и США, о скором приходе «гегемонии над всей планетой».

В мировоззренческом пространстве сегодня наблюдается острое идейное противоборство между ИГ и подобными ему организациями и их оппонентами.

Практически все официальные религиозные инстанции Ближневосточного региона открестились от нового «халифата», его воззрений и практики. Вместе с тем в исламе нет единого и общего духовного центра или общепризнанного авторитета, чьи решения или рекомендации были бы обязательны или хотя бы авторитетны для всех верующих. Мусульманин общается со Всевышним напрямую, без посредников. В исламе отсутствует иерархия священнослужителей, которая следила бы за правильностью понимания и исполнения верующими религиозных предписаний. Поэтому отдельные люди берут на себя право самостоятельно оценивать ситуацию, проблемы современной жизни и общества через призму исламского учения. Они по-своему трактуют их, делают выводы, которые представляют их частное суждение,

---

¹ «Коран» ИГ // Аль-Масрий Аль-Яум. 2014. 11 июля. – URL: <http://www.almasryalyoum.com/news/details/480754>

зачастую противоречащее мнению официальных религиозных авторитетов.

Марокканский исследователь ислама Идрис Канбури считает «пагубным» чрезмерную политизацию ислама, наблюдаемую в последние десятилетия. Она была вызвана тем, что современные национальные государства лишили богословов их традиционной функции, которая вверялась в их руки, – реформирование ислама. Образовавшуюся здесь брешь заполнили разные исламские движения, которые действовали зачастую нелегально. В их риторике тематика Исламского государства заняла несоразмерно доминирующее место. Усилиями мыслителей этих исламских организаций, в особенности АБМ, был сотворен целый компендиум сочинений, в которых прославляется «Исламское государство», религия интерпретируется через призму государства и проклинаются современные режимы. Результаты такой политизации ударили по самому исламу, ослабили его, открыли врата для возвращения конфессиональной и сектантской дискриминации, для возвышения одних общин над другими.

Сегодня в СМИ, академических кругах стран Ближневосточного региона идет дискуссия о корнях, идейных истоках, угрозах ИГ, путях противостояния ему. Разброс оценок и мнений арабских политологов и аналитиков о продолжительности и перспективах существования «халифата» весьма широк. Часть их считает, что это образование обречено на исчезновение, ибо оно действует вопреки логике и региональному мейнстриму. Есть мнение, что нынешняя коалиция «исламского государства» распадется из-за противоречий, существующих между ее разнородными компонентами. Базовая ваххабитская установка на борьбу с «безбожием» расходится с кредо наследников партии Баас с ее светско-национальным уклоном, что провоцирует трещины в альянсе временных партнеров¹.

Шейх Набилль Наим – один из бывших главарей джихадистов, основатель организации «Аль-Джихад» в Египте, предсказывает раскол в рядах ИГ ввиду соперничества в борьбе за «идейную чистоту» рядов. Элементы, выставяющие себя наиболее тверды-

---

¹ Государство Мосул и возвращение Османско-омейядского альянса // Аль-Муватыньюс. 17 июня 2014. 17 июня. – URL: www.almowatennews.com/index.php/2013-04-19-21-35-13.html

ми в вере, сталкиваются с другими, «мягкотелыми, менее преданными учению», что чревато конфликтом¹.

Другие исследователи осторожны в оценке будущего ИГ: процесс конфронтации с ним может затянуться. ИГ действует расчетливо, а не анархистскими методами. Организация уже превзошла талибов по числу иностранных бойцов, прибывших в том числе из Европы и воюющих ныне на ее стороне. ИГ провозгласило себя наследником халифата, на что не решилась пойти даже «Аль-Каида».

Международная коалиция против ИГ лишь добавила ему авторитета в глазах единомышленников из близких исламских групп в разных концах региона, – утверждает основатель Фронта «Васатья» по противодействию экстремизму в Египте С. Аль-Касми, чья организация создана как идеологический противовес ИГ². Некоторые эксперты полагают, что на данном этапе жизненная среда для укрепления и распространения воззрений ИГ остается и через некоторое время возможно появление аналогичных новообразований. Практически во всех странах ислама он объявлен государственной религией.

В регионе завязан тугой клубок противоречий интересов, что предопределяет непредсказуемость течения процессов и в некотором роде также способствует существованию ИГ.

Иран стоит на стороне правительств в Багдаде и Дамаске, вступивших в схватку с отрядами ИГ, и оказывает им разнообразную помощь, в том числе военную. В Тегеране считают своим религиозным долгом защищать святыни шиитов, расположенные на территориях Ирака и Сирии, в том числе силовыми методами, от налетов проваххабитских элементов.

Турция, поддерживая ряд фракций сирийской оппозиции, борющихся за свержение президента Б. Асада, содействует военным действиям ИГ против национальной армии Сирии. Оживают старые османские мечтания о возвращении Мосульской области, на которую Анкара претендовала после окончания Первой мировой войны.

Саудовская Аравия поддерживает и спонсирует ряд исламских оппозиционных организаций и отрядов, которые воюют против сирийского правительства, что также на руку ИГ. Королевство

---

¹ ИГИЛ: Басня о государстве и правда об отрядах наемников // Аль-Араб. 10 ноября 2014. – URL: www.alarab.co.uk/?id=40037

² Там же.

клеймит Иран за его участие на стороне Багдада в действиях против ИГ. Эр-Рияд крайне обеспокоен проблемой баланса сил между шиитами и суннитами в Ираке. Саудиты полагают, что от Тегерана исходит угроза для КСА и других арабских стран, где имеются шиитские анклавы. Духовные и идеологические воззрения шиитских меньшинств близки к Ирану, и последний, как считают в Эр-Рияде, подстрекает шиитов к выступлениям против существующих властей.

Расхождения по суннито-шиитской оси чреватые критическим обострением отношений между Саудовской Аравией и Ираном с перспективой полной реконфигурации региона.

Правящая Хашимитская династия Иордании и палестинские круги традиционно ориентируются на суннитскую общину Ирака. При этом Иордания официально вступила в международную анти-террористическую коалицию и ее Военно-воздушные силы участвуют в налетах на объекты ИГ в Сирии и Ираке.

Руководство Кувейта опасается слишком большого крена своего иракского соседа в сторону шиитского Ирана, а также проникновения в Кувейт экстремистов из ИГ и воздействия их идеологии на свое население. Создается впечатление, что в настоящее время террористическая угроза в лице ИГ для Кувейта более опасна, чем усиление Ирана. Стремясь к поддержанию баланса сил в регионе, Кувейт рассматривает Иран как сдерживающую силу «баасистско-игиловского» сегмента в Ираке и, судя по всему, предпочел бы не допустить разрушения государственных структур в Сирии.

В целом же, и с этим согласны практически все исследователи, в арабском и – шире – в исламском мире влияние политического ислама не снижается. Лозунг «ислам – вот решение» остается весьма популярным и находит отклик в общественном мнении, в воззрениях политического истеблишмента Ближневосточного региона. Его апологеты тщатся представить себя защитниками национальной идентичности, перехватить популярные тезисы у национально-патриотических сил, эксклюзивно диктовать свое видение ислама.

Одновременно в динамике исламизма возможны приливы и отливы. Дифференциация внутри этого течения, как можно полагать, продолжится, будет нарастать тенденция размежевания между умеренными и крайними фракциями. В самом лоне ислама исторически укоренилась разделенность на секты и братства, для обществ стран Персидского залива, Ливии, Судана по-прежнему

характерен отпечаток родоплеменных отношений, к тому же существуют вкрапления неарабских общин.

Камнем преткновения остается вопрос о том, в какой мере ислам может быть вовлечен в принятие политических решений, особенно в части проблем развития. Как эффективно отделить религию от мутного потока сил, которые под исламскими знаменами рвутся к власти и деньгам? Некоторые исследователи полагают, что исход идейной конфронтации с ИГ зависит от выдвижения и укоренения течения так называемого срединного, умеренного ислама (Васатия).

Пробивает себе дорогу и направление в общественной мысли, призывающее к консолидации в идеологическом противоборстве с ИГ. Раз ИГ, считают его сторонники, опирается на исламистскую идеологию, то нужно вырвать знамя ислама из рук тех, кто присвоил право действовать от имени всех верующих и провозгласил где-то в пустыне «халифат»¹27. На архаичное прочтение религии следует ответить ее современным прочтением – говорят приверженцы «здоровой консолидации» в исламе.

Очевиден и запрос на светское мировоззрение, опирающееся на объективные знания и опыт. Однако культурная секулярная элита, как правило, раздроблена на группы, от сторонников арабского единства до левых, и испытывает явный дефицит объединяющих символов. Пока такая элита оказывается неспособной составить конкуренцию другим идейным потокам, в том числе и в силу господства архаичных социальных отношений, освященных религией. Последние – во многом определяют менталитет широких слоев мусульман, их поведение и политическую культуру.

(Окончание в следующем номере.)

*«Аналитические доклады
(Институт международных исследований)
МГИМО (У) МИД», М., 2016 г., вып. 1 (45), с. 5–44.*

---

¹ В раннем Средневековье арабы на обширных территориях создали свое государство – Арабский халифат. Эта мусульманская империя достигла своих максимальных размеров в VII–VIII вв., простираясь от Пиренеев на западе до Индии на востоке. Она внесла существенный вклад в развитие мировой культуры и временами доминировала в тогдашней Европе. Обращение к истории является важным мотивом самосознания и мировоззрения арабов в прошлом и настоящем. История вдохновляет многие современные мусульманские организации, группы и движения, которые широко используют препарированные исторические сюжеты в идеологическом дискурсе и в политике.

МУСУЛЬМАНСКИЙ МИР: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ФИЛОСОФСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

Р. Гайнутдин (Гайнутдинов),

кандидат философских наук,
председатель Духовного управления мусульман
Российской Федерации, председатель Совета
муфтиев России (Московский исламский институт)

МУСУЛЬМАНСКАЯ МЫСЛЬ

ПОСЛЕ МУСЫ БИГИЕВА:

В ПОИСКАХ СИНТЕЗА КОРАНИЧЕСКОГО

ОТКРОВЕНИЯ И СОВРЕМЕННЫХ ТРЕНДОВ*

Выдающийся теолог, интеллектуал с нестандартным мышлением и со своим видением многих проблем, Муса Бигиев – один из самых ярких и неординарных представителей татарской богословской мысли. Российский мусульманин Бигиев формировался на стыке культур и смог гармонично соединить в себе европейскую, российскую, арабскую, тюркскую и персидскую традиции образования. Признавая боговдохновенность и высший авторитет Корана, он также активно обращался к материалам современных ему науки и философии. Бигиев предлагал совместить знания Корана, хадисов, всего лучшего из правовых школ с современным знанием. В конце жизни он отмечал: «Во всем, что я говорил и писал, имелась одна цель: спасти разум и мысль от рабства, утерпеть наши желания и волю, иными словами, – дать разуму свободу, воле – силу»¹.

---

* Статья представляет собой переработанный текст доклада, прочитанного 18 мая 2015 г. на пленарном заседании II Международной научно-образовательной конференции «Бигиевские чтения» на тему: «Мусульманская мысль в XXI веке: Единство традиции и обновления» (10–19 мая 2015 г., г. Санкт-Петербург).

¹ Бигиев М. Избранные труды. В 2 т. Т. 1. – Казань, 2005.

Муса Бигиев продемонстрировал своим примером, что рациональное познание органично вписывается в ислам. Вопреки распространенным предрассудкам, ислам – это религия убеждения на основе веры и рационального познания, религия повседневной и религиозной практики, основанной на разумном, рациональном подходе. Поскольку «ислам» дословно означает «смирение перед Всевышним» и именно в этом значении данное слово в основном употребляется в Коране, то можно утверждать, что Аллах принимает смирение, основанное на разуме, разумных мыслях, поступках и вере.

Коран призывает нас к дискуссии, к разумному обсуждению вопросов веры: *«Призывай на путь Господний [Словом] мудрым и увещеванием добрым, веди с ними диалог наиболее образнейший»* (16:125)¹.

Коран предостерегает нас от насильственного и необдуманного обращения в свою веру: *«Если бы Господь того захотел, все, кто на земле, уверовали бы; Неужто станешь ты заставлять людей Насильственно обращаться в веру?!»* (10:99). *«Нет принуждения в вере / религии»* (2:256).

Апелляция к разуму (по-арабски, *акл*) в делах веры и познания пронизывает весь текст Священного Корана. Познание через разум, согласно Писанию, является естественным дополнением к познанию через откровение. Эти два способа познания ассоциируются в Коране с «книгой» (*китаб*) и «мудростью» (*хикма*) или «разумом» (см. аяты: 16:125; 2:269; 2:129, 231; 3:164; 4:54; 62:2). Грешники, проигнорировавшие оба способа, будут каяться во время Страшного суда: *«Если бы мы послушались, если бы мы разуме-ли, не оказались бы среди обитателей Ада!»* (67:10). Такая внимательность к разумному познанию подтверждается и хадисами. В хадисе, пользовавшемся большой популярностью у суфиев, мы находим, что именно разум был первым творением Аллаха, и, взглянув на свое творение, Аллах изрек: *«Клянусь величием Своим, не создавал Я ничего, что было ближе для Меня, чем ты. Тобой я изымаю, тобой я одаряю, тобой я награждаю и наказываю»*.

Классические мусульманские культуры по всему миру характеризовались культом знания и разума, и это имело место задолго до расцвета новоевропейского рационализма. Легче всего

---

¹ Здесь и далее перевод Корана дается по изданию: Кулиев Э.Р. Коран. Смысловый перевод и комментарии Э.Р. Кулиева. – М., 2003.

это понять, взглянув на философию, ведь именно философия является квинтэссенцией разумного познания, синтезом всех наук и основой целостного мировоззрения.

В классический период в арабо-мусульманском регионе были созданы великие системы Ибн Сины, Ибн Араби, аль-Газали, аль-Кирмани и др. Эти системы включали в себя весь массив знаний своего времени, притом не только естественную науку, но и метафизику, этику, эстетику, логику, поэтику. Однако, восхищаясь их величием, невольно задумываешься о том, что эпоха больших систем закончилась. В Новое время мы наблюдаем кризис мусульманского мышления. В лучшем случае – это пересказ и комментирование классиков, в худшем – отсутствие самой философской и разумной рефлексии, всплеск иррационализма и радикализма.

Особенно удручает современное положение дел. Много ли можно вспомнить крупных мусульманских мыслителей нашего времени?

Да, в России величайшего уважения достоин Тауфик Ибрагим. В европейском интеллектуальном пространстве, несомненно, заметной фигурой является Тарик Рамадан. В Иране специфическую версию мусульманского традиционализма разрабатывает Сейид Хоссейн Наср¹.

Но все это отдельные мыслители, рассеянные по миру. Надо признать, что разрабатываемые современными мусульманскими философами системы не интегральны, они, как правило, сосредоточены на частных вопросах. Нет ничего сопоставимого по масштабу, например, с системой аль-Газали или, если обратиться к европейскому региону, с системой Гегеля. А между тем мусульманское мышление требует интегральности, поскольку весь мир является знаменем Аллаха, и нет такой области, которая не нуждалась бы в осмыслении.

Как ни грустно признавать, но сам факт, что в учебные пособия по философии XX в. редко попадают мусульманские мыслители, действительно отражает реалии уммы. Мусульмане могли бы сделать значительно больше для того, чтобы громко заявить о себе

---

¹ См. фундаментальные труды: Ибрагим Т.К. Коранический гуманизм. Толерантно-плюралистские установки. – М., 2015; Ramadan T. Islam, the West and the Challenges of Modernity. – Leicester, 2001; Nasr S.H. Islam in the Modern World: Challenged by the West, Threatened by Fundamentalism, Keeping Faith with Tradition. – Harper One, 2011.

на философском поле, чтобы ответить на призыв Корана к разумной вере, помочь объяснению послания Аллаха языком философии, раскрыть глубинные смыслы Корана людям Запада.

Да, в XX в. было много примеров, когда европейцы обращались к источникам мусульманской мысли – но классического периода. Можно упомянуть школу интегрального традиционализма (Р. Генон, Ф. Шуон, Т. Буркхардт), вдохновлявшуюся суфийскими философами, прежде всего Ибн Араби¹. Однако обращенность этих европейцев к исламу была обусловлена кризисом духовности на самом Западе, который в поисках нового «восточного» опыта прибегнул к трудам мусульманских интеллектуалов. Можно ли это поставить в заслугу современным мусульманам?! Увы, мусульманский мир в Новое время оказывался не всегда предрасположен к глубокому философскому творчеству.

Как отмечал в свое время крупный политический и духовный лидер Ирана Сейид Мохаммад Хатами, «то, что золотой век исламской цивилизации уже миновал, не означает, что Коран и ислам также увяли». «Мы, мусульмане, – утверждает Хатами, – считаем, что должны хранить свою веру в Коран и подлинный ислам и одновременно искать новые ответы на возникающие сегодня вопросы на основе нашей религии»².

Полагаю, что пришло время всерьез задуматься о перспективах мусульманской философии, иначе придется признать, что мусульмане игнорируют призыв Корана к разумной вере и целостному мирозерцанию. Несмотря на величие былых систем, мы не можем довольствоваться ими в полной мере, поскольку знание, накопленное человечеством к нашему времени, существенно отличается от того, что было известно в классическую эпоху. Очевидно, именно этой идеей руководствовался Муса Бигиев, и здесь мы являемся продолжателями его дела.

Итак, какие темы являются ключевыми и где нам следует искать точки соприкосновения между кораническим откровением и философской мыслью? Позвольте обозначить несколько общих вопросов.

Первый – возможна ли философия в исламе? И шире: каково соотношение мусульманской философии и немусульманской /

---

¹ История этой неоднозначной школы рассмотрена в монографии: Сэдживик М. Наперекор современному миру: Традиционализм и тайная интеллектуальная история XX века. – М., 2014.

² Хатами М. Ислам, диалог и гражданское общество. – М., 2001. – С. 78.

нерелигиозной философии? Как было сказано ранее, необходимость философии, понятой как интегральная наука и основа целостного мировоззрения, вытекает из положений Корана о разумном познании. Коран учит разумному постижению мира. Все, что согласуется с разумом, является истинным, а значит – восходит непосредственно к Аллаху, ведь его атрибутом выступает «истинность», *аль-хаqq*. Мне кажется, мусульманам следует двигаться в русле такого понимания.

Второй вопрос связан с классической теологической проблематикой, намеченной еще в ранний период развития исламской мысли. Сюда относятся проблемы понимания Аллаха, соотношения Аллаха и мира, происхождения мира, природы человека, предопределенности. Коротко говоря, метафизика и антропология в самом широком смысле. Нужно выяснить, позволяет ли кораническое откровение лучше понять современное научное знание; и наоборот, позволяет ли современное знание лучше уяснить отдельные аспекты коранического откровения (ведь мы, будучи существами ограниченными, всегда судим на основе знаний своего времени, а божественное знание находится за пределами времени).

В Коране сказано: *«Воистину в творении небес и земли – аяты для людей разумеющих»* (2:164). Весь мир таким образом является самораскрытием замысла Аллаха, поэтому не праздным представляется вопрос о полезности физических, химических, биологических знаний для богопознания – разумеется, не частных, а масштабных законов и принципов. В Коране также сказано: *«Мы представим им аяты Наши во Вселенной и в них самих»* (41:53). А это значит, что сам человек выступает знаменем Аллаха, и его изучение также является богоугодным делом. В хадисе мы находим подтверждение этому: *«Кто познает душу свою, тот познает Господа своего»*. Представляется, что современная антропология и когнитивная наука имеют много нового, что сказать о человеке, о его познавательных механизмах, мышлении и разуме. Быть может, наука не способна проникнуть в самую душу человека, в его сердце, но значит ли это, что другие органы познания должны игнорироваться как ненужные и малозначащие?

Третья важная философская проблема касается единства и многообразия человечества. Особенно остро она стоит в условиях современного мира. Глобализация предполагает унифицированное единство человечества, однако у этого процесса имеется и обратная сторона: унификация ведет к уничтожению культурного и языкового разнообразия, к чрезмерному расширению светской

сферы. Представляется, что такой результат не является случайностью. Он обусловлен самой логикой глобализационного процесса, разработанной еще в рамках классического либерализма. Согласно этой логике, человек – это индивидуум, чистый субъект, а значит, все его идентичности вторичны и мимолетны. Таким образом, глобализация по принципу унификации – это философски обоснованный процесс, процесс приближения к единому человечеству, живущему по европейскому образцу и не обремененному идентичностями более высокого порядка.

Я думаю, мусульмане должны найти альтернативу этому процессу. Коран не учит унификации. Он провозглашает единство человечества по происхождению, но в то же время подчеркивает предопределенность его реального многообразия: *«О люди! Воистину, Мы создали вас из мужчины и женщины и сделали вас народами и племенами, чтобы вы узнавали друг друга, и самый почитаемый перед Аллахом среди вас – наиболее богобоязненный»* (49:13).

Кораническому откровению в большей степени соответствует многополярный мир с плюрализмом позиций и культурной пестротой: *«Если бы Аллах не удерживал одних людей другими, то земля, воистину, исполнилась бы нечестия»* (2:251). Основа для единства людей – праведность и благочестие, а не ношение униформы и следование одинаковому образу жизни, ведь единообразие вовсе не исключает бесстыдства.

Теперь я перехожу к четвертой важной проблеме – проблеме религиозного многообразия. Среди мусульман на этот счет ведутся горячие споры. Полагаю, что проблема должна решаться в нескольких плоскостях, о чем и говорит кораническое откровение.

Согласно Корану, суть ислама, т.е. покорности Аллаху, заключается в единобожии и добрых делах. Природа человека изначально является правоверной, на что указывает следующий хадис кудси: *«Воистину всех рабов Моих Я создал правоверными»*. Более того, в Коране отмечается, что эта правоверная природа в сущности является неизменной: *«Вот природа, с коей Аллах создал людей, а [такое] Его творение неизменяемо»* (30:30).

Человек может по своим убеждениям перестать следовать своей природе, и тогда он перестает быть монотеистом и перестает творить добрые дела. Чтобы этого не происходило, Аллах посылает всем народам пророков и наставников: *«В каждом народе Мы воздвигали посланника»* (16:36). *«И нет народа, кому не был [дарован] увещатель»* (35:24). Очевидно, число пророков не ограни-

чивается упомянутым в Коране числом в 25 человек, ведь народов на земле всегда было больше, да и сам Аллах говорит Мухаммаду (мир ему): *«Мы являли посланников прежде тебя; об одних тебе Мы рассказывали, о других же – нет»* (40:78).

Таким образом, у мусульман имеются все основания для плюралистского подхода к факту религиозного многообразия: каждая религия должна сохранять в себе следы Ислама (то есть единобожия и морального благочестия), нужно только уметь найти их, уметь отделить зерна от плевел, божественное и вечное от человеческого и привнесенного. Именно этой идеей руководствовался Муса Бигиев, когда развивал тезис о всеобщности божьей милости и когда посвящал свое время изучению таких религий, как индуизм и буддизм¹.

Существующее обилие материалов, позволяющих проследить генезис каждой крупной духовной традиции, открывает нам широкие перспективы для осмысления религиозного многообразия и создания целостной философии религии на мусульманской почве. Предварительные попытки такого рода представлены в философиях Ибн Араби и Сухраварди², но современными мусульманскими мыслителями в этом философском направлении, к сожалению, не сделано практически ничего нового.

Пятая философская проблема – проблема толерантности – тесно связана с предыдущей. Наряду со свободой и эмансипацией она стала ключевой темой социальной философии второй половины XX в.

Герберт Маркузе афористично сформулировал суть проблемы следующим образом: «Как возможна философия после Аушвица?» Действительно, невиданные бедствия и трагедии, случившиеся с человечеством в XX в., заставили всерьез усомниться в последовательности и проработанности того философского понимания толерантности и свободы, которое было развито в Новое время. Результатом этого стали эмансипационные проекты Франкфуртской школы, Новых левых, радикального феминизма и

---

¹ См.: Бигиев М.Дж. Доказательства божественного милосердия // Бигиев М.Дж. Избранные труды. В 2 т. Т. 1. – Казань, 2005.

² См. критический анализ в работах: Смирнов А.В. Великий шейх суфизма (опыт парадигмального анализа философии Ибн Араби). – М., 1993; Pazouki Sh. The East of Suhrawardi and the West of Heidegger: A Comparative Study of Heidegger and Suhrawardi's Views on the Ancient Greek Philosophers // Эшотс Я. (ред.). Ишрак: Ежегодник исламской философии: 2011. № 2; Ishraq: Islamic Philosophy Yearbook: 2011. N 2. – М., 2011. – С. 98–104.

постмодернизма, которые ориентировались на преодоление запретов и деконструкцию властных отношений во всех сферах жизни¹.

Теперь мы видим, к чему это привело: к стиранию различия между праведностью и грехом, эрозии гендерной идентичности, легализации однополых браков, эксгибиционизма и пр. Мусульмане должны найти философскую альтернативу безумной толерантности такого рода. И здесь, опять-таки, нам следует опираться на Коран. В Писании четко устанавливается грань между праведностью и грехом; допустимым и недопустимым. Как бы мы ни хотели оправдать людей, мы не можем игнорировать этот факт. С другой стороны, Коран явно выступает против притеснения и репрессивных мер. Лишь Аллаху известно, кто праведен, а кто заслуживает осуждения.

Поучительна в этом плане следующая история. После Ухудского сражения, когда мусульмане потерпели поражение от войска мекканцев, Пророк изрек: *«Разве спасется народ, окровавивший лицо своего пророка, который призывал их к Господу?!»* На что Аллах ответил ему: *«Аллаху, а не тебе, решать – смилуется Он над ними или покарает за нечестие. Воистину, Аллаху принадлежит все, что на небесах и на земле: Он прощает, кого хочет, и карает, кого хочет. Всепрощающ Он и всемилостив»* (3:128–129). Вынесение окончательного осуждения о праведности на суд Аллаха стало одним из базовых принципов ханафитского мазхаба, и мне представляется, что это наиболее верный подход. Мы можем осуждать грех, но не людей. Судить людей способен только Аллах. И именно в этом направлении с опорой на коранические представления о праведности следует развивать мусульманскую философию толерантности.

Таким образом, мной обозначены пять тем, которые имеют особую важность для мусульманской философии. Это вопрос о релевантности философии вообще, классическая проблематика метафизики и антропологии, вопрос о единстве и многообразии человечества, вопрос о религиозном многообразии, проблема толерантности и эмансипации. Конечно, существует множество других актуальных проблем, но они вторичны по сравнению с заявленными. Отсутствие осмысления этих вопросов будет означать игнорирование коранического призыва к разумной вере, т.е. игнорирование божьего призыва к нам как к людям. А разве может быть что-либо более оскорбительное, чем пренебрежение разумом –

---

¹ См.: Бьюкенен П. Дж. Смерть Запада. – М., 2003.

самым благородным из творений Аллаха? Напомню хадис: *«Аллах не создал ничего благороднее разума, и гнев Его падает на тех, кто им пренебрегает».*

Какими мотивами и помыслами должны быть движимы сторонники мусульманского мышления в этих интеллектуальных усилиях? Безусловно, это стремление достичь процветания исламской цивилизации, благодаря чему мусульманская умма займет достойное место в семье народов планеты Земля.

Вместе с тем постоянно помня о том, что религия ислам была ниспослана всему человечеству, и послание Пророка Мухаммада, как и переданное через него Писание – Коран, обращены ко всем людям, нашей целью является донесение коранических истин до всего человечества.

Достижение благоденствия для всех потомков нашего праотца Адама, как в мире настоящем, так и в вечности, – не это ли есть прекрасная цель и великое предназначение, предопределенное Создателем! Творцом, ожидающим от нас покорности, в основе которой лежат разум, объединяющий всех людей, интеллект, облегчающий путь познания мироздания, и вера, идущая от чистого сердца.

Литература

1. Бигиев М.Дж. Избранные труды. В 2 т. Т. 1 / Пер. с осман. – Казань: Татар. кн. изд-во, 2005. – 336 с.
2. Бьюкенен П.Дж. Смерть Запада / Пер. с англ. А. Башкирова [Patrick J. Buchanan – The Death of the West]. – М.: Издательство АСТ, 2003. – 444 с.
3. Ибрагим Т.К. Коранический гуманизм. Толерантно-плюралистские установки. – М.: ИД «Медина», 2015. – 576 с.
4. Кулиев Э.Р. Коран. Смысловой перевод и комментарии Э.Р. Кулиева. – М.: Умма, 2003.
5. Смирнов А.В. Великий шейх суфизма (опыт парадигмального анализа философии Ибн Араби). – М.: Наука; Издательская фирма «Восточная литература», 1993. – 328 с.
6. Сэджвик М. Наперекор современному миру: Традиционализм и тайная интеллектуальная история XX века / Пер. с англ. М. Маршака и А. Лазарева; науч. ред. Б. Фаликов. – М.: Новое литературное обозрение, 2014. – 536 с.
7. Хагами М. Ислам, диалог и гражданское общество. – М.: РОССПЭН, 2001. – 240 с.
8. Nasr S.H. Islam in the Modern World: Challenged by the West, Threatened by Fundamentalism, Keeping Faith with Tradition. – Harper One, 2011. – Pp. 496.
9. Pazouki Sh. The East of Suhrawardi and the West of Heidegger: A Comparative Study of Heidegger and Suhrawardi's Views on the Ancient Greek Philosophers //

- Эшотс Я. (ред.). Ишрак: Ежегодник исламской философии: 2011. № 2; Ishraq: Islamic Philosophy Yearbook: 2011. N 2. – М.: Вост. лит., 2011. – С. 98–104.
10. Ramadan T. Islam, the West and the Challenges of Modernity. Leicester: The Islamic Foundation, 2001. – Pp. 352.

*«Ислам в современном мире:
Внутригосударственный и международно-
политический аспекты»,
М., 2015 г., Т. 11, № 2, с. 15–24.*

И. Бекмирзаев,
кандидат исторических наук,
старший преподаватель кафедры «Исламоведение»
(Ташкентский исламский университет)

**СОЦИАЛЬНО ЗНАЧИМЫЕ
ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ АКТЫ
МУСУЛЬМАНСКИХ РЕЛИГИОЗНО-ПРАВОВЫХ
ШКОЛ X–XIII вв.
(Краткий обзор)**

Развитие делопроизводства вплоть до Средневековья в Маверауннахре достаточно хорошо изучено. На процесс его становления оказали влияние правовые школы Хорасана, Ирака, Ирана, Египта, Андалусии. Но особого внимания заслуживает характерная для своего времени правовая практика, вполне вобравшая в себя критерии справедливости. Подобные взгляды, бытовавшие на Западе, доказывают, что на Востоке правила делопроизводства также имеют прочную основу и проверяются практикой.

Исследование основ исламского права служит фундаментом для изучения структуры мусульманских законов. Практика обоснования правовых норм тем или иным религиозным убеждением во все времена была явлением довольно распространенным. На Западе начало изучения жанра исламского «шурут» связано с немецким ученым Йозефом Шахтом. Поскольку Шахт был первым, кто описал правила составления формуляра в исламском праве, то впоследствии западные ученые в своих исследованиях ссылались на его произведения [Schacht Joseph, 1930, p 58].

Испанские ученые внесли большой вклад в исследование источников о правилах составления формуляров в маликитском мазхабе. Кристиан Мюллер в своем исследовании утверждает, что в Андалусии при халифе Хакаме II (время правления 350–376/961–

976 г.) проводилось множество реформ, которые пошли на пользу Западу [Christian Muller, 2000, p. 158–186].

Канадский ученый Ваел Халлак изучал образцы документации по составлению формуляра в XI–XIII вв. В 80-х годах он обновил и уточнил выводы западных исследователей касательно структуры исламского права и источников по истории нотариальной документации. В итоге он пришел к выводу о том, что в условиях глобализации необходимо по-новому подходить к пониманию системы исламского права и современным понятиям ислама. Он считал неправомерным связывать с деятельностью казиев разработку правил исламского делопроизводства, оформления судебного процесса, протоколирования, так как в X–XIII вв. соответствующие теоретические основы в основном разрабатывались факихами [Wael B. Hallaq, 1984, p. 110–111]. Мусульманские правоведы работы, относящиеся к шурут, адресовали в основном казиям, которые не знали правил составления документации или не имели опыта. Он предпочитал называть судебный процесс в казийском учреждении не суд (*court*), а мажлис (*assembly*). Западные судебные процессы в большей мере опираются на документально оформленные доказательства, но в отличие от них в казийских учреждениях большая роль отводится коллегии консультантов, состоящей из муфтия и факихов [Wael B. Hallaq, 1998, p. 421].

Ибн Аттар аль-Андалуси (ум. 399/1009 г.) – автор «аль-Васа'ик ва-с-сижиллат» – первого пособия маликитского мазхаба, посвященного документоведению. В 29 томах этого произведения обучают правилам составления документов на право владения имуществом. Ибн Аттар описывает правила составления каждого образца дела и подкрепляет соответствующей фетвой маликитского мазхаба. Такой стиль можно наблюдать только в Андалусской правовой школе. По мнению испанского исследователя Педро Чалмета, изучавшего научное наследие вышеназванного факиха, ибн Аттар является основателем учения шурут (т.е. учение о составлении документов в исламе) в маликитском мазхабе [Chalmeta P., Carriente F., 1983, p. 11].

Ибн Аттар приводит образец написания каждой книги, с которой имеет дело, подтверждая свои рассуждения фетвами маликитского мазхаба. Таким образом, можно увидеть, что столь своеобразный стиль исламского документоведения встречается только в Андалусской школе.

В отношении вышеупомянутого формуляра ибн Аттар указывает на следующее: «В Андалусии одна дийа равна тысячи андалусским динарам. В соответствии с этим Андалусские факихи принимали общее согласие мусульманской общины по вопросу об установлении дийа (*дийа* – компенсации ущерба за убийство, ранение или увечье на территории Шама. Шам – старинное название Сирии). Это связано с тем, что Андалуссия была исламизирована султанами Шамской династии омеядов [Edward William Lane, 1968, 8-vol, p. 65]. Нам следует держаться этого соотношения, так как Ирак и Хорасан установили размер дийи в двенадцать тысяч дирхамов. Хиджазцы же (т.е. жители главнейших городов Аравийского полуострова: Мекки, Медины и др.) приравняли одну дийу к ста верблюдам». Учитывая близость андалусских мусульман к христианам, факих выносил решение, согласно которому в случае внезапной кончины дийю может выплачивать семья осужденного, его племя. А если осужденный – иноверец, то компенсацию ущерба за убийство выплачивает государство, в котором тот проживал, или мусульманское государство, которое дало ему пристанище [Chalmeta P., Carriente F., 1983, p. 300].

Еще одна черта, присущая андалусской школе: справедливость и беспристрастность человека, проходящего как свидетель, должна была документально подтверждаться мусульманским учреждением, осуществляющим посредством кази судопроизводство на основе шариата. Необходимость в таких действиях была связана с тем, что в исследуемой нами эпохе в Маверауннахре новоизбранный кази выбирал в качестве свидетелей интеллигентных и богобоязненных людей, в то время как в Андалусии подобная работа проводилась формально. Это доказывают следующие замечания ибн Аттара:

Перевод: *В этой книге ниженазванные свидетели вызвались освидетельствовать того-то сына того-то, его имя и состояние. А также вызвались быть свидетелями истинности его показаний. Исходя из этого, допустимо выносить судебное решение на основании его слов и показаний. Во время составления этого документа не было случая отказа от показаний свидетеля. Участие в качестве свидетеля того-то состоялось в том-то месяце такого-то года* [Chalmeta P., Carriente F., 1983, p. 329].

Ибн Аттар приводит этот формуляр, так как считалось, что официальное оформление этого документа, придание ему статуса письменного показания усиливает меру его убедительности, ответственности и справедливости. В то же время он указывает Кор-

дове, что для подтверждения показания одного свидетеля нужно выслушать и зафиксировать свидетельства как минимум двух честных людей. При этом максимальное количество – не ограничено. Поиском справедливых и честных людей в учреждениях кази занимался специальный служащий – музакки. Справки о будущем свидетеле кази мог наводить открыто или тайно.

Ибн Аттар приводит образцы формуляров для представителей иных религиозных конфессий, тем самым ученый решает практические задачи религиозной толерантности. Особое внимание факих уделяет оформлению документации, связанной с принятием ислама христианами, иудеями и зороастрийцами. Данная традиция в исламском документоведении присуща именно Андалусской школе и обусловлена ее географическим расположением и этнографическими особенностями:

Перевод: *В данном документе он свидетельствует о том, что назарянин тот-то – сын того-то, будучи в здравом уме и по собственному желанию отказался от своей веры и принял мусульманство. Как только он стал мусульманином, то исполнил гусл (ритуальное купание) и прочитал намаз. Он стал мусульманином без принуждения, по твердому убеждению. Его переход в мусульманство произошел под руководством того-то. Если тот-то был наделен властью, я говорил: «Стал мусульманином под руководством кази общины Кордова или кази области Кордова, или начальника базара, города или миришаба (службы охраны)». В этом документе вышеназванный тот-то сын того-то произнес шахаду (то есть подтвердил свое признание единобожия и пророческой миссии Мухаммада). Затем в документе следует: «Это событие произошло в таком-то месяце такого-то года и документ составлен в двух или нескольких экземплярах». Желательно, чтобы этот экземпляр хранился в руках надежного человека, а лучше, если в руках нескольких надежных людей. Если имя отца, принявшего мусульманство, не было известно, или же это имя было неблагозвучным или с негативным значением, то в документе писалось: «Тот-то ибн Абдаллах» [Chalmeta P., Carriente F., 1983, p. 406].*

Ибн Аттар приводит образцы формуляров, относящихся к иудаизму и зороастризму. Факих считает, что если жена принявшего мусульманство, – вольная христианка или иудейка, то их брак остается в силе. Если христианка или иудейка является рабыней, то их брак расторгается, так как мусульманину дозволено жениться только на вольной иноверке.

Еще один представитель Андалусской школы документоведения – Абу Жаъфар Ахмад ибн Мухаммад ибн Мугит ат-Тулайтули. Он родился в 406/1015 в 55 км северо-восточнее Гранады в селении Тулайтуй (Toledo). Абу Жаъфар ат-Тулайтули – представитель семейства маликитских факихов Бану Мугит. Его отец – Абу Бакр Мухаммад ибн Мухаммад ибн Мугит ас-Садафи до 444/1052 г. был кази в Толедо. Абу Жаъфар ат-Тулайтули умер в 459/1067 г. в Толедо [Ahmad B., 1994, p. 21].

В мусульманском документоведении важным трудом Абу Жаъфара ат-Тулайтули считается произведение «*ал-Мукниъ фи илм аш-шурут*». Испанский исследователь ислама Франциско Хавьер Аквиери Садаба (Francisco Javier Aguirre Sadaba) подготовил рукопись к редакции¹. Научный труд был составлен лаконично. В прологе факих сам повествует об этом:

Перевод: *Я разделил книгу на 6 глав, в каждой из них, для детального разъяснения, я разместил наглядные примеры. Первая глава повествует о жизненном пути документоведа, о его благодеяниях в мусульманском мире; вторая – о брачных документах и связанных с ним вопросах; третья глава – торговая документация и значимые для этой сферы вопросы; четвертая глава – судебные решения и связанные с ними постановления; пятая глава – документы, связанные с освобождением и их виды; шестая глава включает в себя документацию по вредительству и его причинам. Данные вопросы я пояснял доказательствами и документами. Я включил в книгу рассуждения шейхов, известных своей ученостью и благочестием, а также высказывания авторитетных ученых [Ahmad B., 1994, p. 8].*

Анализ глав Абу Жаъфара ат-Тулайтули показал, что в отличие от факиха ибн Аттара средневековое андалусское общество большое внимание уделяло вопросам семьи, торговли и рабства. В процессе изучения произведения один из формуляров привлек особое внимание, а именно, связанный с документальным оформлением методических указаний для преподавателей, занимающихся самообразованием:

Перевод: *Тот-то сын того-то обучил того-то учителя преподаванию Корана, хадисов, этики, мусульманского права,*

---

¹ Испанский исследователь при подготовке к редакции использовал экземпляры рукописей, которые хранятся в фонде рукописей Академии Истории (*Academia de la Historia*) в Мадриде под инвентарным № 11 и в фонде рукописей Национальной библиотеки (*Biblioteca Nacional*) под инвентарным № 5452.

поэзии для сына того-то. Преподавателю ежемесячно в установленном порядке выплачивается жалование. Тот-то преподаватель начал обучать того-то. Были свидетелями те-то и такогото числа подписали [Ahmad B., 1994, p. 199].

Таким образом, оказывается, что в уже в XI в., выражаясь современным языком, в исламском мире применялось и документально фиксировалось репетиторство, т.е. оказывалась помощь в самостоятельном изучении урока или предмета на дому или же в учебном заведении.

Абу Жаъфар ат-Тулайтули в ходе заполнения формуляра уделял внимание детальному разъяснению и документальному закреплению прав и обязанностей участников договора. По его мнению, в случае смерти обучающегося, этот факт должен быть зафиксирован в установленном порядке в договоре о прекращении оказания услуги. То есть в том случае если это была поденная заработная плата, то она прекращалась в тот же день. Но если зарплата была помесечной, то начисление должно было продолжаться с вышеназванной даты до конца текущего месяца, так как смерть ученика не имеет отношения к учителю и его неотъемлемым правам. Соглашение учитывает следующие нюансы, которые касаются прав учителя и учащегося:

- Если у ребенка наблюдается так называемая *балада* – т.е. тупость и полное непонимание, учитель в праве от трех до шести месяцев работать по составленному договору. Если же обучение не приносит пользы, то договор расторгается [Ahmad B., p. 199].

- Если обучающийся – *мамлюк* (невольник в услужении кого-либо), но при этом он *хазака* – (т.е. одарен и способен к усвоению знаний), то по решению учителя кази взимает с хозяина ученика плату. Если хозяин категорически отказывается платить, кази переводит мамлюка в *байтул каср*, т.е. в государственную школу, в результате чего учитель получает из государственной казны жалованье, которое называется *ужра* [Ahmad B., 1994, p. 199].

С учетом потребностей преподавателей в Андалусии кази ввели так называемую *ужра мислихи* – т.е. одинаковое для всех учителей жалованье. Если преподаватель пропускал предмет, указанный в договоре и вместо него читал другие темы и этому были свидетели, то кази принимал решение о компенсации нанесенного ущерба [Зар В., 1994, p. 201].

В ходе изучения произведений ибн Атгара и Абу Жаъфар ат-Тулайтули можно сделать вывод о том, что опыт сформировав-

шейся в X–XIII вв. Андалусской школы мусульманского документоведения оказал заметное влияние на западную правовую культуру.

В Средние века на территории Египта власть оказалась в руках династии Фатимидов и Мамлюков. Нужно заметить, что за время правления этой династии был создан ряд редких произведений, ставших ценными источниками исламского документоведения. В появившемся в XI в. в Египте произведении «*ас-Сижиллат ал-Мустансирийа*» содержатся сведения об официальных дипломатических отношениях государства Фатимидов, которые были приверженцами шиизма в исламе. В этом произведении собрана официальная переписка правивших в государстве знаменитых халифов династии Фатимидов. Это ал-Мустансир Биллах (годы правления: 427/487–1035/1094 гг.) и его сын – ал-Муста‘ли Биллах (годы правления: 487/495–1094/1101 гг.). Вышеназванное произведение изучил египетский исследователь Абд ал-Мун‘им Мажид. Ученый в своем исследовании обращался к рукописи, которая хранится в Восточном секторе библиотеки Лондона под инвентарным номером 27155. Произведение состоит из 175 страниц, переписанных линейно-гибким письмом – насх [Мустансир Биллах, 1373/1954, р. 28].

Ценность этого произведения состоит в том, что оно оживляет события, происходившие в канцелярии государства Фатимидов на протяжении 44 лет. В составленных правовых документах, как правило, отражались официальные события того времени, которые протоколировались секретарями канцелярии. В вышеназванном источнике в основном содержатся официальные документы эпохи Фатимидов в годы правления Сулайхидов в государстве Йемен (территория современного Йемена)¹. Известно, что фатимийские халифы, будучи убежденными шиитами, не поддерживали суннитские государства, их религиозные и политические реформы. В произведении достоверно сообщается о наличии дипломатических отношений Сулайхидов с государством Йемен, о приверженности его исмаилийскому мазхабу в шиизме.

---

¹ Основателем государства был Али ибн Мухаммад ас-Сулайхи (ум. 447/1055 г.), он был также одним из инициаторов объединения государства Фатимидов. После смерти Али ибн Мухаммад ас-Сулайхи его жена – принцесса царица Саййида Хурра (ум. 478/1085 г.) еще более упрочила связи с государством Фатимидов. Под предводительством фатимидов было установлено владычество над югом Аравийского полуострова и Индийским океаном.

В рукописи зарегистрированы документы касательно 66 различных эпизодов дипломатических отношений [Мустансир Биллах, 1373/1954, р. 23].

Документы эпохи фатимидов составлялись секретарями, деятельность которых осуществлялась под руководством казиев. В процессе их составления и официального оформления наблюдается своеобразие и ряд особенностей, отличных от других мусульманских регионов. В частности, не только политические или государственные вопросы, но и общественные, бытовые проблемы требовали документального оформления. При этом независимо от степени важности документа в начале текста обязательным было выражение *бихатти-л-халифа*, что дословно можно перевести как «написано собственноручно халифом». Это, в свою очередь, указывало на то, что в отличие от официальной государственной канцелярии, каждое учреждение, осуществлявшее деятельность в государстве, равно как и религиозно-правовые учреждения, под руководством кази, находились под политическим влиянием и давлением. Это обстоятельство было обусловлено тем, что религиозно-правовые учреждения являлись важной и довольно самостоятельной сферой общественной жизни.

В каждом официальном документе вначале писалось полное имя халифа, затем произносились восхваления и благословения великим шиитским имамам¹. И только после этого записывались заявления, относящиеся к рассматриваемому вопросу.

Судя по содержанию произведения *«ас-сижиллат ал-мустансирийа»*, в нем можно выделить следующие темы: двусторонние дипломатические отношения, соответствующие ответы фатимийских халифов на вопросы сулахийцев по спорным проблемам; внутренняя и внешняя политика государства; религиозные реформы мусульманских обрядов и обычаев фатимийскими халифами; вопросы вознаграждения, условия занятия или освобождения с должности. В конце документа по обыкновению ставились месяц, день недели и число.

---

¹ В каждом документе халиф Мутансир Биллах благославляет Али ибн Мухаммад ас-Сулайха. Затем он восклицает: «Слава Аллаху, кроме которого нет иного божества, Повелителю всех покорных мусульман, а также Его Рабу и Посланнику, последнему из всех пророков – Мухаммаду, да благославит Его Аллах и приветствует, его благочестивому роду и всем известным истории благочестивым имамам». Этот прием используется во всех документах, приведенных в качестве образца.

Моника Гронке (Monika Gronke – немецкий ученый, исламовед) исследовала казийские документы XII–XIII вв., находящиеся на территории современного Ирана в городе Ардабил¹. В итоге она пришла к выводу о том, что эти документы были составлены хорезмийскими кази.

Ценность данного документа для исследователей состоит в том, что в нем приведены образцы торговых договоров, составленных между торговцами Хорасана и Ардабила с купцами из Бухары и Самарканда городами, которые являлись важнейшими по значимости городами Маверауннахра [Monika Gronke, 1982, p. 550].

В ардабилских документах приводятся имена прибывших из Маверауннахра кази и факихов, осевших на новом месте. Известно, что Чингисхан осенью 616/1219 г. начал военный поход против государства Хорезмшахов. Так как монгольские войска вошли на территорию Маверауннахра весной, то посеы на полях и садовые саженыцы были вытоптаны воинами и кавалерией. Вследствие уничтожения земледелия и садоводства – основного занятия народа и средства к его существованию – положение в стране ухудшилось. Пострадали также наука и образование: солдаты сжигали мечети и медресе (араб. *madrassa* мусульманская средняя и высшая школа, готовящая служителей культа, учителей начальных мусульманских школ, а также служащих государственного аппарата). В тех мечетях и медресе, которые уцелели, деятельность была прекращена, так как вследствие завоевания страны многие учителя вынуждены были переселиться в другие восточные государства. Студенты же потеряли средства к обучению, так как они жили и учились за счет так называемого *вакфа* (вакуф от араб., букв. – удержание; движимое и недвижимое имущество: земли, дома, мастерские и пр., имущество, в соответствии с мусульманским правом, отказанное государством или отдельным лицом на религиозные или благотворительные цели) [Бартольд В.В., 1963, p. 760].

Ардабилская документация часто упоминает о факихе, который был родом из Хорезма, но из-за монгольского завоевания осевшего в Табризе. По уточненным сведениям факих продолжил в Табризе свою деятельность, дослужился до главы городского и казийского совета. Род Мухаммад Иззуддин ал-Хорезми на протя-

---

¹ Ардабил или Ардебилская область с центром – городом Ардабил (население 650 тыс. человек, 92% – азербайджанцы) – в настоящее время расположен на северо-западной границе Ирана с Азербайджаном.

жении более 100 лет удерживал в Табризе должности председателя городского совета и кази. В частности, после смерти ученого на должность Верховного кази был назначен его сын – Мухийиддин Абу-л-Хасан (ум. 697/1298 г.). Другой сын Мухаммада Иззуддин ал-Харезми – Кивамуддин Абу-л-Мажд (ум. 701/1301 г.), хорошо владеющий наукой *шурут*¹, считался не только «теоретиком» фихха, т.е. знатоком и интерпретатором богословско-правового исламского комплекса, но он также практиковался в качестве кази, т.е. осуществлял судопроизводство на основе мусульманского права (шариата). Дядя Мухаммада Иззуддин ал-Харезми – Насриддин ибн Мухаммад ал-Харезми (ум. 706/1306 г.) в период с 694 по 704/1295–1304 гг. служил в Табризе и Дамаске в должности кази. Он прибыл в Шам по приглашению главы государства – Илхан Газана (ум. 704/1304 г.) [Monika Gronke, 1982, p. 445].

Можно сказать, что судебно-правовая деятельность Мухаммада Иззуддин ал-Харезми стала в хорошем смысле семейной традицией его клана. Преемственность коснулась не только родственников первой степени, но и дальняя родня успешно занималась этой деятельностью. В частности, старший брат Мухаммада Иззуддин ал-Харезми – Алауддин Абу Али Муъайяд (ум. 640/1243 г.) и его сын – Шихабиддин Абу-л-Фатх (ум. 677/1278 г.), а также дети Шихабиддина Абу-л-Фатха – Имадуддин ибн Шихабуддин (ум. 729/1329 г.) и Абдулхамид ибн Шихабуддин (ум. 737/1336 г.) служили в качестве кази в Табризе и Хорасане [Monika Gronke, 1982, p. 445].

Восемьсот оригинальных экземпляров Ардабилских законодательных документов периода 650/735–1252/1334 годов до сих пор хранятся в архиве Тегеранского национального музея. Немецкий исламовед Готфриид Херман (Gottfried Herrmann), изучавший эти документы, в 1970 г. привез во Фрайбургский университет 26 фотокопий [Herrmann Gottfried, 1974, p. 625].

Двадцать два документа было составлено на арабском языке и четыре – на фарси. По мнению Готфриида Хермана, именно эти 26 документов, которые он скопировал, являются самыми древними, а остальные относятся к XVI–XVIII вв. [Herrmann Gottfried, 1974, p. 249–252].

Большая часть документов относится к купле-продаже. Ардабилские документы состоят из трех частей. Первая, так называемая *инвокация* – включает в себя благословения, аяты (аят –

---

¹ *Шурут* – здесь наука составления документов в исламе.

наименьший выделяемый отрывок коранического текста, «стих» Корана), а также предания о поступках и изречениях Пророка Мухаммеда и священные молитвы. Например, выражения типа: *бихи аста 'ийн ва 'алайхи атаваккалу* (Его молю о помощи и на Него уповаю) или *бисми ман хува маалик ал-мулук* (именем Владыки всего сущего). Инвокация заканчивается словами: *амма ба 'д* (после этого).

Основной текст документа начинается словами *хаза ма ши-таро.., т.е. эта продаваемая вещь*. Так как в Ардабилских документах договор двух сторон апеллирует к лицу, которое формально закрепляет и убеждает в надежности данного соглашения, то и содержание текста обращено к третьему лицу [Monika Gronke, 1982, p. 19]. В Ардабилской документации продавец именуется как *мукиррун* – т.е. тот, кто признает своим проданный товар. Покупатель именуется как *мукаррун лаху* – т.е. тот, кто признал акт покупки и официально его оформил [Monika Gronke, 1982, p. 17].

В мусульманском мире при составлении документов наблюдается еще одна особенность: уточнение наименования денежной единицы. В X–XIII вв. для взаиморасчетов население использовало три вида денежных единиц. Речь идет об отлитой из золота монете – *динаре*, об отлитой из серебра монете – *дирхаме*, а также медной монете – *фулусе*.

Имеются документы, свидетельствующие о том, что в Ардабиле в ходу были самые разнообразные монеты. В этом городе, расположенном на востоке Азербайджана и северных районах Ирана, применялась *акча* – денежная единица азербайджанского султана Ширваншаха – представителя династии Бишкид (годы правления 587–608/1191–1211 гг.), а также использовались начеканенные в государстве Караханидов и Хорезмшахов серебряные монеты [Monika Gronke, 1982, p. 31].

В конце документа кази поверх слов ставил свою печать со словами: *иттафака 'алайхи ал-'улама ва-л-а'имма* – с этим согласны уламо (т.е. верхушка мусульманского духовенства) и имамы [Monika Gronke, 1982, p. 41]. В документе содержатся правила «поддерживания или сбивания цены доставки или приема товара» – *ал-кабз ва-л-икбаз фи-с-саман ва-т-таслим ва-т-тасаллум фи-с-саман*. Это «золотое» правило также является отличительной особенностью Ардабилской документации. Упоминание подобных этому правил в документах свидетельствует о взаимном согласии и координации деятельности договаривающихся сторон.

Документ подытоживается общими фразами типа: *инний анфазтуху – действительно, я его привел в исполнение; ахкамтуху – решение исполнил; амдойтуху – его заверил; аишхадту алайхи – подтверждаю* [Monika Gronke, 1982, p. 63].

Итак, после монгольского нашествия многие факихи переселились из Маверауннахра в мусульманские страны. Этот факт способствовал тому, что факихи принесли с собой традиции документоведения, которые в сочетании с местными традициями и обычаями делопроизводства привели к формированию новых общепризнанных правил и методик документоведения.

Ход исследования показал, что в исследуемый период мусульманское документоведение в рамках ханбалийского мазхаба не развивалось. Это связано с тем, что представители множества других религиозно-правовых школ не воспринимали ханбалийский мазхаб как самостоятельную школу. В частности, мусульманский историк ислама и факих ибн Жарир ат-Табарий (ум. 311/923 г.) рассматривал Ахмад ибн Ханбала не как факиха, а как мухаддиса, т.е. как хадисоведа. По мнению ибн Жарир ат-Табарий, на одном этом основании ханбализм считать мазхабом недостаточно. По мнению западных исследователей ислама Генри Лаоуста (Henri Laoust) и Георга Макдиси (George Makdisi), к X–XI вв. в мусульманском правоведении в рамках ханбализма, а именно в направлениях изучающих методики богослужения (*усул ад-дин*)¹ и частично мученичество – *укубат*², стали появляться самостоятельные письменные заключения ханбалийских религиозных авторитетов по богословско-юридическим вопросам.

Правда, в направлении *муамалат*³ не нашли отражение большинство социальных вопросов того времени. Причина этого кроется в том, что ханбалиты в основном практиковались в хадисологии и выбрали консервативный путь развития фикха, т.е. исламской доктрины о правилах поведения мусульман [George Makdisi, 1984, p. 5–47].

Факихи ханбалитского мазхаба, жившие в XI–XIV вв., в своих трудах не рассматривали отдельные вопросы и общие правила со-

---

¹ Ибадат – часть исламского права, предписывающая обязанности мусульманина: участвовать в общественном богослужении, соблюдать религиозные обряды и предписания.

² Укубат – это часть исламского права, изучающая вопросы преступления и меру наказания.

³ Муамалат – это часть исламского права, регулирующая отношения гражданского права.

ставления документов в исламе как обособленную сферу деятельности. Сферой их научно-практических интересов был в основном анализ вопросов торговли, брака, развода, рабства.

Факихи ханбалитского мазхаба – Муваффах ад-дин ибн Кудама (ум. 619/1223 г.), Шамсуддин ибн Кудама (ум. 682/1284 г.), ибн Аби Яъла (ум. 525/1131 г.), ибн Таймия (ум. 728/1328 г.) в своих фетвах излагали идею о том, что *торговля по соглашению – это не торговля (ла байъ би-шарт)*, считая, что в подписании двустороннего соглашения и регулировании процесса купли-продажи прослеживаются мотивы спекуляции и лихоимства. Ханбалиты в вопросах составления формуляров в исламе по сравнению с ханафитами выказывали меньше усердия [Arabi Oussama, 1998, Vol. 30, p. 29–50].

Таким образом, вплоть до настоящего времени ханбализм или же просто консервативное мышление вне религиозной школы и использование фетвы как регулятора общественной жизни в арабо-исламском регионе превратило мусульманство в образ жизни. В итоге в арабо-исламских странах наблюдается политизация исламской доктрины, которая вместо всеобщего благоденствия служит интересам группы консервативно настроенных мусульман. В странах же, где народ при разрешении социальных противоречий руководствуется благоразумием, а из мусульманских источников черпает сведения, способствующие социальному прогрессу, в таких странах ислам стал не образом жизни, а национальной ценностью, которая веками обогащала духовность народов, в них проживающих. К примеру, в странах Центральной Азии.

«*Китаб аш-шурут ва-л-васа'ик*» является одним из значительных источников мусульманского документоведения в контексте шафиитского мазхаба. Его автор – Бадриддин Хасан ибн Умар ибн Хасан ибн Хабиб ал-Халаби (ум. 536/1142 г.). В 698/1299 г. в Дамаске вышеназванное произведение было переписано Мухаммадом ибн Али ибн Ибрахимом линейно-гибким письмом (наск) на арабский язык. Произведение начинается с главы, повествующей о правилах купли-продажи (*ал-буйуъ*) и заканчивается главой об имущественных правах (*ал-истихкак*).

Примечательно, что в исламском документоведении этот труд занимает особое место и отличается от остальных источников рядом признаков. В частности, такие главы как начисление заработной платы (*ал-жуа'ала*), обязанности (*ал-фуруз*), судебные заседания кази (*ал-мажалис ал-хукмиййа*), права (*ал-истихкак*) считаются своеобразными для этого труда.

Ибн Хабиб ал-Халаби приводит два примера оформления зарплаты людей, услугами которых он пользовался. В одном случае – оплата пошива головного убора, а в другом – зарплата за возведение стены:

Перевод: *Тот-то сын того-то взял на себя ответственность с такого-то по такой-то период в Дамаске огородить четырьмя стенами дом того-то. В договоре было оговорена длина стен и высота в измерении зиро, а также было указано обязательство при необходимости заделывать изъяны и поломки жженым или глиняным кирпичом. За выполненную работу причитается такая-то сумма. Такому-то мастеру было заплачено. Мастер получил у того-то свою долю заранее наличными. Как только было напомнено о начале работы, обе стороны согласованно и добровольно начали работать в установленный срок. Свидетелями этого соглашения такого-то года, месяца, дня были...* [Ибн Хабиб ал-Халаби Бадруддин Хасан ибн Умар ибн Хасан, р. 82].

Ибн Хабиб ал-Халаби в главе Обязанности (*ал-фуруз*) приводит примеры соглашений, в которых поднимаются вопросы социальной защиты. Первый вопрос касается прав женщины использовать имущество мужа для своих нужд и нужд детей в период его отсутствия дома. Решение кази по этому вопросу не могли опротестовать даже близкие родственники мужа: мать, отец, братья и сестры [Ибн Хабиб ал-Халаби Бадруддин Хасан ибн Умар ибн Хасан, р. 124]. Следующее решение кази касается права учителя, который приходит в медресе издалека, пользоваться имуществом, которое было дано в вакуфное пользование, по этому решению кази никто не вправе вычитать из зарплаты преподавателя счет за ночлег в медресе, питание и одежду [Ибн Хабиб ал-Халаби Бадруддин Хасан ибн Умар ибн Хасан, р. 125].

Эти примеры свидетельствуют о том, что в мусульманском обществе были прочные основы гражданского общества, приоритет закона и ценность человека.

Ибн Хабиб ал-Халаби в главе (*ал-мажалис ал-хукмиййа*) приводит примеры рассмотрения исковых заявлений на судебных заседаниях кази в Дамаске. Первым рассматривалось решение кази по вопросу о незаконном вселении человека в дом или во владение имуществом – улицей, арыком и т.д.; об изучении кази претензий по данному вопросу с учетом достоверности показаний свидетелей и вынесении решения в пользу истца. А также приведены примеры исков и решений кази по вопросу о краже домашнего скота, о над-

зоре за вакуфным имуществом, о привилегиях в торговле, о даче и возврате [Ибн Хабиб ал-Халаби Бадруддин Хасан ибн Умар ибн Хасан, р. 151].

В заключение можно сказать, что выводы таких западных исследователей, как Йозеф Шахт, Жанетте Вакин, Эмиле Тян, Шафик Чехата, глубоко изучивших источники, относящиеся к истории исламской правовой системы и нотариальных документов, подтверждали идею о том, что традиции исламского права и составления документов формировались под влиянием религиозного законодательства и судебной системы, созданной непосредственно в Египте, Греции и Риме. В отличие от них Ваел Халлак в качестве первоисточника о правилах составления юридических формуляров ислама приводит исламские источники. По его мнению, основателями правил составления формуляров в исламе были Абу Ханифа и его сподвижники. Целью введения в оборот документов такого вида являлось правовое упорядочение имущественных и торговых отношений. Кроме этого исследователь толкует шурут не как теорию, а в качестве программы применения фетвы на практике.

Деятельность казийских учреждений восточной цивилизации периода средних веков считалась событием мирового масштаба, с точки зрения осуществляемых функций она была равна с римской правовой системой. В древности правоведов римского рабовладельческого государства называли «творцами права». Значит, логически правильно было бы назвать факихов и кази, осуществлявших свою деятельность в исламском мире X–XIII вв. «творцами права» мусульманского мира. Данная система исламского права возникла и сформировалась в арабском халифате и постепенно распространилась на восточные мусульманские территории. Исторически происходил постоянный обмен опытом в вопросах управления мусульманским миром и западным обществом. Можно заметить, что именно поэтому на Западе в X–XV вв. был особенно велик интерес к образцам документов делопроизводства ислама и деятельности казийских учреждений, осуществлявших свою деятельность в государстве Османов и в Андалусии, считавшейся частью исламского мира. Причина этого в том, что традиции государственности на этих территориях были непосредственно связаны с историей западных государств. В результате западные исследователи при сравнительном анализе правовых вопросов принимали во внимание правовые нормы, сформировавшиеся в мусульманских странах и рационально их использовали.

Особое место занимает создание новой правовой системы в X–XIII вв., которая стала толчком для сбора фетв, существующих в исламе мазхабов, формирования организационных и теоретических основ деятельности казийских учреждений и образцов документов делопроизводства в исламе и наук, являвшихся основой этих процессов. Основываясь на вышеизложенном, этот период можно признать в качестве периода обновления мусульманского мира. К X–XIII вв. в результате упорядочения и развития образцов документов делопроизводства возникли шесть независимых крупных школ: школа Маверауннахра, хорасанская школа, иракская школа, сирийская школа (Дамаск), египетская школа, школа Андалусии. Произведения факихов этих школ были признаны в большинстве мусульманских стран. Составленные ими руководства были созданы с учетом присущих региону местных условий, традиций и обычаев. В результате исследования стало ясно, что традиции составления документов в различных мазхабах и направлениях ислама не отличались в сильной степени друг от друга. Творцы права всех мазхабов ставили на первое место нормы справедливости.

Литература

1. Arabi Oussama. Contract stipulations (Shurut) in Islamic Law: The Ottoman majalla and ibn Taymiyya // *International Journal of Middle East Studies*. – London, 1998. – Vol. 30. – Pp. 29–50.
2. Ahmad B. Mugit al-Tulaytuli. Al-Muqni' fi 'ilm al-Šurut (formulario notarial). ed. Francisco Javier Aguirre Sadaba. – Madrid, 1994. – Pp. 405.
3. Bartol'd V.V. Turkestan v epokhu mongol'skogo nashestviia // Bartol'd V.V. Sochineniia. – Moskva: Izdatel'stvo vostochnoi literaturi, 1963. – Pp. 760.
4. Christian Muller. Judging with God's law on Earth: Judicial powers of the Qadi al-Jama'a of Cordoba in the fifth/eleventh century. *Jurnal, Islamic Law and Society*, Vol. III. (Leiden, E.J. Brill, 2000). – Pp. 158–186.
5. George Makdisi. The Juridical Theology of Shafi'i: Origins and Significance of Usul al-Fiqh // *Journal, Studia Islamica*, 1984, N 59, pp. 5–47.
6. Edward William Lane. Arabic-English lexicon. – Beirut: Librairie du Liban, 1968. – Volume 8.
7. Chalmeta P., Carriente F. Formulario notarial Hispano-Arabe por elalfaqui y notario cordobes Ibn al-Attar. – Madrid: Academia Matritense del Notariado Instituto Hispano-Arabe De Cultura, 1983. – Pp. 675.
8. Herrmann Gotfried. Persische Urkunden der Mongolen zeit. – Berlin: Klaus Schwarz Verlag, 1974. – Pp. 625.

9. Ibn Khabib al-Khalabi Badruddin Khasan ibn Umar ibn Khasan. Kitab ash-shurut va-l-vasa'ik, Stambul: Otdel rukopisei biblioteki Suleimaniia // Rukopis' № 00559, pp. 175.
10. Mustansir Billakh. Sizhillat al-mustansiriia / Pod. red. 'Abdu-l-Mun'im Mazhid, Kair: Dar al-fikr al-'arabi, 1373/1954, pp. 234.
11. Monika Gronke. Arabische und Persische Privaturkunden des 12. und 13. Jahrhunderts aus Ardabil (Aserbeidschan). – Berlin: Klaus Schwarz Verlag, 1982. – Pp. 550.
12. Schacht Joseph. Das kitab aš-Šuf'a aus dem al-gami' al-Kabir fiš-Šurut des Abu Ga'far Ahmad ibn Muhammad at-Tahawi. Heidelberg: Carl Winter's Universitätsbuchhandlung, 1930. – 58 s.
13. Wael B. Hallaq. «Was the Gate of Ijtihad Closed?» International Journal of Middle East Studies, Vol. XVI, Leiden, E.J. Brill, 1984. – Pp. 110–111.
14. Wael B. Hallaq. The qadi's diwan (sijill) before the Ottomans. Bulletin of the School of Oriental and African Studies, University of London, Vol. 61, No 3. (1998). – Pp. 421.

*Статья предоставлена автором для публикации
в бюллетене «Россия и мусульманский мир».*

**РОССИЯ
И
МУСУЛЬМАНСКИЙ МИР
2016 – 4 (286)**

Научно-информационный бюллетень

Содержит материалы по текущим политическим,
социальным и религиозным вопросам

Компьютерная верстка
Н.М. Власова, Е.Е. Мамаева

Гигиеническое заключение
№ 77.99.6.953.П.5008.8.99 от 23.08.1999 г.
Подписано к печати 30/III-2015 г. Формат 60x84/16
Бум. офсетная № 1. Печать офсетная. Свободная цена
Усл. печ. л. 11,75 Уч.-изд. л. 11,0
Тираж 250 экз. Заказ № 24

**Институт научной информации
по общественным наукам РАН,
Нахимовский проспект, д. 51/21,
Москва, В-418, ГСП-7, 117997**

**Отдел маркетинга и распространения
информационных изданий
Тел.: +7(925) 517-3691
E-mail: inion@bk.ru**

**E-mail: ani-2000@list.ru
(по вопросам распространения изданий)**

Отпечатано в ИНИОН РАН
Нахимовский пр-кт, д. 51/21
Москва В-418, ГСП-7, 117997
042(02)9

